

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Сибирский федеральный университет»

На правах рукописи

Мжельских Мария Константиновна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ *ЧЕЛОВЕК*
В ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Колмогорова Анастасия Владимировна,
доктор филологических наук, профессор

Красноярск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА»	12
1.1. К определению понятия «языковая картина мира»	12
1.1.1. Понятие картины мира в исследовательской парадигме XIX –XX вв... 12	12
1.1.2. Языковая vs. концептуальная картины мира	15
1.2. Норма как когнитивно-семантическая категория	20
1.2.1. Понятие нормы и типологии норм в языковедческих исследованиях... 20	20
1.2.2. Аспекты языковой картины мира: ценностная, нормативная и прототипические картины мира.....	27
1.3. Теория прототипов как теоретическая основа понятия прототипической картины мира	35
1.3.1. Прототипическая теория категоризации.....	35
1.3.2. Понятие прототипа.....	47
1.3.3. Теория «аргументации в языке» Освальда Дюкро и Жан-Клода Анскомбра: к определению прототипической картины мира.....	51
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	56
ГЛАВА II. АРГУМЕНТАТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, НОМИНИРУЮЩИХ ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ.....	59
2.1. Организация экспериментальной работы: ассоциативный эксперимент (с русскими и французскими респондентами).....	59
2.2. Дизайн экспериментальной работы: ценностно-семантический эксперимент с русскими и французскими респондентами	66
2.3. Аргументативный и коммуникативный потенциал прилагательных русского языка, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале русского подкорпуса).....	74

2.3.1. Аргументативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале русского подкорпуса)	74
2.3.2. Коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале русского подкорпуса)	106
2.3.3. Гендерные отличия в прототипических представлениях о мужчинах и женщинах (на материале русского подкорпуса).....	115
2.3.4. Аргументативно-коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале экспериментальной работы с русскими информантами)	120
2.4. Аргументативный и коммуникативный потенциал прилагательных французского языка, номинирующих прототипические и непрототипические качества представителей категории ÊTRE HUMAIN (на материале французского подкорпуса).....	145
2.4.1. Аргументативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале французского подкорпуса).....	145
2.4.2. Коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале французского подкорпуса).....	190
2.4.3. Аргументативно-коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале экспериментальной работы с французскими информантами).....	193
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	209
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	213
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	219

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению репрезентации категории ЧЕЛОВЕК (*ÊTRE HUMAIN*) в прототипической картине мира русских и французов и описанию аргументативного потенциала прилагательных русского и французского языков, объективирующих данную категорию.

Исследование выполнено в рамках когнитивно-семантической теории прототипов (Э. Рош, Дж. Лакофф, А. Вежбицкая), теории языковой аргументации (Ж.-К. Анскомбр и О. Дюкро), а также в русле психолингвистического экспериментального изучения объектов языкового сознания – психолингвистического значения слова и языковой картины мира (Ю.Д. Апресян, Ю.Н. Караулов, В.А. Маслова, В.И. Постовалова и др.).

Актуальность проводимого исследования и его результатов связана с важностью изучения семантики слова в аспекте ее взаимосвязей с социальной когницией и коммуникацией. Исследователи, активно работающие в рамках современных когнитивно-ориентированных теорий, например теории распределенной когниции (Э. Хатчинс, С. Коули) и концепции расширенной когниции (Д. Чалмерс, Э. Кларк), активно отстаивают тезис о вторичности языковых структур по отношению к структурам социального знания – суть и функция первых заключается в том, чтобы служить материальным «якорем» из звуков и графических знаков для фиксации и «трансфера» социально-релевантных моделей поведения. В настоящее время существует потребность в изучении данного социального аспекта языка, находящего свое отражение в скрытой семантике языковых единиц, которую трудно эксплицировать, но она, тем не менее, влияет на реализацию словом воздействующей функции и его роли в аргументативно-коммуникативной структуре высказывания.

Объектом исследования является категория ЧЕЛОВЕК (*ÊTRE HUMAIN*) в прототипической картине мира, объективируемой в двух

неблизкородственных языках – русском и французском.

Предметом исследования являются корреляции между содержанием прототипической категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) и аргументативно-коммуникативным потенциалом объективирующих данное содержание прилагательных (на материале русского и французского языков).

Цель исследования: доказать или опровергнуть гипотезу о существовании корреляции между содержанием прототипической категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) и аргументативно-коммуникативным потенциалом объективирующих данное содержание прилагательных, предварительно описав характеристики категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) в прототипической картине мира носителей языка посредством экспериментальной работы и анализа корпусных данных.

Достижение поставленной цели предполагает круг подлежащих решению задач:

- 1) определить место и роль прототипической картины мира относительно языковой, ценностной, нормативной картин мира и уточнить их взаимосвязи;
- 2) рассмотреть феномен нормы и описать влияние нормативных представлений об окружающем мире на языковую картину мира человека;
- 3) описать явление категоризации, предпосылки и историю становления теории прототипов и сущностные характеристики прототипической категории, отличающие ее от других форм мышления, в частности – от стереотипов;
- 4) обосновать связь семантики и прагматики прилагательного, номинирующего признак некоторого объекта, с местом и характеристикой последнего в прототипической картине мира с опорой на теории французских лингвистов Освальда Дюкро и Жана-Клода Анскомбра;
- 5) выявить прототипические характеристики категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) посредством двух психолингвистических экспериментов

среди мужчин и женщин, представителей французской и русской лингвокультур;

б) посредством аргументативно-коммуникативного анализа дискурсивных фрагментов, содержащих прилагательные, номинирующие прототипические качества человека, выявить аргументативно-коммуникативный потенциал данных прилагательных в русской и французской коммуникативной практике;

7) описать связи между местом прилагательного в прототипической картине мира представителей лингвокультурного сообщества и его аргументативно-коммуникативным потенциалом.

Решение данных задач потребовало привлечения комплекса **методов**: лингвопрагматического анализа, ассоциативного эксперимента, методики ценностно-семантического эксперимента Дюкро-Анскомбра, аргументативно-коммуникативного анализа, качественно-количественного анализа лингвистических данных.

Общая гипотеза исследования формулируется нами следующим образом: если для языкового сознания релевантен такой аспект познания и концептуализации мира, который может быть в лингвистической терминологии назван «прототипическая картина мира», то между свойствами и характеристиками некоторой категории в прототипической картине мира и аргументативно-коммуникативным потенциалом признаков языковых единиц, объективирующих данные свойства и характеристики, должны наблюдаться устойчивые корреляции.

Из вышеназванной общей гипотезы следуют несколько **частных**, тесно связанных с объектом исследования и обусловленных его материалом:

– если прилагательное номинирует *прототипическое качество* представителя некоторой категории (например, ЧЕЛОВЕК), то в аргументативной структуре высказывания оно используется в составе *аргумента* в поддержку некоторого тезиса; если же, напротив,

прилагательное номинирует *непрототипическое качество*, то оно используется для вербализации *тезиса*, а не аргумента;

– если прилагательное номинирует *прототипическое качество* представителя некоторой категории (например, ЧЕЛОВЕК), то оно будет находиться в *теме* высказывания (известном говорящему и слушающему знании), а *непрототипическое* – в его *реме* (сообщаемом новом и/или актуальном для данного контекста знании);

– если прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории, то в аргументативной структуре высказывания оно будет находиться в составе *аргумента*, а в актуальном членении высказывания выступать в роли составляющей *темы*; если прилагательное номинирует непрототипическое качество представителя некоторой категории, то в аргументативной структуре высказывания оно будет находиться в составе *тезиса*, а в актуальном членении высказывания выступать в качестве *ремы*.

Научная новизна исследования состоит в уточнении места и роли понятия прототипической картины мира в теории семантических и психолингвистических исследований, а также в разработке и апробировании алгоритма ее описания на примере категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN). Кроме того, впервые разработана и реализована в практике лингвистической экспериментальной работы процедура ценностно-семантического эксперимента, теоретические принципы которого были постулированы в работах О. Дюкро, Ж.К. Анскомбра и А.В. Колмогоровой.

Теоретическая значимость исследования определяется взаимным обогащением семантического, коммуникативного и психолингвистического подходов к описанию прототипов и прототипической картины мира: разработан и апробирован алгоритм экспериментальной работы, нацеленный на выявление прототипических характеристик объекта, представленных в реальности языкового сознания; разработан и апробирован метод

аргументативно-коммуникативного анализа дискурсивных фрагментов (на материале русского и французского языков), который вносит свой вклад в развитие методологии коммуникативного анализа дискурса.

Полученные в исследовании выводы и наблюдения о корреляции содержательных характеристик человека в прототипической картине мира и аргументативно-коммуникативного потенциала номинирующих данные характеристики прилагательных представляют **практическую ценность** для разработки учебных курсов по психолингвистике, лингвокультурологии, теории языка, лингвопрагматике. Исследование содержит тематически отобранный и систематизированный теоретический и эмпирический материал, который может послужить основой для дальнейшего изучения прототипической картины мира в рамках научных работ различного уровня. Разработанный алгоритм описания фрагмента прототипической картины мира может быть экстраполирован на другие ее фрагменты.

Материалом для исследования послужили данные, полученные в ходе проведения ассоциативного и ценностно-семантического экспериментов с участием 80 носителей русского языка и 40 носителей французского языка. Исследовательский корпус составили: 1) более 500 реакций информантов, полученных в результате ассоциативного эксперимента, в результате ценностно-семантического эксперимента – более 200 реакций; 2) 545 дискурсивных фрагментов в письменной форме на русском и французском языках, извлеченные из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), Электронного корпуса французского языка (EmoBASE), французского корпуса Интернет-текстов на платформе Sketch Engine, данных поисковых систем Google Books, данных службы вопросов и ответов компании Mail.Ru Group; 3) 60 видеозаписей, репрезентирующих дискурсивные фрагменты (в устной форме) на русском и французском языках отобранные с сайта «Первого» канала (1tv.ru), поисковой системы Google Videos, видеохостинговой компании Youtube, кроме того были использованы

видеофрагменты телепередач, художественных фильмов.

Теоретико-методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики (Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, А.В. Колмогорова, Г.М. Костюшкина, Х. Патнэм, Э. Рош, Б.А. Серебренников, Р.М. Фрумкина, В. Berlin and P. Kay, V. Evans, D. Geeraerts, M. Green и др.), лингвокультурологии (А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, О.А. Леонтович, В.А. Маслова и др.), лексической семантики (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.П. Бабушкин, Е.М. Вольф, Л.Г. Ефанова, Т.М. Николаева, В.Н. Телия, А.Д. Шмелев, А.Н. Шрамм, Е.В. Урысон, D.A Cruse и др.), психолингвистики (В.П. Белянин, В.З. Демьянков, А.А. Залевская, Ф. Кликс, Э. Сепир, Б.Л. Уорф, Р.М. Фрумкина, J.-C. Anscombre, O. Ducrot и др.), лексикологии (Ю.Н. Караулов, С.И. Ожегов, А.А. Потебня, Л.В. Щерба и др.), философии и логики (Аристотель, Л. Витгенштейн, В. фон Гумбольдт, Г.В.Ф. Гегель, И. Кант, К. Леви-Стросс, L.A. Zadeh и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Прототипическая картина мира – часть нормативной картины мира, в которой фиксируются разделяемые большинством представителей лингвокультуры имплицитно-оценочные представления о должных характеристиках объектов предметного, природного и социального миров при обычном (не-аномальном) положении дел.

2. В прототипической картине мира носителей языка существуют устойчивые представления о качествах, онтологически присущих всем представителям категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) при «нормальном» не-аномальном положении дел; как следствие, если прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории, то в аргументативной структуре высказывания оно обнаруживает тенденцию к использованию в составе *аргумента* в поддержку некоторого тезиса; напротив, если прилагательное номинирует непрототипическое качество, то

оно используется для вербализации *тезиса*, а не аргумента.

3. Если некоторому объекту предсказывается прототипическое качество для данной категории объектов, то такая пропозициональная структура будет вербализована в актуальном членении высказывания как *тема*; напротив, если некоторому объекту предсказывается непрототипическое свойство или качество, данная пропозициональная структура будет вербализована как *рема* высказывания с соответствующим акцентным выделением.

4. Существуют гендерные различия в прототипических представлениях о качествах мужчины и женщины, отражающиеся в прототипической картине мира.

5. Прототипические характеристики человека в картине мира носителей русского и французского языков представлены двумя основными группами качеств: интеллектуальные (*умный, разумный, образованный, мудрый; curieux* ('любопытный, любознательный'), *intelligent* ('умный')); личностные (*добрый, хороший, общительный; amoureux* ('влюбленный'), *humain* ('гуманный'), *complexe* ('сложный'), *ambitieux* ('амбициозный')). Группа физических качеств (*молодой, живой*) была обнаружена только в русскоязычном материале.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах и сообщениях на 6 международных научно-практических конференциях: V Международная научно-практическая конференция «Языки и культура в поликультурном пространстве» (Барнаул, 2015 г.); Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука: перспект Свободный» (Красноярск, 2015 г.); Международная научно-практическая конференция молодых исследователей, посвященная Году литературы в России «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека» (Красноярск, 2015 г.); Международная конференция в рамках VIII Международной летней

лингвистической школы «Теоретические и прикладные проблемы современной лингвистики и литературоведения» (Кемерово, 2015 г.); Международная научная конференция «Экспериментальные исследования языка и речи. Традиции и инновации. (E-SoLaS 2015)» (Томск, 2015 г.); Международная научная конференция «Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике» (Тюмень, 2016 г.).

По теме диссертации опубликован раздел в коллективной монографии, 7 статей, 4 из них – в изданиях из Перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура работы. Данная диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 186 наименований на русском и иностранных языках, списка источников иллюстративного материала. Общий объем текста диссертации составляет 237 страниц.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОТОТИПИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА»

1.1. К определению понятия «языковая картина мира»

1.1.1. Понятие картины мира в исследовательской парадигме XIX – XX вв.

Впервые термин «картина мира» появился в конце XIX в. – начале XX в. и развивался в контексте исследований в области физики [Кубанова, 2011]. Долгое время данный феномен понимался как структурный элемент научного знания и отождествлялся с научным видением мира.

Картина мира как научное знание описывается в работах Г. Герца применительно к физической картине мира, трактуемой им как «совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов» [Герц, 1973, с. 32–33]; М. Планка, который отождествлял картину мира с физической картиной мира, понимая под ней «образ мира», формируемый физической наукой и «отражающий реальные закономерности природы» [Планк, 1958, с. 104–106]; а также в трудах М. Хайдеггера и В.И. Вернадского, где картина мира рассматривается в качестве научного мировидения [Вернадский, 1965, 1977, 1988; Хайдеггер, 1993].

Постепенно понятие «картина мира» стало использоваться представителями различных научных направлений, таких как: логика, философия, культурология, лингвистика и т. д.

В настоящее время в научной литературе существует множество дефиниций термина «картина мира», среди них выделим следующие: «упорядоченная совокупность знаний о действительности, формирующаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Попова,

Стернин, 2007, с. 4]; «непрерывно конструируемая система информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павиленис, 1983, с. 280]; «целостный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 21]; «система интуитивных представлений о реальности» [Руднев, 1997, с. 135]; «атрибут мыслительной деятельности, а формой существования этой картины мира в сознании человека является абстракция в виде понятий и их отношений» [Колшанский, 1990, с. 23].

Все вышеуказанные трактовки объединяет философское восприятие картины мира как субъективного, но системно организованного образа объективной реальности, являющегося результатом активной деятельности человека по освоению этой реальности (*познавательная деятельность и личный опыт индивида, духовная активность* и т. д.).

В современной лингвистике идея антропоцентричности является одной из базовых [Ахиджакова, Пантелеева, 2014]. Человек является знаковым объектом, «ядром системы ценностей национальной культуры» [Катермина, 2014, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22260146&>], «центр мироздания» [Воркачев, 2001, с. 64].

В нашем исследовании под картиной мира мы будем понимать, вслед за Б.А. Серебрянниковым, «целостный глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны» [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 19]. Данное определение, по нашему мнению, обладая высоким уровнем абстракции и лаконичностью формулировки, учитывает три сущностные характеристики трактуемого феномена – субъективность, системность, деятельностный аспект.

Существуют различные типологии «картин мира».

Так, В.П. Руднев выстраивает свою типологию картин мира согласно масштабу охватываемого ими фрагмента социально-психической реальности: 1) картина мира целой нации; 2) картина мира социальной группы; 3) картина мира отдельной личности [Руднев, 1997, с. 127].

Безусловно, все вышеперечисленные картины мира связаны между собой, так как картина мира целой нации включает в себя картины мира разных социальных групп, в которых, в свою очередь, содержатся индивидуальные картины мира членов данной социальной группы.

Существует также типология картин мира, учитывающая разновидности духовной активности человека, лежащие в их основе. Так, В.П. Даниленко выделяет базовые разновидности картины мира: 1) религиозно - мифологическую; 2) научную; 3) эстетическую; 4) этическую; 5) политическую; 6) художественную [Даниленко, 2017]. На основе данных разновидностей картины мира строятся другие частные картины мира. Таким образом, можно говорить о множественности картин мира.

О.А. Корнилов предлагает классифицировать картины мира согласно видам сознания, выступающим в качестве ведущего инструмента осмысления мира. Ученый пишет, что «результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания» [Корнилов, 2003, с. 4]. Исследователь выделяет следующие виды картин мира:

1) «научная картина мира», запечатленная коллективным научным сознанием;

2) «национальная научная картина мира», зафиксированная в терминосистемах национального языка и формируемая национальным научным сознанием;

3) «языковая картина мира», существующая в языковом сознании того или иного языкового сообщества;

4) «национальная языковая картина мира», существующая в

языковом сознании определенного языкового общества, конкретного этноса;

5) «индивидуальная языковая картина мира», существующая в языковом сознании отдельного индивида [Корнилов, 2003, с. 112–113].

Анализ научной литературы указывает на традиционное противопоставление языковой и концептуальной картин мира.

1.1.2. Языковая vs. концептуальная картины мира

Многие лингвисты (к примеру, Г.А. Брутян, Ю.Н. Караулов, Г.В. Колшанский, О.С. Корнилов, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.Н. Телия, С.Г. Тер-Минасова, Б.А. Серебренников и др.), наряду с языковой картиной мира, выделяют концептуальную картину мира, указывая на различия этих понятий: «языковая картина мира «...», то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломлена через языковые формы» [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 142]; в то время как «концептуальные картины мира у разных людей одинаковы, ибо человеческое мышление едино. Национальные языковые картины мира – это просто иное их «расцветивание»; «языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней» [Маслова, 2004, с. 51]; «концептуальная картина мира богаче языковой, так как в ее создании участвуют разные типы мышления, как вербальные, так и невербальные» [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с. 6].

Также Г.А. Брутян и Б.А. Серебренников пишут о связи концептуальной и языковой картин мира, указывая на сложность концептуальной картины мира: «В сложном процессе моделирования объективной реальности в нашем сознании переплетаются две ее картины – концептуальная (логическая) и словесная (языковая). Логическая модель является инвариантом для всех людей и не зависит от языка, на котором люди мыслят и общаются. Языковая модель варьирует от языка к языку»

[Брутян 1979, с. 235]. Кроме того, «не все воспринятое и познанное человеком, не все прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека имеет или приобретает вербальную форму» [Роль человеческого фактора в языке, 1988, с.142].

Рассмотренные утверждения указывают на то, что концептуальная картина мира – гораздо более широкое и объемное понятие, чем языковая картина мира. Очевидно, существует некая общность концептуальных картин мира представителей разных этносов, а языковая картина мира вторична по отношению к концептуальной картине мира.

Что касается языковой картины мира, то в современной парадигме гуманитарного знания языковая картина мира рассматривается как важнейший компонент национальной культуры [Алефиренко, 1994, с. 5]. Еще в работах В. фон Гумбольдта, который назвал язык «духом народа», обнаруживается интерес к данной теме. Согласно В. фон Гумбольдту, язык «есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления. Язык всеми тончайшими фибрами своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие» (цит. по [Корнилов, 2000, с. 324]).

Помимо трудов В. фон Гумбольдта, взаимосвязь языка и картины мира находила преломление в идеях неогумбольдтианцев (Л. Вайсбергер и Л. Витгенштейн), а также в рамках гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа.

Термин «языковая картина мира» ввел в широкий научный оборот Лео Вайсгербер, ученик и последователь В. фон Гумбольдта. По его мнению, «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств; и по мере того, как каждый носитель языка изучает

этот словарь, он овладевает этими мыслительными средствами. Таким образом, язык содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер, 1993, с. 250]. Л. Вайсгербер пишет о национальной стороне языковой картины мира, состоящей в том, что в каждом языке зафиксирована особая точка зрения на мир, та точка, с которой смотрят на него носители данного языка [Там же].

Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» [Витгенштейн, 2010] высказывает мысль о том, что язык представляет собой «проективное изображение реальности», то есть язык находится с миром в «отношениях отображения», и «любая «картина», составленная знаками, отображает внешний мир.

Более четко представление о языковой картине мира оформилось в XX веке в рамках «гипотезы лингвистической относительности» Э. Сепира и Б. Уорфа.

Б. Уорф предостерегал от понимания языка как просто «инструмента для воспроизведения мыслей» [Уорф, 1960, с. 174]. По Уорфу, мир – это некий «калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Там же].

Таким образом, концепция лингвистической относительности заключается в том, что структура языка определяет структуру мышления, язык полностью определяет мировоззрение его носителей [Сепир, 1993; Уорф, 1960].

В России интерес к языковой картине мира обнаруживается в работах таких ученых, как Ю.Д. Апресян [Апресян, 1995], Г.А. Брутян [Брутян, 1973], А.А. Гвоздева [Гвоздева, 2004], А.А. Зализняк [Зализняк и др. 2005], О.А. Корнилов [Корнилов, 2003, 2000], Ю.Н. Караулов [Караулов, 1976, 1999], З.Д. Попова, И.А. Стернин [Попова, Стернин, 2007], В.И. Постовалова [Постовалова, 1987; Роль человеческого фактора в языке 1988], Ю.А. Рылов

[Рылов, 2003, 2006], С.Г. Тер-Минасова [Тер-Минасова, 2004], Е.В. Урысон [Урысон, 2003], Н.Ю. Шведова, Р.Х. Хайруллина [Хайруллина, 2001], Е.С. Яковлева [Яковлева, 1994] и др.

Современные ученые рассматривают языковую картину мира с разных ракурсов.

В работах О.А. Корнилова, Ю.Н. Караулова, К. Леви-Стросса, Т.И. Кобяковой прослеживается тенденция к идентификации языковой картины мира как некоего «элемента» национального характера представителей той или иной лингвокультуры: «Языковая картина мира – это не что иное, как вербализованная система «матриц», в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [Корнилов, 2003, с. 80]; «отображенная в специфически национальных языковых формах и семантике языковых выражений совокупность представлений человека об окружающем его мире» [Караулов, 1999, с. 156]; «ядро мировидения человека» [Леви-Стросс, 2001 с. 347]; «отразившаяся в языке специфика национальной культуры» [Кобякова, 2004, с. 5].

А. Вежбицкая и Ю.Д. Апресян также рассматривают языковую картину мира как некую вербализованную совокупность представлений членов лингвокультурного сообщества об окружающей действительности: «<...> вербализованное представление языковой личностью и коллективом в целом строения и функций окружающего мира, существующего в данный момент порядка вещей, его оценки (соотнесения с идеальным эталоном), а также осознание среза сегодняшней картины жизни, как звена в цепи предыдущих состояний общества (результата их эволюции) и базы для дальнейших их модификаций в обозримом будущем» [Вежбицкая, 1997, с. 113]; «<...> единая система взглядов, своего рода коллективная философия, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1995, с. 39].

На наш взгляд, исходя из вышеперечисленных определений, прослеживается некая общая тенденция в понимании языковой картины мира различными лингвистами, а именно – репрезентация представлений членов того или иного общества об окружающем мире (сквозь призму национальных особенностей) в языке.

О связи человека и языка написано много научных трудов. Их объединяет одна мысль – идея о неразрывности данной связи: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» [Бенвенист, 1974, с. 293]; «Человек становится человеком только через язык» [Гумбольдт, 1984, с. 349]. Даже в энциклопедических статьях о человеке прослеживается данный подход: «живое существо, обладающее даром мышления и речи, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда» [Ожегов, 1978, с. 807]

Человек также рассматривается как «центр языковой картины мира, как начало отсчета всех категориальных координат языка и как мера языковой картины мира» [Катермина, 2014, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22260146&>]. Языковую картину мира следует изучать в тесной связи с субъектом, его сознанием, мышлением и духовно-практической деятельностью [Геляева, 2002].

Итак, вслед за О.А. Леонтович, под языковой картиной мира мы будем понимать «исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности» [Леонтович, 2002, с. 435].

Мы выбрали указанную дефиницию в качестве рабочего определения, поскольку в ней учитывается и когнитивный аспект рассмотрения

обсуждаемого феномена – это определенный способ концептуализации действительности. Для доказательства гипотезы нашего исследования о том, что содержательные характеристики некоторой прототипической категории в том виде, в котором они закреплены в языковом сознании, определяют аргументативно-коммуникативный потенциал вербализующих данные характеристики признаков языковых единиц, когнитивный аспект определения языковой картины мира представляется чрезвычайно важным. Он позволяет рассмотреть взаимосвязь языковой картины мира и когнитивно-семантических категорий нормы, ценности и прототипической категории.

1.2. Норма как когнитивно-семантическая категория

1.2.1. Понятие нормы и типологии норм в языковедческих исследованиях

Категория нормы многоаспектна как в общефилософском, так и в более специальных значениях. В философском словаре норма определяется двояко:

1) как явление социальное – образец, правило, принцип деятельности, признанные социальной организацией (системой, группой), заданные для использования ее членами (пр. *нормы поведения, нормы жизни, языковая норма, норма питания*) [Новейший философский словарь, 1999]; подобного мнения придерживаются также: М.И. Бобнеева [Бобнеева, 1980, с. 1], С.А. Даштамиров [Даштамиров, 1984], Э. Дюркгейм [Дюркгейм, 1966], В. Момов [Момов, 1972], Е.М. Пеньков [Пеньков, 1972] и др.;

2) как термин статистики – «средняя величина, характеризующая какую-либо массовую совокупность случайных событий, явлений» (пр. *средняя годовая норма осадков*) [Новейший философский словарь, 1999].

Как явление общефилософское, норма может быть конкретизирована относительно любой сферы бытия, будь то культурология, психология либо

лингвистика.

Основные определения нормы в языке были сформулированы в отечественном языкознании к середине XX века.

Н.Д. Федяева отмечает, что использование термина «норма» в лингвистике обусловлено, прежде всего, значимостью для языка/речи критерия «нормативно/ненормативно»; автор подчеркивает тот факт, что речь является объектом нормативных оценок [Федяева, 2011, с. 121].

Л.П. Крысин пишет о норме как о «результате кодификации языка», «упорядочивании всего, что касается языка и его применения» [Крысин, 2005, URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm>].

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько подходов к употреблению понятия нормы в лингвистике.

Во-первых, норму можно рассматривать как маркер культурно-речевого поведения человека [Федяева, 2011] – некие правильные, «нормированные» средства языка, пригодные для обслуживания того или иного сообщества, с точки зрения самого сообщества (Р.И. Аванесов [Аванесов, 1972], Г.О. Винокур [Винокур, 2010], К.С. Горбачевич [Горбачевич, 1978], С.И. Ожегов [Ожегов, 1999], А.М. Пешковский [Пешковский, 1959] и др.).

Так, например Р.И. Аванесов рассматривал орфоэпические (произносительные) нормы устной речи.

Г.О. Винокур исследовал способы формирования литературных норм русского языка.

С.И. Ожегов рассматривал норму как «узаконенное установление, признанный обязательным порядок, строй». Языковая норма закреплена в словарях и грамматиках и принята обществом [Ожегов, 1999, с. 421].

Лингвист А.М. Пешковский писал о консервативности литературной нормы, отмечая, что «нормой признается то, что было, и от части то, что есть, но отнюдь не то, что будет» [Пешковский, 1959, с. 54-55].

Другим подходом является рассмотрение нормы с точки зрения

системных характеристик языка.

В трудах Л.И. Скворцова норма определяется как «обусловленный социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющей традиционные реализации системы или творящей новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, так и с реализованными образцами» [Скворцов, 1980, с. 43].

Наиболее подробно о соотношении «система-норма» писал немецкий лингвист Э. Коссериу. Согласно исследователю, норма представляет собой систему «обязательных реализаций» и соответствует «фиксации языка в традиционных формах» [Коссериу, 1963, с. 175]. Другими словами, сторонники данного мнения рассматривали норму как «совокупность реализованных возможностей языковой системы, а конфликт системы и нормы относился к числу факторов развития языка» [Федяева, 2011, с. 121].

В-третьих, норма рассматривается как семантическая категория, выступающая в качестве точки отсчета для интерпретации говорящим смысла и значения языковых единиц (Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1992], А.П. Бабушкин [Бабушкин, 2001], Ю.А. Бельчиков [Бельчиков, 1983], Е.М. Вольф [Вольф, 1986, 2002, 2003], Л.Г. Ефанова [Ефанова, 2008, 2013, 2015], С.М. Колесникова [Колесникова, 1999], М.А. Кронгауз [Кронгауз, 2004], Т.М. Николаева [Николаева, 1996], В.Н. Телия [Телия, 1986], А.Н. Шрамм [Шрамм, 1979], Е.В. Урысон [Урысон, 1999, 2000, 2011], Н.Д. Федяева [Федяева, 2009, 2010, 2011] и др.).

Так, норма рассматривается рядом исследователей как «точка отсчета» [Шрамм, 1979, с. 18], как «нулевая степень измерения по шкале градации» [Колесникова, 1999, с. 18; Федяева, 2011, с. 13]. Ю.Д. Апресян понимает под нормой «либо обычное, не отклоняющееся от среднего положение вещей, либо то положение вещей, которое является естественным для данной ситуации и воспринимается как должное, так что его отсутствие идет вразрез с ожиданиями потенциальных участников ситуации» [Апресян, 1995],

добавляя при этом, что в метаязыке семантики понятие «норма» признается неопределяемым [Апресян, 1974, с. 74].

Е.В. Урысон также отмечает, что широко используемое в метаязыке семантики понятие «норма» для толкования, прежде всего, параметрических слов (пр. «длинный = такой, длина которого больше нормы») унаследовало неоднозначность обычного понятия «норма» [Урысон, 2000, 2011].

По мнению Е.В. Урысон, существует множество его трактовок. Норма является термином статистики и используется при описании статистических закономерностей, например, в естественных науках: *средняя годовая норма осадков*. Норма может выражать идею социального установления: *нормы поведения, нормы жизни, языковая норма*, а также *нормы питания, норма выработки*. Существуют промежуточные употребления слова *норма*, например: *уровень шума на вашей улице не превышает норму*. В этом случае слово *норма* указывает на статистическую закономерность: то, что встречается в меньшинстве случаев, за норму не принимается. Кроме того, слово *норма* в данном контексте указывает на социальное установление, определяющее, какой именно уровень шума считается допустимым или недопустимым, т. е. требующим изменения.

Исследователь указывает на неоднозначность аналогов данного понятия, таких как *образец, эталон, стандарт*, которые сближаются с понятием нормы на основании общего «среднестатистического значения», однако в них ярче просматриваются предпосылки оценочной семантики [Там же].

Е.В. Урысон и Н.Д. Арутюнова связывают понятие нормы с понятием шкалы: норма является точкой отсчета, заданной на той или иной шкале (пр.: *маленький – меньше нормы, большой – больше нормы, узкий – уже нормы, хороший – соответствующий норме*), т. е. норма выражает среднее значение той или иной величины, того или иного качества.

Л.Г. Ефанова, продолжая традицию рассмотрения нормы как семантической категории, пишет о двух видах норм: параметрической и аксиологической.

Автор указывает на то, что для аксиологической (ценностной) нормы характерна «формальная определенность, оптимальность и определенная степень распространенности и возобновляемости, поскольку соответствие этим нормам и отклонение от них обозначаются при помощи специальных языковых единиц, каждая из которых выражает положительное отношение говорящего к соответствующим норме, ситуациям или отрицательную оценку аномалий (напр.: *прекрасный – уродливый*)» [Ефанова, 2015, с. 74]. В.Н. Телия также обращает внимание в своих трудах на связь нормы с оценкой [Телия, 1986]. Однако в связи с тем, что аксиологические нормы являются средством оценки предмета, они не могут служить средством измерения количества признака. Л.Г. Ефанова пишет, что это свойство аксиологических норм проявляется, например, в выражении *средних способностей* (кто-либо): характеристика *не очень умный* выражает не среднюю степень обладания умом, а отрицательную оценку, исходя из несоответствия количества этого признака норме [Там же].

Что касается параметрических норм, то они, как правило, «не обладают формальной определенностью, и отношение к ним выражается в языке преимущественно за счет обозначения аномалий» [Ефанова, 2015, с. 74].

Характерным признаком таких норм является то, что размерно-количественные характеристики объекта влияют на конкретные параметры нормы: «сочетания *большое яблоко* и *большая планета* обозначают предметы несопоставимых размеров». Тем не менее такие параметры, как распространенность и возобновляемость, присущи и параметрическим нормам, по мнению автора, не в меньшей степени, чем аксиологическим, так как отклонения от параметрических норм возможны как в сторону их недостижения, так и в сторону превышения, и каждый из этих случаев может

быть квалифицирован с позиций нормы [Там же].

Параметрические нормы, в отличие от аксиологических, используются в основном в качестве средств измерения, а не оценки. Соответственно, оптимальность, являющаяся обязательным свойством аксиологических норм, суть которых состоит в определении ценности того или иного предмета (например: *добрый, красивый, умелый*), у параметрических норм проявляется нерегулярно, так как количество и качество предмета непосредственно не связаны друг с другом [Ефанова, 2013].

Согласно критерию формата знания о норме, исследователь выделяет четыре основных типа нормативных представлений: стереотипы, стандарты, образцы и идеальные нормы, различающиеся по общекатегориальным признакам. Содержание данных нормативных представлений лежит в основании нормативной оценки, а в качестве основания нормы могут выступать социальные стереотипы, правила, предписания, обычаи, моральные принципы и идеалы [Там же].

Определяя норму как семантическую категорию, Л.Г. Ефанова пишет, что норма «отражает имеющиеся у носителей языка коллективные представления о должном состоянии для каждого типа объектов, для которого имеются соответствующие наименования; эти представления могут получать регулярное выражение в языке как за счет указания на соответствующее норме положение дел, так и за счет обозначения аномалий» [Ефанова, 2013, с. 470].

Н.Д. Арутюнова выделяет следующие виды норм, релевантных для семантических исследований: видовая норма, норма пропорции, норма ожидания, ситуативная норма. Обратим внимание на норму ожидания, которая проявляется тогда, когда сравнивают «действительное с ожидавшимся или привычным». Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999, с. 69] приводит пример: *«встретив ребенка, которого давно не видели, обычно восклицают: Какой большой!»* Норма ожидания имеет выход в более

широкое понятие диахронической нормы, устанавливающей порядок в смене событий и состояний объектов и их совместимости. Диахроническая норма регулирует употребление модальных частиц, например: *еще, уже, наконец, даже и др.*, фиксирующих отход от своевременности наступления того или иного состояния, опережение сроков или их превышение [Нешева, 2008]. Предложения типа «*еще–уже*» (пр.: *она еще молода, а уже бабушка*) сообщает о редкой или необычной логической операции конъюнкции тех качеств или состояний, которые согласно норме представлены дизъюнктивными [Арутюнова, 1999, с. 69].

В когнитивной лингвистике норму рассматривают в качестве «структурно необходимого элемента». В понимании А.А. Кибрика, например, нормы это – эпистимическая организация языка: «немаркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей, маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (естественного, ожидаемого) положения вещей», а также, что «когнитивный оператор нормы не является неким логическим абсолютом, отражающим природу вещей *per se*. <...> Когнитивная норма антропоцентрична и ориентирована на человека» [Кибрик, 2008, с. 62–63].

В нашей работе мы, разделяя точку зрения Н.Д. Федяевой [Федяева, 2011] и Т.М. Николаевой [Николаева, 1996] на проблему определения нормы, понимаем под последней отображенные в семантике языка представления о нормальных (= обычных, правильных, распространенных) проявлениях тех или иных объектов относительно заведенного порядка вещей, понятия должного, системы ценностей данного лингвокультурного сообщества.

1.2.2. Аспекты языковой картины мира: ценностная, нормативная и прототипические картины мира

В трудах лингвистов отмечается, что норма может быть рассмотрена как самостоятельная лингвокогнитивная категория [Ефанова, 2013], в которой находят свое отражение мнения и суждения обязательного участника ситуации оценивания – субъекта оценивания, обладающего некоторыми специфическими свойствами. «Отличительные черты данного субъекта обусловлены тем, что он является носителем языка и обладает выраженными при помощи средств этого языка и входящими в национальную языковую картину мира представлениями о должном, во многом определяющими нормативный характер этой картины мира» [Ефанова, 2013, с. 174].

Благодаря познавательной и интерпретативной активности носителей языка при создании языковой картины мира его образ присутствует в ней в виде идеализированного представления о некоторой упорядоченной целостности, которая создается за счет нормативных соотношений ее элементов [Бабушкин, 2001, с. 16].

Таким образом, в языковой картине мира нормативным является не только отношение каждого из ее элементов к другим, но и само их содержание, что позволяет рассматривать нормативную картину мира как аспект языковой картины мира.

Л.Г. Ефанова дает такое определение нормативной картины мира: «Отраженная в семантике языковых единиц разных уровней система социально обусловленных и регулярно выражаемых средствами данного языка представлений о том, каким должен быть человек, социум и весь окружающий его мир для того, чтобы получить со стороны социального субъекта положительную оценку и не вызвать у него неодобрительного отношения» [Ефанова, 2013, с. 178].

Норма часто рассматривается как частный случай оценки: «нормы представляют собой частный случай ценностного отношения между мыслью

и действительностью» [Ивин, 2012, с. 206]; «нормы представляют собой частный случай оценок: это социально апробированные и социально закрепленные оценки» [Философия: энциклопедический словарь 2004, с. 584].

Помимо нормативной картины мира в качестве одного из аспектов языковой картины мира выделяется также ценностная картина мира [Карасик, 2002], основным способом манифестации которой является эксплицитное или имплицитное оценочное суждение, получающее объективацию при помощи языковых средств, в том числе на уровне скрытой семантики слова.

В Большом энциклопедическом словаре оценка определяется как способ личностного отношения человека к социальной действительности: «отношение к социальным явлениям, человеческой деятельности, поведению, установление их значимости, соответствия определенным нормам и принципам морали (одобрение и осуждение, согласие или критика и т. п.). Определяется социальной позицией, мировоззрением, уровнем культуры, интеллектуального и нравственного развития человека. С другой стороны, учет мотивов, средств и целей действия, его условий, места в системе поведения личности – необходимое условие правильной оценки этого действия» [Большой энциклопедический словарь, 1993, с. 956].

В.Н. Телия определяет оценку как «суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства (объект оценки)» [Телия, 1996, с. 109].

Н. Д. Арутюновой «оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности» [Арутюнова, 1982, с. 5].

По определению Е.М. Вольф, оценка является семантическим понятием, подразумевающим ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться, например, как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [Вольф, 2002, с. 8]. Иными словами, оценка – это положительное или отрицательное отношение субъекта к объектам действительности, закрепленное в семантике языковых единиц [Там же].

А.А. Ивин отмечает, что «слово «оценка» употребляется обычно для обозначения (выраженного в языке) установления ценностного отношения между субъектом и предметом» [Ивин, 1970, с. 25].

При этом под субъектом оценки понимается лицо, либо группа лиц, приписывающая те или иные ценности предмету путем выражения данной оценки. Под предметом понимаются объекты, которым приписываются данные ценности, или объекты, чьи ценности каким-либо образом сопоставляются [Ивин, 2016].

Т.В. Матвеева пишет об оценке как об «отношении говорящего, его одобрении или неодобрении в качестве компонента лексического значения слова, смысла высказывания, содержания текста» [Матвеева, 2010, с. 288].

Таким образом, оценка является основой всех типов человеческой деятельности [Маркелова, 1995; Ретунская, 1996; Леонтьев, 1996], «наиболее общей психологической функцией человека» [Дронова, 2005, с. 24], оценка задает отношение человека к другим объектам социальной и природной среды [Арутюнова, 1984 с. 5], она также «фиксируется и кодируется в значении языковых знаков» [Филимонова, 2005, с. 119-120].

Многие лингвисты рассуждают об оценке, используя понятие шкалы.

Например, В.Н. Телия подчеркивает, что ценность шкалируется в диапазоне от нулевой оценки («безразлично») до «хорошо» или «плохо», либо «больше/меньше нормы», а также то, что оценка проникает в семантику качественных прилагательных, формируя свои номинативные средства в

виде неких частнооценочных значений. Последние, в свою очередь, формируют ценностную картину мира, которая будет в той или иной степени специфична [Телия, 1996].

Е.М. Вольф также указывает на то, что «в модальную рамку оценки имплицитно входит шкала оценки» [Вольф, 2002, с. 12].

Универсальная по своей онтологической природе категория оценки, сфера значений которой обычно связана с признаком «хороший/плохой», находит в каждом языке своеобразные способы выражения [Там же], совокупность которых дает представление о системе ценностей данного социума, отраженных в языке. Иначе говоря, оценка рассматривается учеными как фактор, формирующий ценностную картину мира.

Составными элементами ценностной картины мира являются общечеловеческая и специфическая «части», которые реконструируются в виде взаимосвязанных систем оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными принципами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными сюжетами.

Ценностная картина мира включает в себе наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. Однако в рамках одной лингвокультуры ценностная картина мира представляет собой неоднородное образование, поскольку у разных социальных групп могут быть различные ценности. В то же время ценностная картина мира существует как в коллективном, так и в индивидуальном сознании [Карасик, 2002, с. 168].

Н.Д. Арутюнова характеризует ценностную картину мира как «определенный набор и иерархию ценностей, выраженных в оценках» [Арутюнова, 1999, с. 131].

По мнению Е.М. Вольф, «ценностная картина мира в представлении говорящих соотносится с нормативной картиной мира, с ее стереотипными

ситуациями и их характеристиками и с соответствующими шкалами оценок, где знаки движутся в сторону «+» или «-» с учетом нормативных свойств объектов. В системе собственно оценки «хорошо/плохо», норма, как известно, сдвинута в сторону «+» от нейтральной точки на шкале: в социальной норме оценка «хорошо» может совпадать с нормой или быть близкой к ней» [Вольф, 2003, с. 88].

Иными словами, ценностная картина мира представляет собой аспект языковой картины мира, набор идеализированных представлений, которым должен соответствовать окружающий мир.

Вслед за В.Н. Телия мы можем сделать вывод о том, что нормативная картина мира соотносится с ценностной картиной мира, являясь ее основанием, поскольку, как отмечает Вероника Николаевна, ценность объекта соизмеряется с общественно сложившимися нормами: «Оценочное отношение детерминировано мировоззрением народа – носителя языка, его культурно-историческим опытом, системой существующих в данном социуме критериев оценки (что необходимо для ее адекватного восприятия), а также универсальностью оценочного суждения, обязывающего «соблюдать» соизмерение ценности объекта с некоторыми стереотипами или стандартами по некоторой шкале, отображающей общественно сложившиеся нормы представления о хорошем или плохом, либо о проявляющемся сверх или ниже нормы (подчеркнуто нами.– М.М.)» [Телия, 1986, с. 39].

Помимо нормативной и ценностной картин мира (далее – ЦКМ), свое отражение в семантике языковых единиц находит также прототипическая картина мира.

Ж.-К. Анскомбр и О. Дюкро, французские лингвисты и создатели школы «аргументации в языке», выдвинули предположение о том, что содержание прототипической картины мира накладывает свой отпечаток на глубинную семантику лексем, называющих и характеризующих социально-релевантные объекты языковой картины мира (однако не все объекты,

присутствующие в картине мира этноса, находят отражение в прототипической картине мира).

Упомянув о прототипической картине мира (далее – ПКМ), исследователи, однако, не дают ей определения. Впервые данная разновидность картины мира получила эксплицитную трактовку в [Колмогорова, 2015, с. 39]: «Прототипическая картина мира – это совокупность разделяемых представителями лингвокультурной общности и имплицитно включенных в денотативное значение лексических единиц данного языка представлений о признаках, качествах объектов, процессов, феноменов окружающей среды при естественном, нормальном положении дел».

Если нормативная картина мира (далее – НКМ) отражает «референциальные точки» отсчета для того, что считать «должным» в некотором сообществе, в ЦКМ фиксируется совокупность оценочных суждений об объектах, феноменах, процессах относительно «должного» положения дел, запечатленного в НКМ, то в ПКМ закреплены представления о том, какими являются объекты, процессы, феномены окружающего мира «по умолчанию» так, что, перестав быть такими, они перестают являться данными объектами, процессами или феноменами. ПКМ «скрепляет» воедино неотъемлемые характеристики сущностей какой-либо категории, что является причиной ее имплицитности. Это похоже на то, как, согласно расхожей байке, молчавший до четырех лет малыш, сказал свою первую фразу тогда, когда заметил, что каша, которой кормила его мать, пересолена. На вопрос матери о том, почему же он раньше не разговаривал, малыш ответил, что было незачем – все же было нормально. ПКМ остается имплицитной до тех пор, пока не нарушается «естественное течение жизни». Рассуждая об имплицитности прототипических характеристик, приведем пример из художественного фильма «Пацаны» (1983 г., реж. Д. Асанова), где показано групповое интервью подростков о том, кто такой «добрый человек»:

А: *А что такое добрый человек?*

В: *Ну, добрый человек... /опускает голову, отводит взгляд вправо/ как...ну...как вам сказать... /поднимает голову, смотрит вправо/ ... не то что добрый ... /поворачивает голову налево/ ... а... .*

С: */смотрит в сторону/ ... как бы сказать это... .*

Д: *Сейчас я подумаю ... /улыбается/...доброта это вообще...я даже не могу сказать, что такое доброта... /смеется/*

Е: */повел бровью, резко выдохнул/ ... не знаю.*

Ф: */смотрит на свои сцепленные пальцы рук, поднятые на уровне лица/ добрый человек? Ну, это человек, который, я не знаю... ну, просто так не передать. /улыбается/*

Г: */облизывает нижнюю губу/ ну такой..*

І: */взгляд опущен/ ... ведь это так сложно быть добрыми, действительно добрыми.*

Данный пример показывает, что прототипическое качество *доброта* является настолько само собой разумеющимся качеством человека, настолько неотъемлемой его онтологической характеристикой, что ее достаточно сложно выявить и осознать как свойство данной сущности.

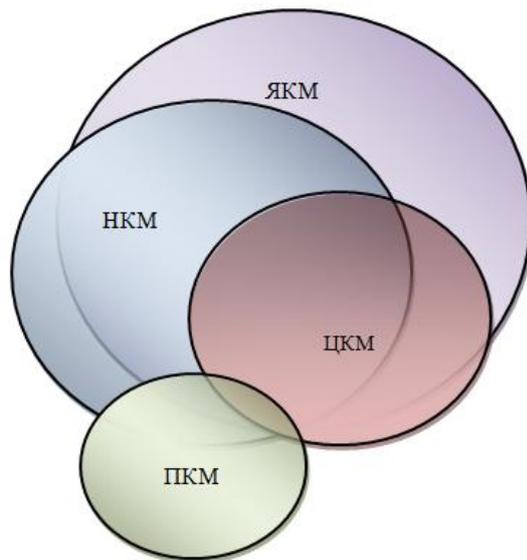

Рисунок 1 – Взаимосвязь языковой, ценностной, нормативной и прототипической картин мира

На рисунке 1 схематично изображена связь языковой, ценностной, нормативной и прототипической картин мира [Колмогорова, Мжельских, 2018]. Поскольку ценностная, нормативная и прототипическая картины мира являются аспектами языковой картины мира, мы изобразили ЯКМ в виде большого круга, на который накладываются все остальные картины мира. При этом все они, так или иначе, пересекаются между собой. Общими принципами визуализации в данной схеме выступают следующие: 1) то, что более эксплицитно и доступно исследовательскому наблюдению, находится в пределах плоскости ЯКМ; 2) то, что имплицитно, поддается лишь косвенному наблюдению через интерпретацию симптомов, неких вторичных признаков присутствия в языке – выходит за границы плоскости ЯКМ. Поскольку ЦКМ манифестируется в языке достаточно отчетливо через систему оценочных компонентов в семантике слова, а следовательно – доступна наблюдению, она представлена на рисунке в виде круга в плоскости ЯКМ. НКМ, являясь базой, или основой ЦКМ, сама по себе проявляется только через посредничество последней, оставаясь как бы «за кадром», поэтому на рисунке представлена немного за кругом ЦКМ. При этом и ЦКМ, и НКМ выходят за границы ЯКМ, поскольку все же не все ценностные и нормативные представления вербализуются в ЯКМ. ПКМ представлена в виде круга, который большей частью находится вне плоскости ЯКМ, поскольку прототипические представления об объектах, процессах и феноменах практически не вербализуются непосредственно, а только – опосредованно, имплицитно формируя прагматическую составляющую значения слова, тем самым участвуя в процессе смыслоформулирования на уровне высказывания. Но при этом данный круг пересекается с остальными, т. к. ПКМ имеет связь с нормативной и ценностной картинами мира и опосредованно репрезентируется в языке.

1.3. Теория прототипов как теоретическая основа понятия прототипической картины мира

1.3.1. Прототипическая теория категоризации

«Понятие категоризации человеческого опыта является одним из самых фундаментальных понятий в характеристике когнитивной деятельности» [Кубрякова, 1997, с. 25].

«В процессе познания мира человек постоянно производит категоризацию его реалий, т. е. систематизирует их согласно индивидуальной мыслительной способности и индивидуальной логике» [Костюшкина, 2006, с. 4].

Когнитивная наука рассматривает категоризацию как один из видов когнитивной деятельности человека. Понятия «категория» и «категоризация» являются одними из основополагающих в современной когнитивной науке (D. Divjak [Divjak, 2013], S. Kalyan [Kalyan, 2012], G. Lepper [Lepper, 2000], N. Mashal [Mashal, 2014], T. Regier [Regier, 1995], E. Rosch [Rosch, 1973, 1975a, 1975b, 1978, 1981], J.R. Taylor [Taylor, 1990, 1997, 2008], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988], А. Вежбицкая [Вежбицкая, 1997]; Н.Н. Болдырев [Болдырев, 2006], О.О. Борискина [Борискина, 2003], О.Л. Бутакова [Бутакова, 2005], В.З. Демьянков [Демьянков, 1994, 1996], А.А. Залевская [Залевская, 2005], Е.С. Кубрякова [Кубрякова, 1997], У. Лабов [Лабов, 1983], Дж. Лакофф [Лакофф, 2004], В.А. Маслова [Маслова, 2004], З.Д. Попова, И.А. Стернин [Попова, Стернин, 2007], Р.М. Фрумкина [Фрумкина, 1992], А.П. Чудинов [Чудинов, 2013], А.Л. Шарандин [Шарандин, 2011] и др.).

В настоящее время в научной литературе существует множество дефиниций явления категоризации. При характеристике процесса категоризации лингвистами подчеркивается, что, с одной стороны, этот процесс представляет собой: «сведение бесконечного разнообразия своих

ощущений и объективного многообразия форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, то есть классификация их по – классам, разрядам, группировкам, множествам, категориям» [Демьянков, 1996, с. 45–46], «когнитивное расчленение реальности», «деление всего онтологического пространства на различные категориальные области» [Маслова, 2004, с. 31]; а с другой – дальнейшее упорядочивание и сведение объектов окружающей среды в одну рубрику, элементы которой находятся в отношениях иерархии [Кликс, 1983; Маслова, 2004; Rosch, 1973], результатом процесса категоризации становится образование «понятийных структур» [Кликс, 1983, с. 158].

Нашим рабочим определением процесса категоризации будет дефиниция Н.Н. Болдырева: «Категоризация – это одно из базовых понятий когнитивной лингвистики, которое раскрывает общие принципы познавательного процесса и формирования знаний – того, как мы познаем окружающий мир и в какой форме и каким образом мы сохраняем полученные знания, в том числе с помощью языка. Познавая мир, мы делим окружающие нас предметы на определенные группы и категории, которые и хранятся в нашей памяти <...> в основе формирования категорий лежат определенные структуры знания – когнитивные модели, концепты, фреймы – знания о том, какие элементы входят в состав или могут быть отнесены к данной категории, каковы их основные характеристики, как и какими отношениями они связаны с другими категориями» [Болдырев, 2001, с. 66].

В данном определении отражены все этапы процесса категоризации, а также присутствует отсылка к когнитивному аспекту рассмотрения данного явления.

Результатом процесса категоризации является формирование категорий.

Понятие категории является одним из центральных в современной когнитивной лингвистике. Оно определяется по-разному в зависимости от сферы употребления, но всегда включает в себя признак «наличие какого-

либо общего признака у всех представителей категории».

В Философском энциклопедическом словаре под категорией понимается «предельно общие, фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. Будучи формами и устойчивыми организующими принципами процесса мышления, категории воспроизводят свойства и отношения бытия и познания во всеобщей и наиболее концентрированной форме» [Ильичев, 1983, с. 251].

В лингвистике категория нормы представляет собой некую структуру знания, выстроенную определенным образом, в которой объединены существенные признаки того или иного класса предметов или явлений реального мира на основании их подобия или сходства [КСКТ, 1996; Фурс, 2005].

В настоящее время существуют три ведущих подхода к осмыслению категорий: 1) классический подход, 2) критика классической теории, 3) прототипический подход, или теория прототипов [Болдырев, 1996, с. 79 – 80; Боярская, 2011].

Классическая теория категоризации представлена в работах Аристотеля, разработавшего учение о категории в своем трактате «Категории». По мнению античного философа, следует выделять следующие категории: сущность, качество, количество, отношение, пространство, время, состояние, обладание, действие и претерпевание. Так, описывая категорию сущности, философ утверждает, что она «не допускает большей или меньшей степени; ...если эта вот сущность есть человек, то не будет человеком в большей или меньшей мере ни сам он по отношению к себе, ни один по отношению к другому. Ведь один человек не в большей мере человек, чем другой, не так, как одно белое в большей или меньшей степени белое, чем другое, и не так, как одно красивое называется более красивым или менее красивым, чем другое» [Аристотель, 1978, с. 80]. Аристотель ввел понятие

категории как гомогенного образования с четко очерченными границами, все члены которого обладают равным статусом, а сама категория носит исключительно онтологический характер [Аристотель, 1998].

Классическая теория категоризации получила свое развитие в трудах многих мыслителей XIX–XX вв.

Так, Иммануил Кант рассматривал генетическую природу категорий сквозь призму логических суждений, называя интересующий нас феномен категориями рассудка [Кант, 1964].

Г.В.Ф. Гегель разработал свою целостную (тотальную), кольцевую (в виде круга) систему философских категорий, основанных на идее взаимодействия сознания и материи [Гегель, 1970, 1979].

Классический подход является по своей сути философским, и со временем эта теория превратилась в нечто, понимаемое как данное, как абсолютно бесспорная истина [Лакофф, 2004].

В XX веке Л. Витгенштейн развивает новое видение процесса категоризации и вводит термин «family resemblance» («семейное (фамильное) сходство»). Исследователь указывает на более сложную природу категорий и настаивает на идее об отсутствии у мыслительных категорий четких границ и одинакового набора основных признаков. Свои доводы Л. Витгенштейн иллюстрирует на примере категории «игра», указав, что не существует общих признаков, свойственных всем играм: некоторые игры служат лишь для развлечения и в них отсутствует соревновательный компонент, тогда как в других он присутствует; какие-то игры требуют навыков, а другие требуют удачи [Wittgenstein, 1953]. Несмотря на то, что у игр нет определенного общего компонента, который бы все их объединял, они, тем не менее, связаны друг с другом семейным (фамильным) сходством – словно члены семьи, которые могут иметь схожие черты лица, цвет кожи, разрез глаз, но при этом им вовсе не обязательно обладать определенным набором признаков, присущим каждому члену семьи [Wittgenstein, 1953].

В дальнейшем другие попытки критики классической теории категоризации находят отражение в работах таких ученых, как: У. Лабов [Лабов, 1983], Л. Заде [Zadeh, 1965], Ф. Лаунсбери [Lounsbury, 1964], Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Kay, 1969], Дж. Лакофф [Лакофф, 2004], П. Экман [Ekman, 1971; Ekman, Friesen, Ellsworth, 1972], Х. Патнем [Putnam, 1975, 1983], Э. Рош [Rosch, 1973, 1975a, 1975b, 1977, 1978, 1981] и др.

Посредством серии экспериментов с описанием различных типов посуды (cups (чашки), mugs (кружки), bowls (миски), vases (вазы)) У. Лабов пришел к выводу, что границы между категориями довольно размыты. Иными словами, в рамках аристотелевской теории довольно сложно ответить, что такое «чашка (cup)» и какие существенные характеристики показывают нам ее отличие, например, от миски (bowl) [Лабов, 1983].

Американский математик и логик Л. Заде изучал структуру категорий в рамках созданной им теории нечетких множеств («Theory of Fuzzy Sets»). Согласно теории классического множества, любой элемент либо входит в данное множество (имеет значение членства 1), либо нет (0). В теории размытых множеств допускаются дополнительные значения между 0 и 1 [Zadeh, 1965].

В 1964 году Флойд Лаунсбери начал исследования системы родства у американских индейцев. Ф. Лаунсбери обнаружил, что на языке индейцев племени Фокс одно и то же слово употребляется для обозначения различных степеней родства по материнской линии. Соответственно, все эти родственники входят в одну категорию родства и называются одинаково [Lounsbury, 1964]. Ф. Лаунсбери выявил структурированность подобных категорий в терминах «центрального члена» и небольшой свод общих правил, расширяющих данную категорию [Там же].

Б. Берлин и П. Кей исследовали категории цвета в рамках антропологической лингвистики. Исследователи выявили так называемые базисные наименования цвета, а также серию условий и закономерностей,

при которых некоторое наименование цвета будет базисным. Кроме того, были выявлены центральные цвета – лучшие образцы для базовых наименований цвета [Berlin, Kay, 1969].

Дж. Лакофф [Лакофф, 2004] изучал прототипы в исследованиях категории цвета в рамках лингвистической семантики.

П. Экман со своими сотрудниками в ходе кросскультурного исследования различных мимических движений лица, выражающих эмоции, выделил базовые (прототипические) эмоции: удовлетворение, печаль, гнев, страх, удивление и интерес [Ekman, 1971; Ekman, Friesen, Ellsworth, 1972].

Американский философ Хилари Патнэм стал первым, кто обратил внимание на связь стереотипов с языком. В работах «Возможна ли семантика?» и «Значение значения» ученый внедрил «теорию естественных видов», которая относится к словам, которые обозначают животных, растения, природные вещества, различные физические величины [Putnam, 1975, 1983].

Патнэм показал, что «традиционное» значение как совокупность необходимых и достаточных условий не служит для установления референции и предложил включить в описание значения слова описание стереотипа, т. е. некоторого общепринятого представления о денотате, наряду с синтаксическим компонентом и так называемой «энциклопедической» информацией. Стереотип Патнэма содержит некоторые признаки с разной степенью центральности. Наиболее важный признак обозначается как «семантический маркер». Отметим, что Х. Патнэм ввел понятие «языкового коллектива» (а именно совокупность говорящих на определенном языке), который подразделяется на специалистов и обычных носителей языка. Специалисты владеют научными критериями определения экстенционала слова в полной мере, а обычные носители довольствуются только той минимальной информацией (включающей стереотип денотата слова), которая является достаточной для понимания и употребления слова в речи

[Putnam, 1975, 1983].

Несмотря на то, что в перечисленных выше работах высказывались идеи о прототипах (Б. Берлин, П. Кей, П. Экман, Д. Болинджер и др.), как известно, сама «теория прототипов» (либо «теория прототипов и категорий базисного уровня») впервые была сформулирована в работах Э. Рош, выполненных в рамках когнитивной психологии [Rosch, 1973, 1975a, 1975b, 1978, 1981].

Эксперименты Э. Рош и ее коллег всемирно признаны революционным прорывом в области исследований категоризации в экспериментальной психологии.

Дж. Лакофф подчеркивал существенный вклад исследований Э. Рош для теории категоризации: «Если классическая теория и верна, и полна, то ни один из членов категории не может обладать особым статусом. Все дело в том, что, согласно классической теории, свойства, определяющие категорию, присущи всем ее членам, и, следовательно, все члены имеют единый статус принадлежности к категории. Анализ прототипических эффектов, проведенный Э. Рош, имел своей целью показать наличие асимметрии среди членов категории и выявить асимметричные структуры в самих категориях. Поскольку классическая теория не предсказывает такой асимметрии, то следует привлечь дополнительный материал либо искать теоретические альтернативы» [Лакофф, 2004, р. 63].

Исследования цветовых категорий, проведенные Э. Рош и ее коллегами, привели к открытию «центральных цветов», которые позже были названы точками когнитивной референции (cognitive reference points) или прототипами (prototypes) – теми членами категории или подкатегории, которые являются «наилучшими ее образцами» [Лакофф, 2004, р. 64].

В противоположность классической теории категоризации, где речь идет о категориях как явлениях с четко очерченными границами, Э. Рош в своих исследованиях обращала внимание на размытость границ категорий

человеческого сознания: «Most, if not all, categories do not have clear-cut boundaries» («Большинство этих категорий не имеет четко очерченных границ» – (здесь и далее перевод наш. – М.М.)) [Diday, Lechevalier, Schader, Bertrand, Burtschy, 1994, p. 29].

В противовес мнениям многих ученых о категориях как о логически ограниченных структурах, членство в которых предопределено набором признаков, валидных для любого члена данной категории, Рош и Мервис описывают традиционный подход к категоризации следующим образом: «However, when describing categories analytically, most traditions of thought have treated category membership as a digital, all-or-none phenomenon. That is, much work in philosophy, psychology, linguistics, and anthropology assumes that categories are logical bounded entities, membership in which is defined by an item's possession of a simple set of criterial features, in which all instances possessing the criterial attributes have a full and equal degree of membership» <...>» («Однако, при анализе категорий большинство философских традиций рассматривают членство в категории как элемент двоичной системы «все или никто». Таким образом, в значительном объеме научных трудов по философии, психологии, лингвистике и антропологии указано, что категории являются логически ограниченными сущностями, членство в которых определяется набором критериальных признаков объекта, где все члены категории, обладающие критериальными атрибутами, имеют полную и равную степень членства») ([Цит. по: Slocum, 2015, p. 222]). Э. Рош и Дж. Лакофф указывают на существование аналоговых категорий: «<...> it has been recently argued that some natural categories are analog and must be represented logically in a manner that reflects their analog structure <...>» («в последнее время утверждается, что некоторые естественные категории являются аналоговыми и должны быть представлены логически, таким образом, чтобы репрезентировать их аналоговую структуру») ([Цит. по: DePaul, Ramsey, 1998, p. 19]); Э. Рош указывает, что эти категории включают

в свою внутреннюю структуру прототипы (лучшие образцы категорий), а также непрототипичные члены с разной степенью типичности для данной категории [Там же].

Обратимся к одному из основополагающих положений прототипической теории категоризации – ее уровням.

Э. Рош особое внимание уделяла категориям базового уровня категоризации. Именно этот уровень обладает наибольшей важностью в процессе структурирования информации об окружающей действительности: он наиболее инклюзивен, является наиболее абстрактным, на его основе формируется ментальный образ, он репрезентирует информацию о соотношении части–целого. Согласно Э. Рош, сознание оперирует именно прототипами и базовыми категориальными структурами [Cruse, 1990].

В рамках исследования процессов категоризации Э. Рош представила градацию категорий: категории базового уровня, субординантного уровня, суперординантного уровня. Исследователем также выявлены различные статусы, которыми обладают члены одной и той же категории.

Подобное уровневое деление категорий рассматривается в качестве одного из основных положений категоризации с точки прототипического подхода (рисунок 2).

Категории суперординантного уровня (пр. «порядочный»)
Категории базового уровня (пр. «воспитанный»)
Категории субординантного уровня (пр. «вежливый»)

Рисунок 2 – Уровни категоризации с точки зрения прототипического подхода

Категории базового уровня представляют собой «лучший образец категорий»: именно на базовом уровне формируется ментальный образ объекта, репрезентируется информация о соотношении части–целого и фиксируются отношения между его частями; согласно [Collins, Smith, 1998],

категориями базового уровня являются такие категории, которые наилучшим образом отражают корреляционную структуру окружающей среды. В своих исследованиях Э. Рош предположила, что базовый уровень является особенным, потому что объекты на этом уровне имеют много общих черт друг с другом, а также некоторое количество общих черт с другими членами данной категории [Rakison, Oakes, 2003]. «The principal distinguishing characteristics of basic level items are as follows: it is the most inclusive level at which there are characteristics patterns of behavioral interaction; the most inclusive level for which a clear visual image can be formed; the most inclusive level at which part – whole information is represented; the level used for everyday neutral reference (ex. A: I can hear something outside. B: It`s just a dog/spaniel/animal?)» («Основными отличительными особенностями элементов базового уровня являются следующие: это уровень моделей поведенческого взаимодействия; уровень, для которого может быть сформирован четкий визуальный образ; уровень, на котором информация представлена в перспективе «часть-целое»; уровень, используемый для повседневной нейтральной референциальной отсылки (пр.: А: Я слышу что-то снаружи. Б: Это просто собака / спаниель / животное?))» [Croft, Cruse, 2004, p. 83–84].

Члены категорий субординантного уровня отличаются от представителей базовых категорий тем, что не демонстрируют четко выраженных отличий от периферийных членов соседних категорий. Данные категории менее информативны по сравнению с категориями базового уровня («гиперонимами»). Объекты субординантного уровня очень похожи, но это означает, что члены категорий субординантного уровня не контрастируют друг с другом, и поэтому трудно отличить объекты друг от друга и от таких же объектов, но базового уровня (например, кресло можно спутать с креслом-качалкой или кухонным стулом) [Rakison, Oakes, 2003]. У.Крофт и А.Круз пишут, что категории субординантного уровня имеют

следующие характеристики: они менее хороши, чем категории базового уровня, потому что, хотя члены имеют высокое взаимное сходство, они имеют низкую степень дифференцируемости от членов соседних категорий; они гораздо менее информативны относительно их ближайшей гиперонимической категории, поэтому, когда испытуемым предлагается перечислить отличительные характеристики, списки очень мало отличаются от списков, приведенных для гиперонимических категорий предметов базового уровня [Croft, Cruse, 2004].

Категории суперординантного уровня демонстрируют низкую степень сходства внутри категории, они более гомогенны, имеют меньше отличительных признаков–атрибутов, в отличие от категорий базового уровня. Суперординантные категории в языке представлены преимущественно неисчисляемыми существительными и, «по-видимому, структурированы согласно нескольким общим абстрактным правилам. Животные, например, сильно различаются и не воспринимаются как группа существ, похожих друг на друга. Более того, согласно общей точке зрения, нет никаких специфических перцептивных свойств, которыми обладают все (или даже большинство) животные. Единое мнение состоит в том, что категории суперординантного уровня не содержат членов с одинаковым набором характеристик» [Burns, 1992, p. 236].

Крофт и Круз также указывают на то, что «категории суперординантного уровня менее хороши, чем категории базового уровня, потому что, несмотря на то, что их члены относительно отличаются от членов соседних категорий, сходство между категориями относительно невелико; категории суперординантного уровня имеют меньше определяющих характеристик, чем категории базового уровня; <...> категории базового уровня часто имеют одноатрибутивное отношение к более высокой категории суперординантного уровня (подумайте о связи обуви и сандалий, нижнего белья и одежды); лингвистически категории суперординантного

уровня часто являются неисчисляемыми существительными, тогда когда категории базового уровня – исчисляемыми» («Superordinate categories are less good categories than basic level categories because although members are relatively distinct from members of neighboring categories, within-category resemblance is relatively low; superordinate categories have fewer defining attributes than basic level categories; immediate superordinates of basic level categories often have a single-attribute relation to a higher superordinate category (think of footwear in relation to sandal, underwear in relation to vest); linguistically, names for superordinate categories are often mass nouns when basic terms are count nouns») [Croft, Cruse, 2004, p. 84–85].

В. Эванс пишет, что существование трех уровней категоризации является универсальным феноменом, однако принадлежность той или иной категории к определенному уровню может отличаться в разных культурах, что позволяет признать существование межкультурных и межъязыковых вариаций процесса категоризации [Evans, Green, 2006].

В контексте рассмотрения классического и прототипического подходов к процессу категоризации возникает вопрос о возможности синтеза этих двух традиций. Так, Анна Вежбицкая пишет: «В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть и место для инвариантов, одно не исключает другого» [Вежбицкая, 2011, с. 92]. Исследователь говорит о «размывании» границ категорий идеализированных когнитивных моделей, что происходит из-за несоответствия исходных данных, лежащих в основе идеальной модели, и реальности [Вежбицкая, 1996]. Для доказательства этой идеи А. Вежбицкая приводит пример с понятием «лодка», указывая на его дефиницию: «Лодка – это созданный человеком объект, который используется для передвижения по воде». Однако, в случае, если в лодке есть пробоина, данное определение уже не работает, и требуется наличие дополнительных пресуппозиций: «При какой величине дыры данный объект больше не будет являться лодкой, а будет рухлядью?» А. Вежбицкая указывает, что

достаточно изменить основание для формирования категории, дополнить его другими признаками, чтобы модель заработала: «Но вместо того чтобы обращаться к понятию прототипа, не лучше ли немного уточнить первоначальную формулу? Ведь можно сразу сказать, что лодки – это род объектов, изготавливаемых для передвижения по воде». «Это верно, – продолжает исследователь, – что лодка с большой дырой не может передвигаться по воде, но зачем же основывать формулируемое определение на способности, вместо того чтобы основать его на предназначении?» [Вежбицкая, 1996, с. 204]. Исследователь подчеркивает, что необходимо точно указать признаки, которые будут являться достаточным основанием для обоснования данной категории и включения того или иного члена в ее границы, учитывая и материальные, и нематериальные (идеальные) признаки.

Отметим, что А. Вежбицкая не отрицает значение теории прототипов, но утверждает, что «прототипы не могут «спасти нас» от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения, ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке» [Вежбицкая, 1996, с. 230].

В настоящем исследовании мы рассматриваем категорию ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) как прототипическую категорию базового уровня и считаем необходимым более подробно проанализировать понятие прототипа, а также близкое к нему понятие «стереотип».

1.3.2. Понятие прототипа

Понятие прототипа широко используется для описания процесса идентификации признаков для их дальнейшей интерпретации и категоризации объекта [Шехтер, Потапова, 1999].

В когнитивной психологии данный термин появился как средство категоризации действительности на основе образной информации [Полев, 2009].

Допускается двойное понимание прототипа: психологическое и собственно когнитивное [Болдырев, 2004].

В «стандартной версии прототипов» [Rosch, Lloyd, 1978; Лакофф, 2004; Вежбицкая, 1996] в фокусе исследовательского внимания находится психологический аспект данного феномена.

«Психологическое связано с выделением в ходе различных экспериментов по категоризации тех элементов категории, которые первыми приходят на ум и быстрее всех узнаются» [Комарова, 2014, с. 474]. С этой позиции прототип характеризуется как «лучший образец категории», «наиболее явный член категории», «наилучший представитель категории», «выделяющийся образец» [Rosch, Lloyd, 1978; Лакофф, 2004; Вежбицкая, 1996]; «центральный ориентир» («un repère central») [Siblot, 1990, p. 172].

Это означает, как отмечает У.Л. Чейф, то, насколько содержание того или иного объекта приближено или отдалено от «фокуса» категории, и что по мере удаления от «фокуса» степень кодируемости понижается и «размывается» [Чейф, 1983, с. 35–73].

В рамках когнитивного подхода прототип понимается как ментальная репрезентация, когнитивный ориентир категории: некий образ, стереотип, гештальт, схема [Болдырев, 2001], концепт, составляющий основу формирования категории и определяющий ее содержание [Болдырев, 2004].

У Джона Тейлора встречаем близкое к предыдущему определение прототипа: «A prototype is a (schematic) mental representation (possibly quite rich in specific detail) of a typical instance of a category such that entities get assimilated to the category on the basis of perceived similarity to the prototype. Assimilated members of a category may themselves function as secondary prototypes and extensive “meaning chains”» [Taylor, 1990, p. 529]. («Прототипом

является (схематичная) ментальная репрезентация (возможно, довольно богатая на конкретные детали) типичного представителя категории, благодаря которой всякая сущность включается в категорию на основе сходства с прототипом. Объекты, относящиеся к категории, могут сами функционировать как второстепенные прототипы, формируя обширные «смысловые цепочки»)).

Другие ученые также пишут об определении степени прототипичности члена категории в зависимости от его расположения относительно центра категории, например: «In a prototype model, the likelihood of an item being assigned to a particular category depends on the similarity between the item and the category's central tendency» [Kalyan, 2012, p. 540] («В прототипической модели, вероятность того, что объект будет отнесен к какой-либо категории, зависит от сходства между ним и центральным членом категории»)).

Нашим рабочим определением прототипа, вслед за Е.В. Урысон, будет: «Образ объекта, закрепленный в сознании носителей языка, который служит «точкой отсчета» при описании объектов данного класса» [Урысон, 2011, с. 348].

Прототипы тесно связаны со стереотипами.

В начале XX века социолог У. Липпманн предложил трактовку стереотипа в своей книге «Общественное мнение» [Липпманн, 2004]. Исследователь рассмотрел особенности функционирования данного явления посредством анализа социально-психологических аспектов деятельности людей [Липпманн, 2004; Красных, 2002].

Психологическая и когнитивная природа стереотипа неоднократно становилась объектом научного исследования.

В большинстве словарей «стереотип» трактуется с отрицательной коннотацией. Например: «Привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. <...> Устаревшие, предвзятые представления,

связанные с предрассудками» [Большой толковый словарь русского языка, 2000, с. 1267]; в Психологическом словаре М. Кордуэлла стереотип понимается как жесткое и часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей [Кордуэлл, 1999, с. 316].

Изучением стереотипа занимаются специалисты разных областей знаний: психологии, социологии, этнографии, лингвистики и др.

В нашем исследовании мы будем придерживаться определения, введенного Викторией Владимировной Красных, рассматривающей стереотип с позиции когнитивной лингвистики как «некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированную ментальную «картинку», являющуюся результатом отражения в сознании личности «типового» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных, 2002, с. 177-176].

Подобного мнения придерживаются исследователи Е. Бартминский [Бартминский, 1995], С.М. Толстая [Толстая, 1995], понимающие стереотип как ментальный образ, возникающий в сознании человека.

Дирк Герартс пишет о разнице между прототипами и стереотипами, ссылаясь на социальный аспект стереотипа: «Prototypes are primarily psychological notions with an individual status. **Stereotypes** (выделено нами. – М.М.), on the other hand, **are social entities** (выделено нами. – М.М.)<...> Stereotypes involve the social, prototypes the psychological organization of knowledge, but the extent than they coincide, prototypes/stereotypes constitute a link between the psychological and the social organization of semantic knowledge» [Geeraerts, 2008, p. 27]. По его мнению, несмотря на то, что прототип – это психологическое понятие, а стереотип – социальное, объединяет их то, что они оба являются связующими звеньями между психологической и социальной организацией семантического знания.

На наш взгляд, прототипы отличаются от стереотипов в плане выраженности в семантике слова. Прототип глубоко интегрирован в

семантику слова, являясь частью психологической реальности языкового сознания, и определить прототипические характеристики объекта возможно только посредством серии психолингвистических экспериментов, теоретически обоснованных в трудах О. Дюкро, Ж.-К. Анскомбра [Ducrot, 1995] и А.В. Колмогоровой [2009, 2014, 2015]. Стереотип отличается от него, во-первых, наличием социального аспекта, а во-вторых, невыраженностью в семантике слова, поскольку для объективации стереотипа необходим уровень высказывания и/или его пропозициональной структуры. Например, надпись на майке «Можете говорить нормально – я брюнетка» апеллирует к стереотипу о том, что блондинки не очень умные, опирается на него во всей своей прагматической структуре; невозможно указать на какую-то конкретную лексему или синтагму, которая в своей семантике «содержит» этот стереотип.

1.3.3. Теория «аргументации в языке» Освальда Дюкро и Жан-Клода Анскомбра: к определению прототипической картины мира

Впервые понятие прототипической картины мира было рассмотрено в трудах Освальда Дюкро и Жана-Клода Анскомбра [Ducrot, 1995]. О. Дюкро акцентирует внимание на том, что в основе любого лексически самостоятельного слова лежит представление, свойственное большинству говорящих на данном языке о том, каким должен быть лучший представитель данной категории. Например:

1. «*Pierre est un parent, mais éloigné*» («Пьер – родственник, но дальний»). В данном примере слово *parent* (*родственник*) по умолчанию несет в себе представление о близком родственнике как прототипическом родственнике, а союз *mais* ('но') уменьшает аргументативный потенциал и ослабляет степень прототипичности данного конкретного родственника. В другом примере: «*Pierre est un parent, mais proche*» (*Пьер родственник, но близкий*) прилагательное *proche* или *близкий* в сочетании с союзом «но»

нарушает естественное течение коммуникации, делая высказывание в некотором роде аномальным, что приводит к возникновению дополнительных пресуппозиций: «*Пьер – близкий родственник моего друга, поэтому я не хочу, чтобы он был в курсе этого дела, так как близкий родственник может все ему рассказать, а я бы предпочел оставить это в тайне*».

2. «*Il y a un problème, mais facile*» («Есть проблема, но легкая»). Смысл в том, что существительное *problème* ('проблема') уже несет в себе представление о ситуации прототипически сложной, о задаче, которая не поддается быстрому решению. То есть, когда у человека проблемы, это само собой значит, что избавиться от них непросто. Союз же *mais* (*но*) уменьшает аргументативный потенциал и ослабляет степень прототипичности существительного *problème*. В другом примере: «*Il y a un problème, mais difficile*» («Проблема, но сложная»), прилагательное *difficile* (*сложный, трудный*) в сочетании с союзом *но* нарушает естественное течение коммуникации, делая высказывание в некотором роде аномальным, что приводит к возникновению дополнительных пресуппозиций, например: «*У меня серьезные проблемы, а не те пустяки, поэтому я обращаюсь к вам за помощью*».

Освальд Дюкро также выделил наречия и прилагательные, одни из которых, отражая «должные» свойства и характеристики объекта, приближают его к прототипу категории – «реализующие» (*réalisant*), а другие, напротив, удаляют номинируемый объект от центра категории – «дереализующие» (*déréalisant*) [Колмогорова, 2014, с. 21]. Отметим, что именно о русском союзе *но* как выразителе «обманутого ожидания» писала Е.В. Урысон [Урысон, 2005, с. 469].

Представления о «должных» характеристиках ситуации, объекта, явления, находящие свое выражение в аргументативном развертывании высказывания, могут меняться с течением времени от поколения к

поколению.

Так, на материале русского прилагательного *светлый* в рамках психолингвистического эксперимента А.В. Колмогорова показала, что данное прилагательное является для среднего и старшего поколений русских «реализующим» для лексемы *человек*, поскольку представитель данного поколения соотносит светлого человека с прототипом соответствующей категории, в то время как для подростков и молодых людей (14–17 лет) это же прилагательное является «дереализующим», т. е. удаляющим человека-объекта номинации от центра соответствующей категории, что связано с влиянием возрастного фактора – чем моложе респондент, тем менее прототипической кажется ему эта характеристика для денотативного класса «человек» [Колмогорова, 2009].

Проведя анализ теоретической литературы по проблематике исследования, а также обширную практическую работу, мы бы хотели предложить дополненное определение данного феномена: прототипическая картина мира – это часть нормативной картины мира, в которой фиксируются разделяемые большинством представителей лингвокультуры имплицитно-оценочные представления о должных характеристиках объектов предметного, природного и социального миров при обычном (не-аномальном) положении дел. До того момента пока нормальное течение жизни не оказывается вдруг нарушено, прототипические характеристики объекта категории остаются как бы незамеченными – они воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Но всякое отклонение от прототипа так или иначе маркируется на уровне семантики и прагматики высказывания.

Не все объекты, отраженные в картине мира представителей какой-либо лингвокультуры, находят свое место в прототипической картине мира. Поскольку последняя тесно связана и с ценностной картиной мира, то в ней зафиксированы только представления о релевантных, имеющих особую ценность для этноса объектах.

Объектом нашего исследования является категория ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) в прототипической картине мира, объективируемой в двух неблизкородственных языках – русском и французском. Формулируя объект таким образом, мы фокусируемся на представлениях носителей языка о том, каковы ингерентные, неотъемлемые характеристики человека при нормальном, обычном положении дел. Иначе говоря, речь не идет о свойствах и характеристиках лучшего человека, а о тех характеристиках, которыми должен обладать человек, чтобы быть «нормальным» человеком, с точки зрения членов сообщества.

А.В. Колмогорова [Колмогорова, 2013, с. 25] в одной из своих монографий приводит следующий диалог двух героинь, Надежды (Н) и Раисы Захаровны (РЗ), из известной отечественной комедии «Любовь и голуби» (1984 г., реж. В. Меньшов):

РЗ: *Успокойтесь, прошу вас. Вы его любите?*

Н.: *Чего?*

РЗ: *Любите ли вы этого человека?*

Н.: *Да какой это человек? Да был бы это человек, да разве бы он так поступил?».*

Исследователь фокусирует внимание на значении слова *человек* в нижеследующем диалоге героинь фильма «Любовь и голуби» Надежды и Раисы Захаровны. Та совокупность качеств, которую имеет в виду Надежда, используя слово *человек*, и представляет для нас особый интерес. Именно данную совокупность мы считаем содержанием категории ЧЕЛОВЕК в русской прототипической картине мира.

Размышления о материях, близких к тому, что мы считаем содержанием прототипической категории ЧЕЛОВЕК, встречаются у французских писателей. Например, в романе Ромена Гари «Большая барахолка» (1949 г.) нарратор описывает свое понимание интересующей нас проблемы следующим образом:

«Как я смутно чувствовал, чтобы быть человеком, недостаточно соответствовать определению, на которое я однажды наткнулся в большой энциклопедии Ларуса («двурукое прямоходящее млекопитающее, наделенное речью и мышлением»).

– Это не монстр, месье, – сказал я. – Это человек, что гораздо хуже. Обыкновенный человек. И вот вам доказательство: у него болят зубы. [...] Никто ведь толком не знает, каковы отличительные признаки человека. Вот я вам и подсказываю: человек – это единственное млекопитающее, у которого могут болеть зубы»;

«Жалость – единственная общая мера, лишь она может вобрать нас всех, лишь в ней мы все равны. Только жалость придает смысл нашему родовому названию, только она позволяет искать и находить человека повсюду, куда бы его не занесло. Самое страшное – это когда мы странным образом не можем разглядеть в человеке человека, и только жалость говорит нам, что мы окружены людьми. Жалость выше всех смут, для нее нет ни истины, ни заблуждений, она и есть сама человечность».

Данный отрывок из художественного произведения также показывает нам, что существуют более глубинные качества человека, нежели те, которые указаны, например, в каких-либо словарных статьях. Нам трудно их сформулировать: настолько они «встроены» в само понятие человека. Р. Гари удается разглядеть два из них: это способность жалеть и испытывать страдания от зубной боли. Так, если какой-то представитель вида *Homo sapiens* не способен к жалости (аномальное положение дел), мы можем с возмущением сказать, что это не человек вовсе. Способность жалеть ингерентна самой сути человека, является неотъемлемым качеством всякого типичного представителя категории

Итак, изучение прототипической картины мира поможет представить в динамике изменение прагматического потенциала некоторых лексем, «дрейф» ценностных представлений внутри лингвокультуры.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Картина мира, являясь одним из основополагающих понятий в естественнонаучных трудах, постепенно стала объектом лингвистических исследований, получив трактовку во множестве дефиниций, одна из которых была выбрана нами в качестве рабочего определения: картина мира – глобальный образ мира, являющийся результатом абсолютно всей духовной активности человека.

Существуют многочисленные типологии картин мира, которые, в той или иной степени, связаны друг с другом. Картины мира классифицируют в соответствии с масштабом охватываемого ими фрагмента социально-психической реальности, в зависимости от вида духовной активности человека, согласно видам сознания. Одной из ипостасей картины мира является языковая.

Термин «языковая картина мира», введенный в широкий научный обиход Л. Вайсгербером, относится к числу наиболее обсуждаемых в современной лингвистике. В нашей работе данный термин трактуется, вслед за О.А. Леонтович, как исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ восприятия и устройства мира, концептуализации действительности. Языковая картина мира вбирает в себя, объективируя в языке, отражение нормативной, ценностной и прототипической картин мира.

Категория нормы, которая используется в разных сферах бытия, также значима для языка и речи, поскольку речь является объектом нормативных оценок. Для нашей работы релевантно рассмотрение нормы как когнитивно-семантической категории, объединяющей закрепленные в семантике языка представления о нормальных проявлениях тех или иных объектов относительно заведенного порядка вещей, понятия должного, системы ценностей данного лингвокультурного сообщества. Нормативная картина

мира отражена в языковой, поскольку образ мира в языковой картине мира представлен неким набором элементов – их содержание и отношения являются нормативными.

Нормативная картина мира в свою очередь непосредственно связана с ценностной, являясь ее основанием и обладая всеми теми характеристиками, которые имеет ценностная картина мира.

Помимо нормативной и ценностной, в языковой картине мира находит свое отражение и прототипическая картина мира, определяя глубинную семантику слов, называющих и характеризующих объекты языковой картины мира. Взяв за основу определение прототипической картины мира, впервые введенное А.В. Колмогоровой, мы предложили его расширенную трактовку как части нормативной картины мира, в которой фиксируются разделяемые большинством представителей лингвокультуры имплицитно-оценочные представления о должных характеристиках объектов предметного, природного и социального миров при обычном (не-аномальном) положении дел. Прототипическая картина мира «скрепляет» воедино неотъемлемые характеристики сущностей какой-либо категории, что является причиной ее имплицитности.

Таким образом, нормативная, ценностная и прототипическая картины мира, в той или иной степени находя свое отражение в языке, являются аспектами языковой картины мира. Нормативная картина мира является основой для ценностной, имея все ее характеристики, при этом данные картины мира достаточно хорошо поддаются вербализации. Прототипическая картина мира также отражена в языке, при этом прототипические представления определяют глубинную семантику лексем и являются трудно вербализуемыми, формируя прагматическую составляющую семантики слова.

Теоретическую основу прототипической картины мира составляет понятие прототипа. Теория прототипов, основоположником которой явилась

Э. Рош, представляла собой критику классической трактовки явления категоризации. Основной целью данного подхода было показать наличие асимметрии между членами одной категории. Анализ различных определений прототипа позволяет заключить, что для решения задач семантического исследования адекватным представляется трактовка термина «прототип», данная Е.В. Урысон: образ объекта, закрепленный в сознании носителей языка, который служит «точкой отсчета» при описании объектов данного класса.

Согласно трехчленной классификации категорий Э. Рош (категории базового уровня, субординантного уровня и суперординантного уровня), рассматриваемая нами категория ЧЕЛОВЕК (*ÊTRE HUMAIN*) относится к категориям базового уровня.

Идея о выраженности прототипического значения в семантике слова развивается в теории аргументации Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро, занимающей центральное место в нашем исследовании. Исследователи полагают, что основу каждого лексически самостоятельного слова составляет представление, свойственное большинству говорящих на данном языке о том, каким должен быть лучший представитель данной категории. О. Дюкро также выделил наречия, приближающие или отдаляющие объект от центра категории – их русскими эквивалентами являются лексемы *конечно* и *но*. В ходе нашего дальнейшего исследования, анализируя категорию ЧЕЛОВЕК (*ÊTRE HUMAIN*) в рамках теории Ж.-К. Анскомбра и О. Дюкро, мы ставим своей целью определить прототипические характеристики человека при нормальном, обычном положении дел в картине мира, объективируемой в русском, а также французском языках.

ГЛАВА II. АРГУМЕНТАТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, НОМИНИРУЮЩИХ ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И НЕПРОТОТИПИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА, В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

Для проверки гипотезы о существовании прототипической картины мира и ее влиянии на аргументативно-коммуникативный потенциал лексических единиц, номинирующих прототипические качества ее объектов, необходимо разработать процедуру выявления прототипических характеристик человека в картине мира русских и французов. Для решения данной задачи использовалось сочетание направленного ассоциативного и ценностно-семантического (по методике О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра) экспериментов.

2.1. Организация экспериментальной работы: ассоциативный эксперимент (с русскими и французскими респондентами)

Целью ассоциативного эксперимента было выявить прилагательные-реакции на слово-стимул *человек* у русских респондентов и стимульное сочетание *être humain* у французских респондентов. Прямое обращение к нормативной картине мира, например, если бы мы провели анкетирование на тему «Каким должен быть человек?», привело бы к искажению данных в силу многих причин, например, так называемого Хоторнского эффекта, когда испытуемые желают казаться лучше, «подыгрывают» экспериментатору [Борегар, О`Лири, 2017].

Мы же решили получить первичные данные, апеллируя к языковому сознанию носителей языка и никак не фокусируясь на их ценностных представлениях, при помощи ассоциативного эксперимента: наиболее частотные реакции имели большую вероятность оказаться номинантами

характеристик объекта категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) прототипической картины мира русских и французов, соответственно.

Ассоциативный эксперимент является одним из старейших приемов экспериментальной психологии, его принято считать одним из наиболее эффективных способов исследования языкового сознания человека и его национально-культурной специфики. Подобный эксперимент позволяет выявить те ментальные образы мира, которые присущи представителям того или иного этноса – «черты менталитета».

Психолингвистические варианты данного эксперимента были разработаны Дж. ДIZE и Ч. ОSGУДОМ. В российской психологии и психолингвистике методика ассоциативного эксперимента была апробирована в научных трудах А.Р. ЛУРИИ и О.С. ВИНОГРАДОВОЙ [Архипова, 2011].

В «Большом психологическом словаре» ассоциативный эксперимент определяется как метод исследования мотивации личности и прием, направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте [Большой психологический словарь, 2003, с. 26].

В настоящее время под ассоциацией понимают «связь, образующуюся при определенных условиях между двумя и более психическими образованиями (ощущениями, двигательными актами, восприятиями, идеями и т. п.); действие этой связи – актуализация ассоциаций – состоит в том, что появление одного члена ассоциации регулярно приводит к появлению другой (других)» [Горошко, 2001, с. 11]. Таким образом, любое понятие, образ, объект в нашем сознании имеет свой ассоциативный ряд.

Общепринятая методика ассоциативного эксперимента выглядит следующим образом. Испытуемому дается определенное количество стимульных слов и говорится, что им необходимо написать первые приходящие в голову слова-реакции. Инструкция отвечать «первым словом, которое придет на ум» имеет принципиальное значение. Ассоциативная

реакция-ответ следует незамедлительно, испытуемый не должен размышлять над ответом, поскольку [Гуц, 2005].

Существует несколько видов ассоциативного эксперимента [Шаманова, 2013].

1. Свободный ассоциативный эксперимент, при котором испытуемому не ставится никаких ограничений на словесные реакции.

2. Направленный ассоциативный эксперимент – испытуемому предлагается дать ассоциации определенного грамматического или семантического класса (например, подобрать прилагательные к существительному).

3. Цепочечный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями – например, дать в течение 20 секунд 10 различных слов-реакций или словосочетаний.

Полученные данные группируются в «ассоциативные поля». Ассоциативное поле представляет собой совокупность реакций на слово-стимул. Ассоциативное поле имеет ядро (наиболее частотные реакции) и периферию.

Первым этапом нашего экспериментального исследования являлся ассоциативный эксперимент с русскими респондентами. Мы провели направленный ассоциативный эксперимент посредством контактного общения, в котором участвовали 80 городских жителей (40 женщин и 40 мужчин), от 19 до 65 лет. Респонденты имели различный уровень образования и принадлежали к разным социальным классам: 30 студентов, 4 менеджера высшего звена, 15 менеджеров среднего звена, 10 преподавателей, 20 работников сферы обслуживания, 1 бизнесмен. Из них 45 % имели оконченное высшее образование, 37 % – неоконченное высшее образование, 20 % – средне-специальное образование и 2 % имели только начальное общее образование. Общее количество полученных реакций составило 240 прилагательных.

Респондентам были выданы бланки следующего формата, включающие в себя так называемую «паспортичку» и инструкцию:

Возраст:	Пол:	Род занятий:
Напишите 3 прилагательных, которые приходят Вам на ум, когда Вы произносите слово <i>человек</i> .		

В результате проведенного эксперимента были получены следующие прилагательные-реакции, которые представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – ассоциативный эксперимент с русскими респондентами

№	Прилагательное-реакция	Количество реакций
1	Умный	20
2	Добрый	19
3	Разумный	18
4	Хороший	18
5	Плохой	16
6	Мудрый	13
7	Живой	12
8	Молодой	12
9	Общительный	11
10	Образованный	11
11	Красивый	9
12	Ленивый	8
13	Сильный	8
14	Злой	7
15	Порядочный	6
16	Ответственный	5
17	Веселый	5
18	Здоровый	5
19	Надежный	5
20	Слабый	4
21	Глупый	4
22	Хитрый	4
23	Отзывчивый	4
24	Высокий	3
25	Прекрасный	2
26	Эмоциональный	2
27	Продвинутый	1
28	Характерный	1
29	Осведомленный	1
30	Душевный	1
31	Обожаемый	1
32	Худой	1
33	Ясноглазый	1
34	Уникальный	1
35	Лысый	1
	Итого:	240

Затем нами были отобраны только первые прилагательные из списка реакций каждого информанта, которые, согласно А.А. Залевской, являются ядром ассоциативного поля [Залевская, 2005]. Таким образом получен следующий список: *умный* (20 реакций), *добрый* (19 реакций), *разумный* (18 реакций), *хороший* (18 реакций), *плохой* (16 реакций), *мудрый* (13 реакций), *живой* (12 реакций), *молодой* (12 реакций), *образованный* (11 реакций), *общительный* (11 реакций), *злой* (7 реакций), *надежный* (5 реакций), *отзывчивый* (4 реакции), *глупый* (4 реакции), *эмоциональный* (2 реакции), *обожаемый* (1 реакция).

В результате обработки вышеприведенных данных нами были отобраны только самые частотные прилагательные (свыше 10 реакций), которые послужили основой для проведения ценностно-семантического эксперимента: *умный*, *добрый*, *хороший*, *плохой*, *разумный*, *живой*, *мудрый*, *образованный*, *молодой*, *общительный*. Данные прилагательные формируют ассоциативное поле качеств человека в языковом сознании представителей русской лингвокультуры.

Количественное соотношение прилагательных представлено наглядно на рисунке 3.

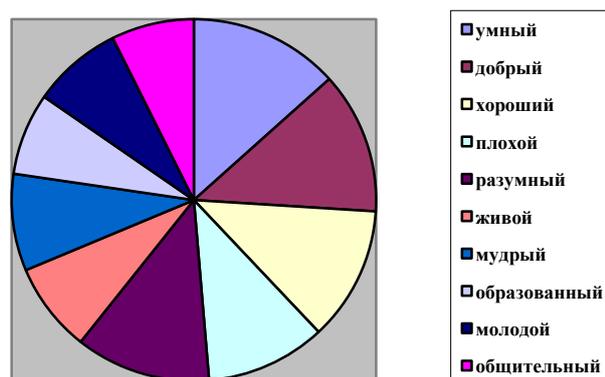

Рисунок 3 – Количественное соотношение прилагательных-реакций русских респондентов

Приведенные выше прилагательные были в дальнейшем использованы для проведения второго этапа экспериментальной работы, на котором

решается задача выявления прототипических качеств представителей категории ЧЕЛОВЕК и двух ее гендерных ипостасей – *Мужчина* и *Женщина*.

Аналогичная работа с французскими респондентами была организована в 80 % посредством Интернет–форм, в 20 % – посредством контактного общения.

На первом этапе эксперимента нами решается задача выявления признаков, устойчиво ассоциируемых с представителем категории ЧЕЛОВЕК (во французском варианте – ÊTRE HUMAIN). Информантам предлагается записать 3 прилагательных на слово-стимул, являющееся именем категории (*Être humain*). В эксперименте участвовали французские респонденты в количестве 40 городских жителей (20 мужчин и 20 женщин) в возрасте от 19 до 65 лет. Респонденты имели различный уровень образования и принадлежали к разным социальным классам: 10 студентов, 10 менеджеров высшего звена, 12 менеджеров среднего звена, 3 преподавателя, 5 работников сферы обслуживания. Из них 55 % имели оконченное высшее образование, 25 % – неоконченное высшее образование, 25 % – среднее образование. Общее количество полученных реакций составило 124.

Испытуемым были выданы бланки, включающие необходимую паспортную часть и следующую за ней инструкцию:

Quel âge avez-vous? Votre sexe? Quelle est votre profession?
 Écrivez, s'il vous plaît, 3 adjectifs qui viennent en tête quand vous prononcez l'expression *l'être humain*.

В результате проведенного эксперимента были получены следующие прилагательные реакции (Таблица 2).

Таблица 2 – ассоциативный эксперимент с французскими респондентами

№	Прилагательное	Количество
1	Ambitieux	11
2	Curieux	11
3	Intelligent	11
4	Amoureux	10
5	Complexe	10
6	Égoïste	10
7	Faible	10

Продолжение Таблицы 2

8	Humain	10
9	Idiot	10
10	Social	5
11	Responsable	4
12	Vivant	4
13	Flexible	4
14	Fragile	3
15	Indécis	2
16	Evolué	2
17	Fraternel	2
18	Précieux	2
19	Arrogant	1
20	Innovant	1
21	Chercheur	1
	Итого:	124

В результате проведенного эксперимента были отобраны прилагательные, которые находились в ответах испытуемых на первом месте (были первыми реакциями): *fragile* (хрупкий) (3 реакции), *complexe* (сложный) (10 реакций), *égoïste* (эгоистичный) (10 реакций), *intelligent* (умный) (11 реакций), *évolué* (развитый) (2 реакции), *ambitieux* (амбициозный) (11 реакций), *idiot* (глупый) (10 реакций), *faible* (слабый) (10 реакций), *fraternel* (братский) (2 реакции), *curieux* (любопытный) (11 реакций), *amoureux* (влюбленный) (10 реакций), *humain* (гуманный) (10 реакций).

Наиболее частотными реакциями на слово-стимул *l'être humain*, согласно ответам 40 французских респондентов, стали следующие прилагательные: *ambitieux* ('амбициозный'), *intelligent* ('умный'), *idiot* ('глупый'), *amoureux* ('влюбленный'), *complexe* ('сложный'), *égoïste* ('эгоистичный'), *humain* ('гуманный'), *faible* ('слабый'), *curieux* ('любопытный').

Количественное соотношение прилагательных представлено наглядно на рисунке 4.

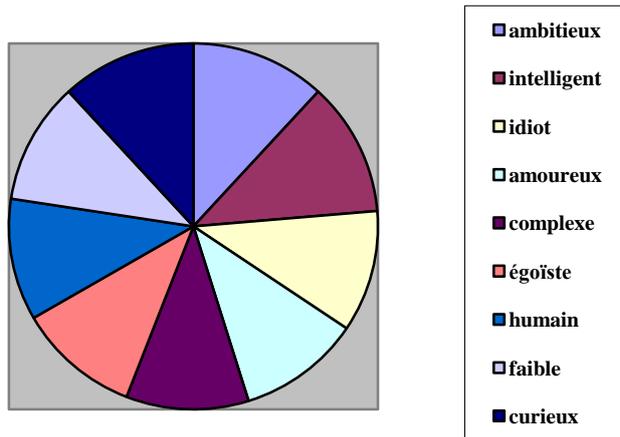

Рисунок 4 – Количественное соотношение прилагательных-реакций французских респондентов

Таким образом, посредством двух экспериментов мы получили ассоциативное поле качеств представителей категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN).

Приведенные выше прилагательные были использованы для второго этапа экспериментальной работы, на котором решается задача выявления прототипических качеств представителей категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN).

2.2. Дизайн экспериментальной работы: ценностно-семантический эксперимент с русскими и французскими респондентами

Вторым этапом нашего исследования был ценностно-семантический эксперимент по методике О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра.

Основываясь на теоретических положениях концепции О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра, мы разработали методику экспериментальной работы с целью выявления прототипических характеристик человека.

Об огромной важности применения эксперимента в семантике писал еще Л.В. Щерба [Щерба, 1974]. Эксперимент в семантических исследованиях применяется как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике (А.Н. Леонтьев [Леонтьев, 1971]; О.Н. Селиверстова [Селиверстова, 1975]; В.В. Левицкий, И.Д. Стернин [Левицкий, Стернин, 1989]; Дж.К. Лич [Лич,

1983]; О.А. Сулейманова [Сулейманова, 1986]; Н. Cuyskens, D. Sandra [Cuyskens, Sandra, Rice, 1997] и др.).

Одна из особенностей семантического эксперимента состоит в том, что человек одновременно является инструментом, который создает явление и тем прибором, который его регистрирует. Иными словами, «лингвистическое явление» воспроизводит человек, являющийся носителем языка. Он же может оценивать правильность / неправильность воспроизведения кем-то языковой единицы [Пекар, 2000].

Получаемый в результате такого эксперимента языковой материал будет содержать наряду с правильными, возможными фразами с данным словом также и неправильные, отклоняющиеся от нормы и по этой причине никогда не встречающиеся в текстах, воплощающих языковую норму.

Иными словами, в ходе эксперимента описанного типа лингвист порождает семантически аномальные фразы с данным словом и проверяет, можно ли на основе его предположения о значении некоторого слова объяснить аномальность его употребления в заданном контексте. Если можно, то это подтверждает гипотезу, если нельзя, то первоначальную гипотезу следует уточнить.

Используя методику, созданную на основе концепции Освальда Дюкро и Жан-Клода Анскомбра, мы составили для русских респондентов словосочетания с союзом *но*, уменьшающим аргументативный потенциал и степень прототипичности обозначаемого прилагательным признака объекта, а также словосочетания с вводно-модальным словом *конечно*, увеличивающей аргументативный потенциал и, соответственно, усиливающей степень прототипичности обозначаемого прилагательным признака объекта. Затем выдали анкетированным 3 таблицы, в которых 10 самых частотных прилагательных-реакций из ассоциативного эксперимента были представлены в сочетаниях с существительным *человек* и дополнены аргументативными модификаторами *конечно* и *но*. Например: *человек, но*

умный; человек и, конечно, умный.

Анкетированные (60 человек, носителей русского языка, (30 женщин и 30 мужчин)) должны были выбрать то сочетание, которое показалось им наиболее естественным, либо отказаться от выполнения, выбрав графу *Затрудняюсь ответить*.

Полученные в результате ценностно-семантического эксперимента данные демонстрируют следующие особенности.

Представления о прототипическом человеке у русских мужчин и женщин схожи: большинству мужчин и женщин сочетания существительного *человек* с 10 прилагательными (*умный, разумный, добрый, живой, мудрый, образованный, хороший, плохой, молодой, общительный*) показали более естественными в сопровождении аргументативного модификатора «+» – «конечно». Однако абсолютные результаты при внимательном рассмотрении обнаруживают важные нюансы.

Приведем сравнительную характеристику результатов эксперимента.

В Таблице 3 представлены данные о процентном соотношении выборов в качестве «естественных» предложений с вводно-модальным словом *конечно*, употребление которой, согласно концепции О. Дюкро, свидетельствует о прототипичности качества, называемого прилагательным, для представителей категорий ЧЕЛОВЕК, МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА.

Таблица 3 – прототипические представления о человеке

Вид прототипа /гендерная группа респондентов	Мужчины	Женщины
Прототипические представления о человеке	добрый – 80 % живой – 80 % умный – 75 % разумный – 70 % хороший – 70 % образованный – 70 % общительный – 70 % мудрый – 65 % молодой – 50 % плохой – 45 %	живой – 75 % молодой – 65 % хороший – 65 % умный – 60 % разумный – 60 % мудрый – 60 % образованный – 60 % общительный – 55% добрый – 45% плохой – 35%

Большинство мужчин выбрали прилагательные *добрый* и *живой* как безусловные прототипические качества человека. Женщины, в свою очередь, абсолютной характеристикой прототипического человека считают качество *быть живым*. В остальном результаты очень похожи или разнятся с незначительным отрывом: по мнению мужчин, прототипический человек *мудрый, разумный, образованный, хороший, общительный*; по мнению женщин, он – *умный, разумный, мудрый, образованный, хороший, молодой, общительный*. Отметим, что качество *плохой* не является прототипическим качеством человека по мнению как мужчин, так и женщин.

Путем вычисления среднего арифметического количества ответов респондентов обоих полов в процентном соотношении нами была получена градация прототипических характеристик (рисунок 5). Прилагательные были распределены следующим образом: первый круг (> 65 %): *живой* (77,5 %), *умный* (67,5 %), *хороший* (67,5 %); второй круг (< 65 % > 60 %): *добрый* (62,5 %), *разумный* (65 %), *образованный* (65 %), *общительный* (62,5%), *мудрый* (62,5 %); третий круг (< 60%): *молодой* (57,5 %); 4 круг: *плохой* (40 %).

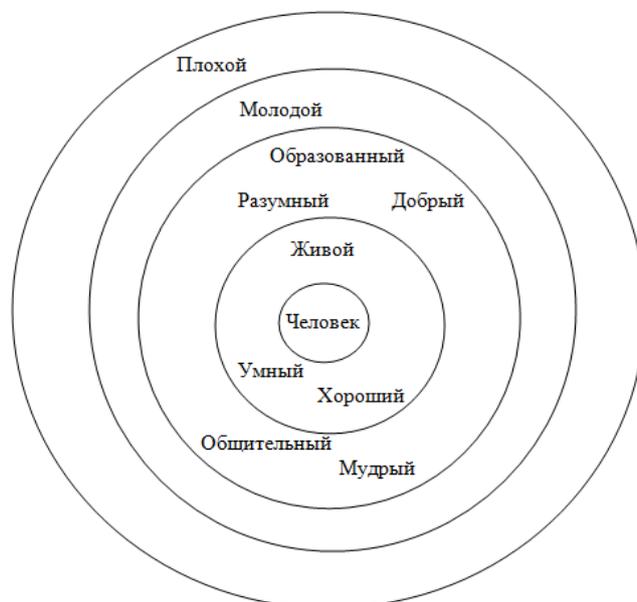

Рисунок 5 – Градация прилагательных-первых реакций русских респондентов

Нами также была проведена аналогичная серия экспериментов, в которых принимали участие французские респонденты.

Приведем сравнительную характеристику результатов эксперимента. В

Таблице 4 представлены данные о процентном соотношении выборов в качестве «естественных» предложений с частицей *même*, употребление которой свидетельствует о прототипичности качества, называемого прилагательным, для представителя категории ÊTRE HUMAIN.

Таблица 4 – Результаты ценностно-семантического эксперимента с французскими респондентами

Вид прототипа /гендерная группа респондентов	Мужчины	Женщины
Прототипические представления о человеке	Intelligent ('умный') – 70 % Ambitieux ('амбициозный') - 60 % Curieux ('любопытный') – 60 % Amoureux ('влюбленный') – 50 % Complexe ('сложный') – 50 % Humain ('гуманный') – 20 % Faible ('слабый') – 20 % Égoïste ('эгоистичный') – 0 % Idiot ('глупый') – 0 %	Ambitieux ('амбициозный') - 70 % Intelligent ('умный') – 60 % Curieux ('любопытный') – 60 % Amoureux ('влюбленный') – 60 % Complexe ('сложный') – 50 % Humain ('гуманный') – 50 % Faible ('слабый') – 20 % Égoïste ('эгоистичный') – 10 % Idiot ('глупый') – 0 %

Основываясь на полученных данных, мы можем констатировать:

1. Для мужчин-французов прототипическими качествами человека являются следующие (количественный порог – 50 %): *intelligent* ('умный'), *ambitieux* ('амбициозный'), *curieux* ('любопытный'), *amoureux* ('влюбленный'), *complexe* ('сложный');

2. Женщины же выбрали прилагательное *ambitieux* ('амбициозный') – 60 %, как практически абсолютную характеристику прототипического человека. Так же, по мнению женщин, прототипический человек – *curieux* ('любопытный') – 50 % и *amoureux* ('влюбленный') – 50 %.

Отметим, что ни мужчины, ни женщины не выбрали прилагательные: *idiot* ('глупый') – 0 %, *faible* ('слабый') – 20 % и *égoïste* ('эгоистичный') – 0 % и 10 %, соответственно, как прототипические качества человека.

Нельзя сказать, что отрицательная коннотация прилагательных играет важншую роль при выборе прототипических или непрототипических качеств, поскольку, например, прилагательное *complexe* ('сложный'),

имеющее в большинстве сочетаний (пр. *un homme complexe* ('сложный человек', человек непростой по своей натуре, характеру)) негативную оценочность, было отмечено большинством информантов-французов как прототипическое.

Большинство французских респондентов выбрали прилагательное *intelligent* ('умный') как безусловное прототипическое качество человека. Женщины-респонденты, в свою очередь, абсолютной характеристикой прототипического человека считают качество *ambitieux* ('амбициозный').

Путем вычисления среднего арифметического ответов респондентов обоих полов нами была получена градация прототипических характеристик человека, по мнению французских респондентов (мужчин и женщин) (рисунок 6). Прилагательные были распределены следующим образом: первый круг: *intelligent* ('умный') (65 %), *ambitieux* ('амбициозный') (65 %), *curieux* ('любопытный') (60 %); второй круг: *amoureux* ('влюбленный') (55 %), *complexe* ('сложный') (50 %); третий круг: *humain* ('гуманный') (35 %), *faible* ('слабый') (20 %); четвертый круг: *égoïste* ('эгоистичный') (5 %), *idiot* ('глупый') (0 %).

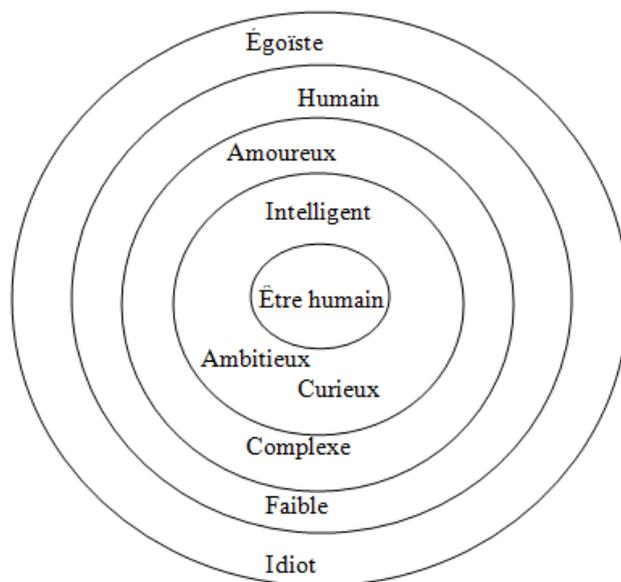

Рисунок 6. – Градация прилагательных-первых реакций французских респондентов

Затем мы сформулировали две гипотезы:

1) если прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории (например, ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN)), то в аргументативной структуре высказывания оно используется в составе *аргумента* в поддержку некоторого тезиса. А если прилагательное номинирует непрототипическое качество, то оно используется, наоборот, для вербализации *тезиса*, а не аргумента;

2) если прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории, то оно будет находиться в *теме* высказывания, а непрототипическое – в *реме* (сообщаемом новом знании).

Для того чтобы опровергнуть или подтвердить наши гипотезы, мы провели аргументативно-коммуникативный анализ примеров употребления прилагательных, попавших в список предположительно прототипических по результатам двух экспериментов с русскими и французскими информантами, в русском и французском письменном дискурсе (в количестве более 500 письменных дискурсивных фрагментов на русском и французском языке) и устном дискурсе (в количестве 60 дискурсивных фрагментов в видеоформате на русском и французском языке). Материал для исследования был отобран из корпусов русского и французского языков, публицистики (газеты, журналы), художественной литературы, телепередач, художественных фильмов.

Прежде чем перейти к анализу, стоит отметить, по какому принципу были отобраны анализируемые тексты. В основу выборки были положены два критерия:

1. Способ организации дискурса

В нашу исследовательскую выборку мы включали только тексты, организованные по аргументативному способу.

Г.М. Костюшкина пишет, что текст является «материальным результатом коммуникативного акта (...) типы текстов нельзя путать с типами

дискурсов, поскольку один и тот же тип текста может быть одного или нескольких способов организации дискурса» [Костюшкина, 2005, с. 141].

Согласно П. Шародо, выделяются три способа организации дискурса [Charaudeau, 1998]: дескриптивный, нарративный, аргументативный.

Г.М. Костюшкина приводит в качестве примера текст о приеме на работу, который, будучи рассмотрен с дискурсивных позиций, может иметь как дескриптивный, так и нарративный способы организации: «Сеть магазинов примет на должность директора магазина женщину от 30 лет, с опытом работы на руководящей должности, умеющей организовывать работу коллектива, с хорошим знанием английского языка» (дескриптив); так и аргументативную структуру: «Если Вы отличный продавец, вы сможете за один год организовать свое собственное дело» (аргументатив) [Костюшкина, 2005, с. 142].

В ходе нашей экспериментальной работы мы отбирали дискурсивные фрагменты с аргументативной организацией, поскольку, основываясь на теории О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра, прилагательное, номинирующее прототипическое качество, является составной частью аргумента.

2. Временная отнесенность

Дискурсивные фрагменты из НКРЯ, Электронного корпуса французского языка (EmoBASE), французского корпуса Интернет-текстов на платформе Sketch Engine, данные поисковых систем Google Books, данные службы вопросов и ответов компании Mail.Ru Group, а также видеофрагменты, отобранные для анализа, датированы концом XX-го началом XXI-го веков, так как, по нашему мнению, несмотря на то, что картина мира в целом и прототипическая картина мира в частности меняются чрезвычайно медленно (рудиментарны), определенные изменения все же происходят в ходе развития общества.

Следует отметить, что в дальнейшем изложении для обозначения всей выборки исследовательского материала на русском языке будет

использоваться словосочетание «русский подкорпус», а для обозначения выборки на французском языке – «французский подкорпус».

2.3. Аргументативный и коммуникативный потенциал прилагательных русского языка, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале русского подкорпуса)

В данном разделе представлены данные проведенного аргументативно-коммуникативного анализа дискурсивных фрагментов на материале русского языка, а также представлена разработанная и апробированная нами методика анализа аргументативно-коммуникативного потенциала прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека.

2.3.1. Аргументативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале русского подкорпуса)

В параграфе представлены данные, полученные в результате аргументативного анализа дискурсивных фрагментов на русском языке со словосочетаниями: прилагательное из списка прототипических по результатам экспериментальной работы + человек. В параграфе также показана наша методика анализа аргументативного потенциала прилагательных.

Под аргументативной структурой высказывания понимается «развернутая логическая структура, в основе которой лежит тезис, подкрепленный обоснованием» [Гатинская, 2010, с. 182].

Рассмотрим данные по каждому из прототипических прилагательных в русскоязычной выборке.

Прилагательное *живой*

Прилагательное *живой* было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека по мнению мужчин (80 %) и женщин (75 %).

Данные количественного анализа представлены на рисунке 7. Всего мы проанализировали 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских (автор-мужчина)/25 женских (автор-женщина)), взятых из различных Интернет-источников, художественной и публицистической литературы, а также из НКРЯ. На диаграмме (рисунок 7) представлены шесть цветных столбцов: выделенные синим цветом – демонстрируют количество фрагментов, в которых анализируемое прилагательное выступает в качестве аргумента, что согласуется с нашей гипотезой о том, что прототипические прилагательные тяготеют к позиции аргумента в аргументативной структуре высказывания (помечены знаком «+»); выделенные красным цветом – количество фрагментов, в которых статус анализируемого прилагательного (часть тезиса или аргумента) является спорным (помечены знаком «±»); выделенные зеленым цветом – фрагменты, в которых анализируемое прилагательное занимает позицию тезиса, а не аргумента, что противоречит нашей гипотезе (помечены знаком «-»).

По результатам анализа функции данных прилагательных в аргументативной структуре высказывания в 20 мужских и в 19 женских фрагментах результаты проведенной нами экспериментальной работы о том, что прилагательное *живой* является прототипическим, подтвердились: 3 мужских и 4 женских дискурсивных фрагмента потребовали дополнительного анализа, в 2 мужских и 2 женских фрагментах результаты проведенной экспериментальной работы не подтвердились.

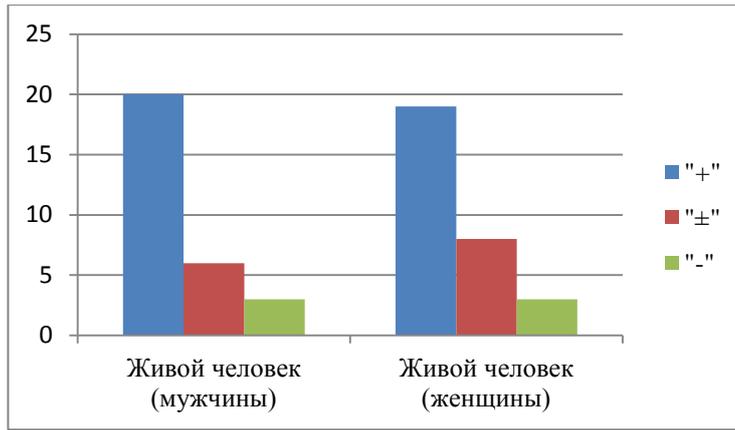

Рисунок 7 – Данные количественного анализа (прилагательное *живой*)

Рассмотрим иллюстративные примеры со словосочетанием *живой человек*.

Мужские дискурсы (пр. №№ 1-3).

1) *«И Ким тоже имел основания оказаться в числе лауреатов. Но Нобелевский комитет решил все иначе. – Разочарование испытали, когда не попали в лауреаты? – Да, я ведь **живой человек**. Но я понимал: шансов мало. Меня в мире народ не очень хорошо знает. У меня плохой английский, мало выступаю на западных конференциях»* [Коробатов Я. «Почему отец нобелевского изобретения не получил премию», Комсомольская правда, 18.02.2014, НКРЯ];

2) *«Но ведь он – **живой человек**, он не может всегда мыслить по заданному, порой и его посещают горькие мысли, и сожаление о погубленных собственной рукой перспективах не дает ему спать по ночам»* [Апоян Г. «Наири: триумф и драма», Интернет-альманах «Лебедь», 28.12.2003, НКРЯ];

В дискурсивных фрагментах №№ 1 и 2 мы видим присутствие частицы *ведь*, которая имеет множественные прагматические функции: выражения настаивания, удивления, нетерпения, возмущения, настойчивой просьбы, желаниа конкретизации и т. д.

Однако, согласно Н.А. Васильевой [Васильева, 1964], основное значение частицы *ведь* – подчеркивание очевидности, несомненности какого-либо явления или мысли. В анализируемом примере частица *ведь* апеллирует

к очевидному (я – живой человек), подчеркивает причинно-следственную связь (я испытал разочарование, поскольку я живой человек).

Соответственно, тезисом дискурсивного фрагмента № 1 является утверждение «я испытал разочарование, не попав в лауреаты», аргументом является утверждение «потому что я живой человек». Тезисом дискурсивного фрагмента № 2 является утверждение «он не может всегда мыслить по-заданному», аргументом к нему выступает утверждение «потому что он живой человек».

3) «– Разве ты очередной? – Нет, одинокий, да приговор сделают, – за беспутство сдадут. – А ты сшалил что-нибудь? – Да ведь как же – **живой человек!** – отвечал, тупя в землю глаза, Данилка. – Поворовывал? Данилка молчал» [Н.С. Лесков. «Божедомы», 1868, НКРЯ];

В примере № 3 также видна аргументативная структура, где прилагательное *живой* выступает в составе аргумента в поддержку тезиса о том, что людей прощать надо (поскольку всякий человек живой, а живой – значит, не безгрешен).

Место и функции прилагательного *живой* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны (пр. №№ 4-9).

4) «– То есть «депрессняк» вам вовсе незнаком? – Нет, я **живой человек**, всякое бывает. Если на душе нехорошо – еду на дачу в Подмосковье» [Садчиков М. «Надежда Бабкина: мой принц нашел меня в Приморье», Труд-7, 19.03.2005, НКРЯ];

Тезисом дискурсивного фрагмента № 4 является утверждение «мне знакомо, что такое депрессия», аргументом является утверждение «потому что я живой человек».

5) «**Леня живой человек** и мог ошибиться, как и любой из нас» [Маринина А. «Последний рассвет», 2013, НКРЯ];

Анализируя фрагмент № 5, мы сталкиваемся со следующей

аргументативной структурой: «*Леня мог ошибиться, как и любой из нас*» – тезис дискурсивного фрагмента, тогда как аргументом выступает утверждение «*потому что он живой человек*».

6) «*Мне это очень нравится. – А такой тяжкий грех, как уныние, вам знаком? – Да, особенно осенью /смеется/. Я же **живой человек** и, конечно, иногда впадаю в уныние. Но стоит появиться рядом Сандро, все уныние куда-то улетучивается. Врывается молодая энергия, которая меня лечит. Но еще больше от этого греха лечит ответственность перед сыном*» [«Тамара Гвердцители: ‘Не умею учиться на чужих ошибках’», 100% здоровья, 15.01.2003, НКРЯ];

7) «*Конечно, я требовала, чтобы он мне звонил, сообщал, как доехал, потому что я **живой человек**, нервничаю, схожу с ума*» [Тарасова Т., Мелик-Карамов В. «Красавица и чудовище», 1984–2001, НКРЯ];

8) «*То же самое было и с Леонидом на съемках. Я уже влюбилась в партнера, который был до Лени. Надо как-то отменять любовь! А я ведь **живой человек**, не могу сразу. И первые дни я не понимала, за что можно вообще влюбиться в Леонида. Но чего не ждешь, то и происходит. Теперь я к нему очень нежно отношусь, как к брату – очень трепетно*» [Гаврилова Д. «Мария Машкова: ‘Мне нравятся мужчины пострашнее и поталантливее’», Труд-7, 25.12.2008, НКРЯ];

9) «*Но так как, естественно, ни один **живой человек** не мог хранить в себе эту тайну, муж ее истерически проговаривался не только в беседах с ней, но и с друзьями, и даже по телефону*» [Герштейн Э. «Надежда Яковлевна», 1998, НКРЯ].

Аналогичная аргументативная структура прослеживается в примерах №№ 6, 7, 8, 9, где прилагательное *живой* выступает в составе аргумента для доказательства какого-либо тезиса.

Итак, данные дискурсивные фрагменты подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том,

что прототипический человек *живой* согласно мнению мужчин (80 % в ценностно-семантическом эксперименте) и мнению женщин (75 % в ценностно-семантическом эксперименте).

Прилагательное *умный*

Прилагательное *умный* было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, по мнению русских респондентов: 75 % мужчин и 60 % женщин.

Нами было проанализировано 50 дискурсивных фрагментов, имеющих аргументативную структуру и содержащих словосочетание *умный человек*. В ходе анализа мы выявили, что в 22 (11 мужских и 11 женских) фрагментах результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек *умный*, подтверждаются, 17 (9 мужских, 8 женских) высказываний требуют дополнительного анализа, в 11 (5 мужских, 6 женских) – не подтверждаются. Количественное распределение данных представлено на рисунке 8.

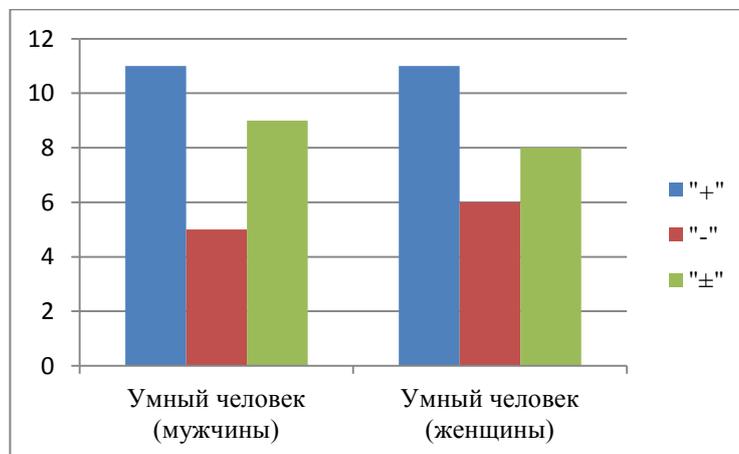

Рисунок 8 – Данные количественного анализа (прилагательное *умный*)

Рассмотрим серию примеров.

Мужские дискурсы (пр. №№ 10-15)

10) *«Уж я ее и выпалывал, и вытравливал, а она растет пуще прежнего. Спрашивал у знающих людей: как бороться с дикой травой? Все только руками разводят. А один умный человек посоветовал: не надо ничего вытравливать. На месте дикой травы нужно посеять сильные культурные*

растения, всячески их обихаживать» [Литвиненко И. «Некультурная трава», Труд-7, 16.11.2001, НКРЯ];

Тезисом дискурсивного фрагмента № 10 является утверждение *«он знает, как бороться с этой травой»*, аргументом к нему выступает утверждение *«потому что он умный человек»*.

11) *«Иванов нравится / Министр обороны. Умный человек / интеллигентный / не солдафон [7, муж, 49] № 7»* [«Беседа в Воронеже», Фонд «Общественное мнение», 2001, НКРЯ];

Анализируя пример № 11, мы вновь видим, что в аргументативной структуре дискурсивного фрагмента прилагательное *умный* является аргументом *«мне нравится Иванов, потому что он умный человек»*.

12) *«– Ну, вот ты скажи, Николай Николаевич! Ведь ты же умный человек. Вот, допустим, написал я такой рассказ – кто напечатает такой бред?»* [Попов Е. «Белый теплоход», 1970–2000, НКРЯ];

13) *«Правда, как гуманист он все же вынужден был писать Сталину, прося не убивать всех подряд, просил пощадить Бухарина, доктора Левина, эту даму из Парка культуры и отдыха, брата Хартоша, Аросева, может, также и Авербаха, Третьякова.... Но теперь то он все понял. Потому что он умный человек»* [Носик Б. «Кто ты? — Майя», Звезда, 2001, НКРЯ];

14) *«Но Борис Николаевич всегда очень ценил эту “Железную леди”, она действительно была талантливым и очень умным человеком»* [Гамов А. «Бывший шеф протокола Горбачева: ‘Михаил Сергеевич ручку Тэтчер не целовал. Но она была к нему благосклонна’», Комсомольская правда, 08.04.2013, НКРЯ];

15) *«Во главе ее стоял, как я уже говорил, очень умный человек, полковник Лехен, старый работник Коминтерна, участник испанской войны»* [Дьяконов И.М. «Книга воспоминаний. Часть вторая. Глава третья», 1941–1942, 1995, НКРЯ].

Подобную аргументативную структуру мы наблюдаем в примерах №№ 12–15, где прилагательное *умный* выступает в качестве аргумента для доказательства тезиса: «*ты умный человек и можешь дать мне дельный совет*» (пр. № 12); «*он все понял, потому что он умный человек*» (пр. № 13); «*он ценил ее, потому что она умный человек*» (пр. № 14); «*он стоял во главе, потому что он умный человек*» (пр. № 15).

Место и функции прилагательного *умный* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 16-19).

16) «*Я знаю, что Михаил Борисович российскую нефтяную отрасль вывел на мировой уровень в очень короткие сроки. Воруя все, но он – умный человек. Без ума такого не сделаешь, даже с миллиардами в карманах*» [Юлаева К. «Два образа Михаила Ходорковского обсудили в Томской библиотеке имени Пушкина», Комсомольская правда, 15.11.2010, НКРЯ];

Тезисом дискурсивного фрагмента № 16 является утверждение «*Михаил Борисович вывел российскую нефтяную отрасль на новый уровень*», аргументом является утверждение «*потому что он умный человек*».

17) «*Я горжусь своей дружбой с Александром Тимофеевским. Это очень умный человек*» [Смирнова Д. «Моя замечательная жизнь», «Столица», 22.12.1997, НКРЯ];

Тезисом фрагмента № 17 является утверждение «*я горжусь своей дружбой с Александром Тимофеевским*», аргументом к нему выступает утверждение «*потому что он умный человек*».

18) «*Он же много прислушивался к ней. Это / действительно / умный человек. Что еще сказать-то?*» [«Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара)», Фонд «Общественное мнение», 2003, НКРЯ];

19) «*Дедушка Никита Осипович много лет был сельским старостой, умел писать всякие прошения, пользовался в селе большим уважением как*

трезвый и умный человек» [Есенина Е.А. «В Константинове», 1957–1965, НКРЯ];

В дискурсивных фрагментах №№ 18 и 19 также видна аргументативная структура, где прилагательное *умный* выступает аргументом в поддержку некоего тезиса: «он много к ней прислушивался, потому что она умный человек» (пр. № 18); «дедушка Никита Осипович пользовался в селе большим уважением, потому что он был умный человек» (пр. № 19).

Данные дискурсивные фрагменты подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек *умный*, согласно мнению женщин (60 % в ценностно-семантическом эксперименте).

Прилагательное *разумный*

По результатам экспериментов прилагательное *разумный* было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, по мнению русских респондентов: 70 % мужчин и 60 % женщин.

Всего нами было проанализировано 50 дискурсивных фрагментов со словосочетанием *разумный человек*. В результате мы выявили, что в 29 (15 мужских, 14 женских) фрагментах результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек *разумный*, подтверждаются; 9 (5 мужских, 4 женских) дискурсивных фрагментов требуют дополнительного анализа, в 12 (7 мужских, 5 женских) – не подтверждаются. Количественное распределение данных представлено на рисунке 9.

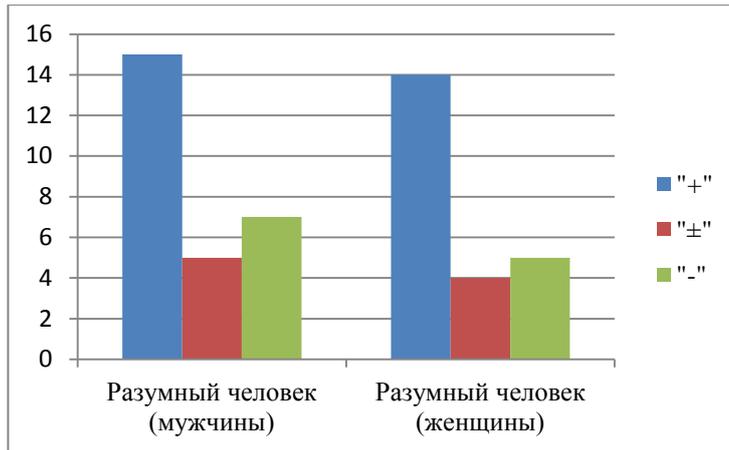

Рисунок 9 – Данные количественного анализа (прилагательное *разумный*)

Рассмотрим несколько иллюстративных примеров.

Мужские дискурсы (пр. №№ 20-23).

20) *«Ответ Александра Гришина: – Инна, если вы встретите Владимира Вольфовича в темной подворотне, вы удивитесь, какой он уравновешенный и **разумный человек**. Конечно, при условии, что там не будет телевизионщиков с камерами»* [Гали Р. «В битве Пугачева – Жириновский победило хамство», Комсомольская правда, 01.03.2012, НКРЯ];

В примере № 20 прилагательное *разумный* выступает в роли аргумента для доказательства тезиса о том, что известный политик достоин уважения. Аргумент строится следующим образом: вдали от телекамер и публичности он – разумный человек.

21) *«Я уже три созыва, мне уже 65 лет, надо обновление сделать. Это работа очень тяжелая, скажем прямо, неблагодарная, – пояснил он “Известиям”. По его мнению, не за горами и уход на покой самого Зюганова. – Он **разумный человек**, понимает, что вечно он не может, и его задача сейчас – подготовить команду молодых, чтобы оставить на них партию. В ближайшие четыре года будет переходный период в партии. Будет меняться руководство, как в Китае. Будет обновление, должно уже подойти следующее поколение, лет на 10–15 моложе»* [Подосенов С. «Геннадия Зюганова усилили количеством замов», Известия, 24.02.2013,

НКРЯ];

В примере № 21 данное прилагательное также входит в состав аргумента в пользу тезиса о скором уходе Зюганова с политической сцены. Аргумент строится следующим образом: «*Всякий разумный человек это понимает, а Зюганов как раз такой*».

22) «*Видите / как просто! Барон / вы ведь **разумный человек**. Я всегда относился к вам с симпатией*» [Захаров М., Горин Г. к/ф «Тот самый Мюнхгаузен», 1979, НКРЯ];

23) «*Моя жена – театральный педагог и актриса, **разумный человек**, она понимает все*» [Соломин Ю. «Любовь не бывает рациональной, иначе это выгода», Труд-7, 30.04.2008, НКРЯ].

Дискурсивные фрагменты №№ 22 и 23 имеют аналогичную аргументативную структуру: «*я всегда относился к вам с симпатией (тезис), потому что вы разумный человек (аргумент)*»; «*моя жена понимает все (тезис), потому что она разумный человек (аргумент)*».

Данные примеры подтверждают то, что прототипический человек – *разумный*, согласно результатам ценностно-семантического эксперимента среди мужчин-респондентов (70 %).

Место и функции прилагательного *разумный* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 24-25).

24) «*– Но ведь все говорят. А дыма без огня не бывает. – Не бывает, – согласился Володя. – Вы **разумный человек**. Не верьте разным слухам. Седьмого августа, в пятницу, будет солнечное затмение. Об этом давно уже во всех газетах пишут*» [Воскресенская З.И. «Сердце матери», 1963–1965, НКРЯ];

В примере № 24 тезисом является утверждение «*не стоит верить разным слухам*», аргументом к нему выступает апелляция к факту разумности собеседника «*потому что вы разумный человек*».

25) «А с протоиреем Дмитрием Смирновым, который предложил ввести этот налог, я знакома. Очень **разумный человек**» [Завгородняя Д. «Налог на бездетность вернет отцов в семью», Комсомольская правда, 28.01.2013, НКРЯ].

Во фрагменте № 25 прилагательное *разумный* является составной частью аргумента к тезису об обоснованности предложения о введении налога на бездетность: человек, предложивший его, – разумный человек (я лично могу это засвидетельствовать).

Данные примеры подтверждают данные, полученные в ходе экспериментов, свидетельствующие о том, что прототипический человек *разумный*, по мнению женщин (60 %).

Прилагательное *образованный*

Прилагательное *образованный* было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, по мнению русских респондентов: 70 % мужчин и 60 % женщин.

Данные количественного анализа представлены на рисунке 10: всего проанализировано 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских/25 женских), из них в 15 мужских и 13 женских дискурсивных фрагментах данное прилагательное функционирует как прототипическое; 8 мужских и 7 женских дискурсивных фрагментов требуют дополнительного анализа, в 4 мужских и в 3 женских дискурсивных фрагментах предварительные данные о прототипическом характере данного прилагательного не подтвердились.

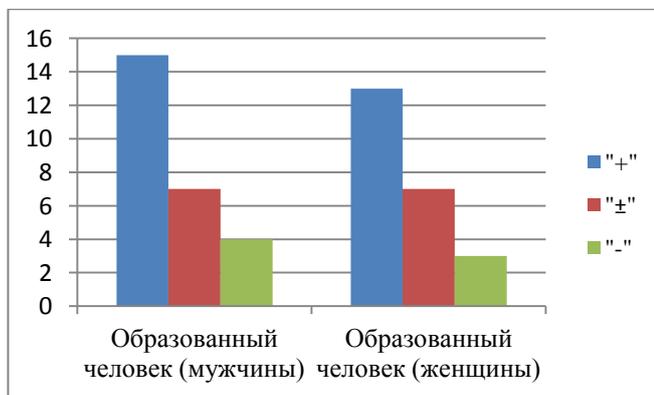

Рисунок 10 – данные количественного анализа (прилагательное *образованный*)

Рассмотрим иллюстративные примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 26-29).

26) *«Привлекло внимание и то, что на пост министра иностранных дел был назначен Маккинен — малоизвестный юрист, но **образованный человек**, окончивший пять университетов»* [Яковлев А. «Омут памяти», 2001, НКРЯ];

В примере № 26 за тезис фрагмента принимаем утверждение *«Маккинен был назначен на пост министра неслучайно»*, аргументом к нему выступит *«поскольку он образованный человек»*.

27) *«Он и сам покупает книги. Да, это **образованный человек**. С ним стоит поговорить»* [Грин А.С. «Бегущая по волнам», 1926, НКРЯ];

В примере № 27 прилагательное *образованный* также является частью аргумента *«поскольку он образованный человек»* к тезису *«с ним стоит поговорить»*.

28) *«Он произвел на меня крайне приятное впечатление как умный и **образованный человек** с очень широкими, а не узкопартийными взглядами»* [Курлов П.Г. «Гибель императорской России», 1923, НКРЯ];

29) *«Но, мне кажется, на назначение Фрадкова, прежде всего, повлияло то, что он очень **образованный человек**, прежде всего в экономическом плане»* [Гамов А., Анисимов Е., Степашин С. «Наш капитализм перестал быть бандитским», Комсомольская правда, 05.04.2004, НКРЯ].

Примеры №№ 28, 29 имеют похожую аргументативную структуру: *«он произвел на меня крайне приятное впечатление»* (тезис), *«поскольку он образованный человек»* (аргумент); *«Фрадкова назначили на данную должность неслучайно»* (тезис дискурсивного фрагмента), *«потому что он образованный человек»* (аргумент).

Найденные примеры подтверждают данные, полученные в ходе экспериментальной работы (по мнению 70 % мужчин-респондентов, прототипический человек – образованный).

Место и функции прилагательного *образованный* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 30-34).

30) *«Ему было приятно осознавать, что он, как **образованный человек**, знает про себя такие сложные вещи»* [Гончаренко Е. «Слона на скаку остановит», «Столица», 15.07.1997, НКРЯ];

В примере № 30 прилагательное *образованный* выступает в роли аргумента для доказательства тезиса *«он превосходит других»*. Аргумент же выстраивается следующим образом: *«поскольку знает много, а это, в свою очередь, потому что он образованный человек»*.

31) *«Но простите, Умар был красавцем, который разбивал сердца; начитанный, **образованный человек**, еще и богатый, известный»* [Собчак К. «Ксения Собчак. Ответ Виктору Шендеровичу», Комсомольская правда, 10.02.2012, НКРЯ];

В дискурсивном фрагменте № 31, данное прилагательное также является аргументом *«поскольку он был красив и был образованным человеком»* к тезису о том, что Умар был неотразим и пользовался успехом у женщин.

32) *«На Западе идеальным министром культуры считается Луначарский. Почему? Я вам скажу почему. Конечно, это был очень **образованный человек**, широко понимавший разные направления. Но главное — он был человеком революции. Я уж не знаю, как вас воспитывали, но это было время величайших открытий для культуры. Только дураки называют Октябрьскую революцию переворотом»* [Андреева О., Антонова И. «Жду зеленых листочков», «Русский репортер», 2014, НКРЯ];

33) «Я за Путина голосовала. Молодой/ энергичный /**образованный** человек. Я думаю / он должен порядок навести в конце концов» [«Беседа в Новосибирске», Фонд «Общественное мнение», 2000, НКРЯ];

34) «Он **образованный** человек, и я хочу с ним посоветоваться» [Пришвина В.Д. «Невидимый град», 1962, НКРЯ].

Примеры №№ 32, 33 и 34 имеют аналогичную аргументативную структуру, где прилагательное *образованный* выступает в качестве аргумента: «Луначарский идеальный министр культуры» (тезис), «поскольку он очень образованный человек» (аргумент) (пример № 32); «Я голосовала за Путина» (тезис), «поскольку он образованный человек» (аргумент) (пример № 33); «Он может дать хороший совет» (тезис), «потому что он образованный человек» (аргумент) (пример № 34).

Данные примеры подтверждают то, что прилагательное *образованный* номинирует прототипическое качество человека, согласно результатам ценностно-семантического эксперимента, с участием респонденток (60 %).

Прилагательное добрый

Прилагательное *добрый* по результатам нашего эксперимента было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, по мнению мужчин (80 %), и непрототипическое, по мнению женщин (лишь 45 % женщин отметили его прототипичность).

Данные количественного анализа представлены на рисунке 11: всего мы проанализировали 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских/25 женских), из них, в 21 мужском и 6 женских дискурсивных фрагментах данное качество является прототипическим, в 3 мужских и 11 женских дискурсивных фрагментах – непрототипическим; 5 мужских и 4 женских дискурсивных фрагмента требуют дополнительного анализа.

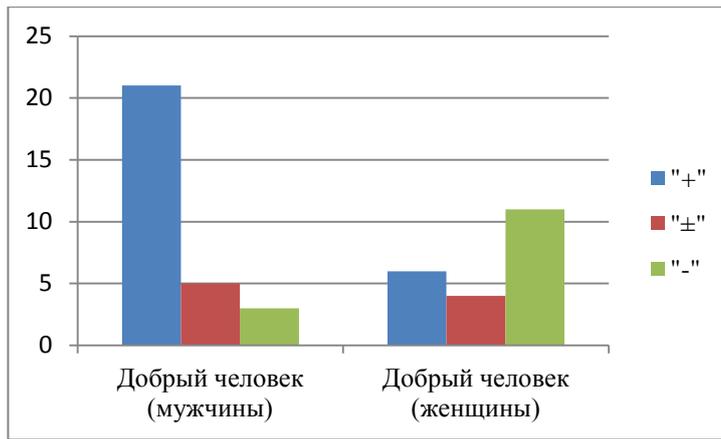

Рисунок 11 – Данные количественного анализа (прилагательное *добрый*)

Рассмотрим несколько примеров использования данного прилагательного в качестве аргумента.

Мужские дискурсы (пр. №№ 35-38).

35) *«Через два года он встретил Лизаньку в церкви. Она была уже замужем; за нею шла мамка с грудным ребенком. Они поздоровались и долгое время избегали разговора о старом. Лиза сказала, что она, слава Богу, счастлива, что она не бедна, что муж ее **добрый человек**, которого она любит»* [Достоевский Ф.М. «Слабое сердце», 1848, НКРЯ];

В примере № 35 прилагательное *добрый* является аргументом: *«она любит своего мужа»* (тезис), *«потому что он добрый человек»* (аргумент).

36) *«– Чего же вы боитесь? Мой супруг же **добрый человек**. Первый по доброте в городе, да и по разуму. Вот, я думаю, через полчаса придет домой. Потолкуйте с ним»* [Шаляпин Ф.И. «Моим детям», 1932, НКРЯ];

Анализируя пример № 36, мы видим, что в нем присутствует частица *же*. Основное значение частицы *же* – настаивание, удивление, акцентирование. В зависимости от контекста, значение частицы трансформируется, приобретая новые оттенки. Частица *же* может обозначать удивление, нетерпение, возмущение, настойчивую просьбу, желание конкретизации и т. д.

В данном примере частица акцентирует прилагательное *добрый*, она вводит аргумент, соотносимый с фактом, который собеседник не может

опровергнуть, и подчеркивает решительность и безапелляционность тона собеседника.

Соответственно, тезисом данного дискурсивного фрагмента является утверждение: *«не стоит бояться моего супруга»*, а бесспорным аргументом к нему: *«он же добрый человек»*.

37) *«Впрочем, ты узнаешь, как я дошел до этого состояния, узнаешь из моих заметок... Я вырвал их из своей записной книжки и пошлю к тебе с этим письмом... Мне хочется, чтобы ты не обвинял меня, чтобы поплакал обо мне... Ты ведь **добрый**, очень **добрый** и хороший человек. Я не знаю, что бы я был готов сделать, чтобы мне дали возможность хотя бы один час побыть с тобою... Мне хочется хоть одного слова участия, хотя одной ласки»* [Шеллер-Михайлов А.К. «Лес рубят - щепки летят», 1871, НКРЯ];

Говоря об аргументативной структуре дискурсивного фрагмента № 37, мы выделяем в качестве тезиса суждение *«мне хочется твоего участия в моей жизни»*, *«мне хочется твоей поддержки»*, а аргументом *«потому что ты добрый человек»*.

38) *«И, входя в вагон метро, он с удовольствием думал о себе, что ведь, по сути, он же умный деловой человек, не канцелярская пробка, и даже **добрый человек**, а заключенные никогда этого не оценят и никогда не узнают, кто не хотел разрешить им елку, а кто разрешил»* [Солженицын А. «В круге первом» (1968), «Новый Мир», 1990, НКРЯ].

Тезисом дискурсивного фрагмента № 38 является суждение *«я доволен собой»*, аргументом к нему *«потому что я умный и добрый человек»*.

В данном высказывании мы видим частицу *даже*, которая указывает нам на прототипичность данного признака (доброта). Согласно теории О. Дюкро, которая представлена в теоретической части исследования, существуют так называемые слова-модификаторы, указывающие на естественность или неестественность высказывания. К числу таких «реализующих» модификаторов, т. е. приближающих обозначаемый объект к

прототипическому и усиливающих аргументативный потенциал прилагательного, несмотря на отсутствие, в некоторых случаях, контекста, относится *даже*. Соответственно, мы имеем основания говорить о том, что в данном примере доброта является прототипическим качеством человека, *«прототипический человек – добрый, такой, какой должен быть при нормальном положении дел»*.

Данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что доброта является качеством прототипического человека, по мнению мужчин (80 %).

Место и функции прилагательного *добрый* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, отличаются (пр. №№ 39-40).

39) *«Да, живут Гуцериевы здесь, – рассказала “КП” соседка Гуцериевых Роза Ивановна, – во всяком случае, жили. Давно я хозяйина дома не видела, несколько месяцев. Михаил – очень добрый человек, это он дороги нам отремонтировал. Другой сосед Гуцериева, Алик, тоже давно не видел его. – Он на майские праздники гулял в яблоневом саду, как всегда, с охранником. А потом Михаил внезапно исчез»* [Кривякина Е., Алмакаев Х. «Миллиардер Гуцериев обжаловал свой арест через адвокатов», Комсомольская правда, 30.08.2007, НКРЯ];

Тезисом в аргументативной структуре дискурсивного фрагмента № 39 является утверждение *«Михаил очень добрый человек»*, а аргументом к нему *«это он нам дороги отремонтировал»*, *«таких людей мало»*.

40) *«А как же без них? Если бы не моя мама и не мама Андрея, я бы никогда не справилась с домашним хозяйством и детьми. Няню на постоянную работу мы, скорее всего, возьмем. Нужен приятный, добрый человек с хорошей энергетикой, к которому будут тянуться дети»* [Ремизова М. «Оксана Федорова: С появлением сестренки мой сын стал взрослее...», Комсомольская правда, 09.10.2013, НКРЯ].

В примере № 40 тезисом является утверждение: «мы ищем доброго человека (которых не так много)», аргументом: «потому что он будет работать с детьми».

Соответственно, данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что доброта не является качеством прототипического человека, по мнению женщин (45 %).

Прилагательное *общительный*

Прилагательное *общительный* по результатам нашего эксперимента, было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека по мнению мужчин (70 %) и женщин (55 %).

Данные количественного анализа представлены на рисунке 12: всего мы проанализировали 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских/25 женских), из них в 18 мужских и 15 женских результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о прототипическом характере данного прилагательного, подтверждаются; 5 мужских и 7 женских дискурсивных фрагментов требуют дополнительного анализа, в 2 мужских и 3 женских результаты проведенной экспериментальной работы не подтверждаются.

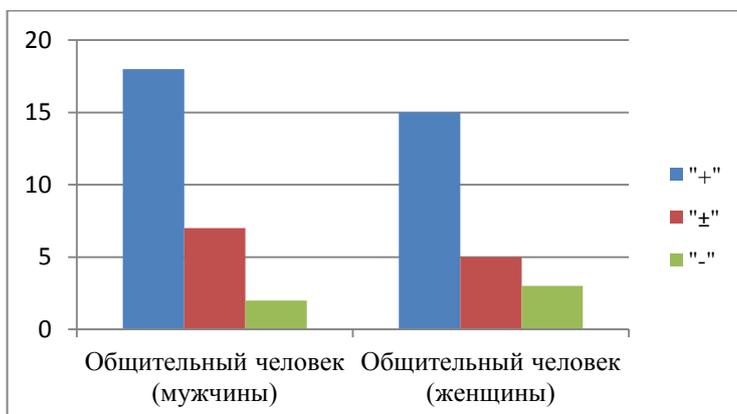

Рисунок 12 – Данные количественного анализа (прилагательное *общительный*)

Приведем иллюстративные примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 41-45).

41) *«Нам он понравился – симпатичный общительный человек, великолепный рассказчик»* [Феоктистов К. «Траектория жизни», 2000, НКРЯ];

В примере № 41 тезисом является утверждение *«нам он очень понравился»*, аргументом – *«потому что он общительный человек»*.

42) *«Она общительный человек, ей нельзя быть одной»* [Санаев П. «Похороните меня за плинтусом» (1995), «Октябрь», 1996, НКРЯ];

В примере № 42 тезисом является утверждение *«ей нельзя быть одной»*, а аргументом к нему – *«потому что она общительный человек»*. Данный дискурсивный фрагмент подтверждает то, что прототипический человек общительный, согласно результатам проведенной нами экспериментальной работы с респондентами-мужчинами.

43) *«Я в принципе общительный человек, поэтому быстро нашел общий язык с партнерами по команде»* [Сержан Э. «Дзюба: «В “Спартаке”, если улыбнешься лишний раз, могут расстрелять», Известия, 13.07.2013, НКРЯ];

В дискурсивном фрагменте № 43 разворачивается следующая аргументативная структура: *«я быстро нашел общий язык с партнерами по команде»* – тезис, *«потому что я общительный человек»* – аргумент.

44) *«Приглашение португальца – хорошее приобретение. – Боаша можно назвать общительным человеком? Он проводит индивидуальные беседы со своими футболистами? – Андре очень открытый, общительный человек. У игроков “Зенита” с этим не будет проблем. Он знает много языков и легко общается со всеми своими игроками. Помню, когда я изъявил желание уйти из “Челси”, то он провел со мной длительную беседу»* [Ганеев Т. «Юрий Жирков: “Боаш не играет по старым схемам, а делает что-то свое”», Известия, 18.03.2014, НКРЯ];

Тезис примера № 44: *«у игроков Зенита не будет с ним проблем»*, а аргументом будем считать утверждение *«потому что он*

общительный человек».

45) *«У него в голове только одно – футбол. Плюс он очень общительный человек и ему легко даются иностранные языки. В это трудно поверить, но Сейду освоил японский всего за четыре месяца. Он даже научился писать по-японски! Думаю, русский все-таки легче японского, так что его он выучит даже за три месяца!»* [Лялин А., Сейду Д. «Поддержу ЦСКА в Милане», Советский спорт, 30.03.2010, НКРЯ].

В дискурсивном фрагменте № 45 тезисом является утверждение о том, что футболист – хорошее приобретение для ЦСК, а один из аргументов к нему – *«он общительный человек».*

Данные примеры подтверждают то, что прототипический человек общительный, согласно результатам проведенной нами экспериментальной работы с респондентами-мужчинами (70 %).

Место и функции прилагательного *общительный* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны (пр. №№ 46-49).

46) *«Брат мой, очень добродушный и общительный человек, узнав, что Вася бывший гимназист шестой питерской гимназии, которую и он кончил, приветливо с ним разговорился»* [Куприна-Иорданская М.К. «Годы молодости», 1966, НКРЯ];

Тезисом примера № 46 является утверждение *«брат разговорился с Васей»*, аргументом к нему выступит *«потому что он общительный человек».*

47) *«– У меня много друзей среди актеров, режиссеров, людей других профессий. Я общительный человек. Из-за болезни стала домоседкой, что меня не радует»* [Велигжанина А., Кустинская Н. «От всех своих мужчин я уходила первой», Комсомольская правда, 31.01.2013, НКРЯ];

Автором дискурсивного фрагмента № 47 также является женщина. Тезисом является утверждение *«я страдаю (от вынужденного*

одиночества)», аргументом к нему выступает суждение «*потому что я общительный человек*».

48) «*Нас это немного удивило: ведь в обычной жизни, Женя очень общительный человек, у нее масса друзей и знакомых*» [Пуш Т. «Самарчанку – участницу шоу “Топ-модель по-русски” дразнили Аватаром», Комсомольская правда, 08.04.2011, НКРЯ];

В примере № 48 тезисом является утверждение «*у Жени масса друзей*», а аргументом к нему «*потому что она общительный человек*».

49) «– *Да, – кивнула Малика, – знакомых толпа, в основном у мужа, он крайне общительный человек, а я слегка аутична*» [Донцова Д. «Уха из золотой рыбки», 2004, НКРЯ].

В дискурсивном фрагменте № 49 тезисом является утверждение «*у моего мужа толпа знакомых*», аргументом выступает «*потому что он общительный человек*».

Данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек общительный, по мнению женщин (55 %).

Прилагательное *мудрый*

Прилагательное *мудрый* по результатам нашего эксперимента, было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека по мнению мужчин (65 %) и женщин (60 %).

Данные количественного анализа представлены на рисунке 13: всего мы проанализировали 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских/25 женских), из них в 16 мужских и 14 женских данное качество является прототипическим, в 3 мужских и 3 женских – непрототипическим, 7 мужских и 7 женских дискурсивных фрагментов требуют дополнительного анализа.

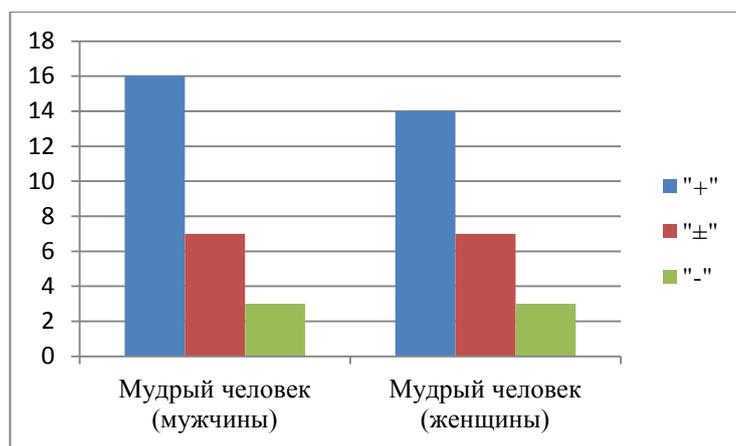

Рис. 13 – данные количественного анализа (прилагательное *мудрый*)

Рассмотрим некоторые примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 50-53).

50) *«У него сейчас трудный период, но Саша сам решит: нужно ему уезжать за границу или нет. Он **мудрый человек**. У него есть друзья, родные, жена, которые его всегда поддержат и подскажут»* [Лисовой Н. «Евгений Плющенко: “Своего большого носа не стесняюсь”», Комсомольская правда, 14.11.2006, НКРЯ];

Тезис примера № 50 – *«он сам решит, уезжать ему за границу или нет»*, а бесспорным аргументом к тезису является утверждение *«потому что он **мудрый человек**»*.

51) *«Прежде чем заключить контракт, он позвонил и окончательно сказал: “Я подписываюсь в НХЛ. У меня и семьи есть сомнения насчет КХЛ”. А вообще мне повезло с шефом. Виктор Филиппович Рашиников – очень **мудрый человек**. Понятно, почему он достиг таких высот. Мы посоветовались и приняли решение, что пусть ребята играют в НХЛ. Особенно Сергей Гончар»* [Лысенков П. «Ждем Малкина в 2022 году! Евгений выбрал “Питтсбург”, но в “Металлург” вернуться будет не поздно», Советский спорт, 13.02.2013, НКРЯ];

Тезисом дискурсивного фрагмента № 51 является утверждение *«мне повезло с шефом»*, аргументом является утверждение *«потому что он **мудрый человек**»*.

52) *«Во главе экспедиции стоял Алексей Федорович Трешников, милый, смелый и **мудрый человек**»* [Губарев В., Котляков В. «Академик Владимир Котляков: “Когда от любви тают льды...”», «Наука и жизнь», 2008, НКРЯ];

Тезисом в примере № 52 выступает утверждение *«Алексей Федорович Трешников стоял во главе экспедиции»*, а аргументом к нему выступает *«он был мудрый человек»*.

53) *«А царем там – самый **мудрый человек** на земле, для которого нет вопросов, на которые нельзя ответить»* [Фадин А. «Соломон - прашур любви», «Домовой», 04.01.2002, НКРЯ].

В примере № 53 тезисом является утверждение *«для царя нет вопросов, на которые нельзя ответить»*, а аргументом к нему – *«потому что он самый мудрый человек»*.

Данные дискурсивные фрагменты подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы о том, что прототипический человек мудрый, по мнению мужчин (65 %).

Место и функции прилагательного *мудрый* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны (пр. №№ 54-55).

54) *«Мария, администратор “Вкладываю душу”: “Моя начальница – очень справедливый и **мудрый человек**, с ней приятно работать”»* [«За что вас ценит начальник в кризис?», Труд-7, 19.06.2009, НКРЯ];

Пример № 54 имеет следующую аргументативную структуру: *«мне очень приятно с ней работать (тезис), потому что она мудрый человек (аргумент)»*.

55) *«100 лет на возрождение, В.: Александр Солженицын сказал о том, что главная задача России сегодня – это сбережение народа. Вы с ним согласны? О.: Согласен. Я его очень уважаю, он **мудрый человек**. Когда я спросил его десять лет назад: “Как вы думаете, как назывался государственный строй России?”, он ответил: “Олигархия”. И отсюда*

пошло это выражение» [Дмитраш М. «Режиссер и политик Станислав Говорухин: “Народ способен на великие свершения, только если он верит власти!”», Известия, 27.11.2007, НКРЯ];

В примере № 55 тезис *«он достоин уважения»* подтверждается аргументом *«поскольку он мудрый человек»*.

Данные дискурсивные фрагменты подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек мудрый, по мнению женщин (60 %).

Прилагательное *хороший*

Прилагательное *хороший* было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека по мнению мужчин (70 %) и женщин (65 %).

Данные количественного анализа представлены на рисунке 14: всего мы проанализировали 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских / 25 женских), из них в 17 мужских и 15 женских дискурсивных фрагментах данное качество выступает прототипическим, в 3 мужских и 4 женских – непрототипическим 5 мужских и 6 женских дискурсивных фрагментов требуют дополнительного анализа.

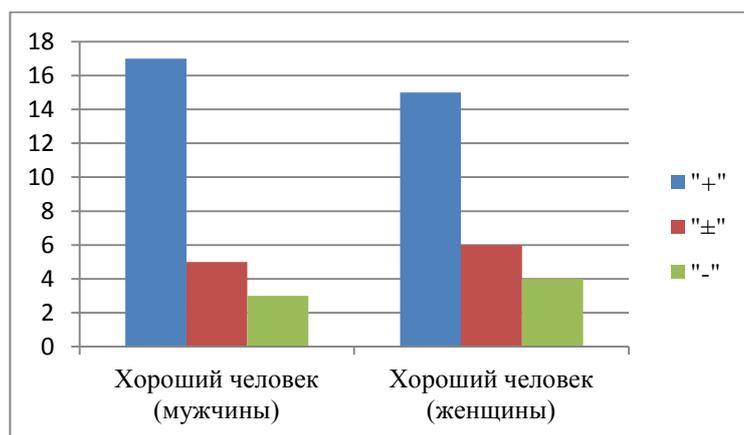

Рисунок 14 – Данные количественного анализа (прилагательное *хороший*)

Приведем некоторые примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 56-57).

56) *«– Тогда скажи мне, а зачем ты ее любишь? В чем состоит смысл этой твоей любви к жене? – Да я же не на рынке любовь покупал, честное*

слово, как это зачем? Люблю, потому что **хороший человек**, потому что всю жизнь вместе, – тужился тот, кому устроен был допрос. А завтра она умрет, и все. Реализм! Ну и зачем ты ее любил?» [Павлов О. «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней», «Октябрь», 2001, НКРЯ];

Автор примера № 56 – мужчина. Тезисом данного дискурсивного фрагмента является утверждение «я люблю свою жену», аргументом – «потому что она хороший человек».

57) «– Президент Путин очень **хороший человек**, мой идеал» [Гетманский К., Кириллов Р. «У президента России есть сын», «Известия», 30.09.2002, НКРЯ].

Автором примера № 57 также является мужчина. Тезисом в данном дискурсивном фрагменте является утверждение «Путин мой идеал», а аргументом – суждение «он хороший человек».

Данные дискурсивные фрагменты подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек хороший, по мнению мужчин (70 %).

Место и функции прилагательного **хороший** в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 58-60).

58) «За это время были разрушены и те дома, которые хозяева оставляли целыми. Одни считают, что военные обстреливали пустое село, чтобы никто не вернулся, другие – что они просто растащили дома на стройматериалы. “У нас был старик, который очень не хотел уезжать – он уехал самый последний, плакал”, – рассказывает жена директора Йисита, – “потом на равнине всех нашел, уговаривал вернуться. Он был очень **хороший человек**, его везде принимали. Мы жили в Гудермесском районе: там все скучали, работали только женщины. А Ахмад Кадыров как раз пообещал, что будет помогать возвращаться в горы. Этот старик всех собрал – мы

поехали в администрацию и попросили, чтобы нам выделили батальон охранять село”» [Вишневецкая Ю. «Дальнейшая война не угодна Богу», «Русский репортер», 2007, НКРЯ].

В дискурсивном фрагменте № 58 тезисом является утверждение «*я очень хочу ее увидеть*», аргументом – «*она хороший человек*».

59) «*Как ни странно, даже сейчас, когда я это все рассказываю, все равно хорошо к ней отношусь, беспокоюсь за ее здоровье. Катя – **хороший человек**. Но иногда бывает импульсивной*» [Мурашкина Р. «Сергей Жорин про скандал с женой Екатериной Гордон: “Не бил я беременную Катю ногой в живот!”», Комсомольская правда, 08.03.2012, НКРЯ].

Тезисом дискурсивного фрагмента № 59 является утверждение «*я хорошо к ней отношусь, беспокоюсь*», аргументом – «*она хороший человек*».

60) «*Связь с ней прервалась, когда я переехала в другой город. Леночка открытый и **хороший человек**. Очень хочется снова ее увидеть!*»

[Ломоновская Д. «Если этот мальчик жив, я самый счастливый брат!», Комсомольская правда, 01.12.2010, НКРЯ].

В примере № 60 тезисом выступает утверждение «*очень хочется увидеть Леночку*», потому что «*она хороший и открытый человек*» (аргумент).

Данные дискурсивные фрагменты подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек хороший, по мнению женщин (65 %).

Прилагательное *плохой*

Прилагательное *плохой* было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая непрототипическое качество человека по мнению мужчин (45 %) и женщин (35 %).

Данные количественного анализа представлены на рисунке 15: всего мы проанализировали 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских /25 женских), из них, в 2 мужских и 2 женских дискурсивных фрагментах

данное прилагательное функционирует в составе аргумента, 3 мужских и 2 женских дискурсивных фрагмента требуют дополнительного анализа, в 20 мужских и 21 женских прилагательное является непрототипическим.

Поскольку, согласно результатам экспериментальной работы, прилагательное *плохой* не вошло в список прототипических качеств *человека* (по мнению мужчин (45 %) и женщин (35 %)), то мы предполагали, что в аргументативной структуре высказывания оно будет использоваться в роли тезиса.

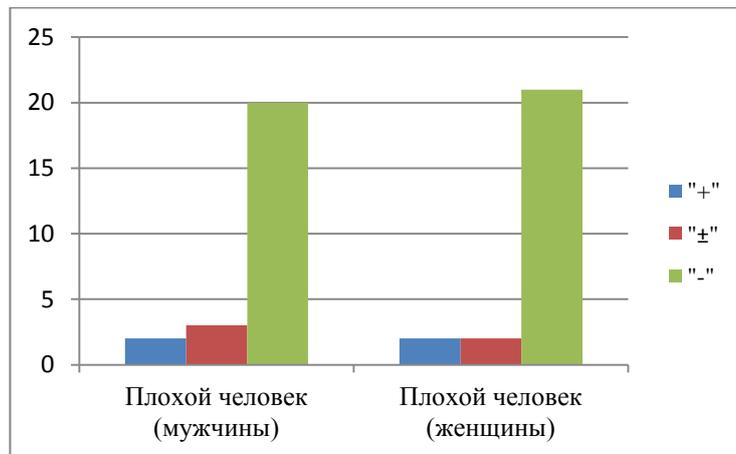

Рисунок 15 – Данные количественного анализа (прилагательное *плохой*)

Рассмотрим некоторые примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 61-64).

61) «А сторож Семен — вообще **плохой человек**, потому что закопал своей лопатой все ямы под школьным забором, и теперь ни собаки, ни Настюха не могли туда больше пролезть» [Андрей Геласимов. Разгуляевка (2008), НКРЯ];

В дискурсивном фрагменте № 61 тезисом является утверждение «Сторож Семен *плохой человек*», аргументом – суждение «*потому что он закопал своей лопатой все ямы под школьным забором*».

62) «Допустим, для меня Наполеон — очень **плохой человек**, грабитель и разоритель народов» [Смирнов И. «Революционеры в кавычках», Известия, 20.02.2014, НКРЯ];

Тезисом дискурсивного фрагмента № 62 является утверждение «*Наполеон плохой человек*», аргументом – «*потому что он грабитель и разоритель народов*».

63) «*И вообще Орик даже прогнулся: “Я не хочу защищать Нуриева, я его даже не знаю, предполагаю даже, что он действительно **плохой человек**, который сделал зло по отношению к своей стране”*» [Богомолов А. «КГБ проворонил побег Нуриева», Комсомольская правда, 14.03.2013, НКРЯ];

Тезисом дискурсивного фрагмента № 63 является утверждение «*Я предполагаю, что Нуриев плохой человек*», аргументом – «*потому что он сделал зло по отношению к себе и к своей стране*».

64) «*Очень скоро она решила, что он — **плохой человек**: пьяница, грубиян, деспот, иногда — почти зверь*» [Пантелеев А.И. «Ленька Пантелеев», 1938–1952, НКРЯ].

Пример № 64 имеет аналогичную аргументативную структуру: тезис высказывания – «*он плохой человек*», аргумент – «*потому что он пьяница, грубиян, деспот*».

Данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы о том, что качество *плохой* не характеризует человека в прототипической картине мира мужчин-респондентов (только 45 % респондентов выбрали его в качестве прототипического).

Приведем еще несколько примеров.

Место и функции прилагательного *плохой* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 65-66).

65) «*Трусоватый и одновременно наглый Шекспир не просто плохой, а очень **плохой человек***» [Иванова А. «В постели с Шекспиром», РБК Дейли, 16.11.2011, НКРЯ];

В дискурсивном фрагменте № 65 наблюдается следующая

аргументативная структура: «*Шекспир плохой человек* (тезис), *потому что он трусоватый и одновременно наглый* (аргумент)».

66) «*Раз нигде долго не задерживался, значит, плохой человек!*» [Иленская У. «В каждом моем поклоннике мама видит монстра», Комсомольская правда, 05.10.2007, НКРЯ].

Тезисом примера № 66 является утверждение «*он плохой человек*», аргументом является суждение «*он нигде не задерживался*».

Данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что качество *плохой* не характеризует человека в прототипической картине мира респондентов-женщин (35 %).

Прилагательное *молодой*

Прилагательное *молодой* было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека по мнению мужчин (50 %) и женщин (60 %).

Данные количественного анализа представлены на рисунке 16: всего мы проанализировали 50 дискурсивных фрагментов (25 мужских /25 женских), из них, в 12 мужских и 17 женских дискурсивных фрагментах данное качество является прототипическим, в 6 мужских и 3 женских – непрототипическим; 7 мужских и 5 женских дискурсивных фрагментов требуют дополнительного анализа.

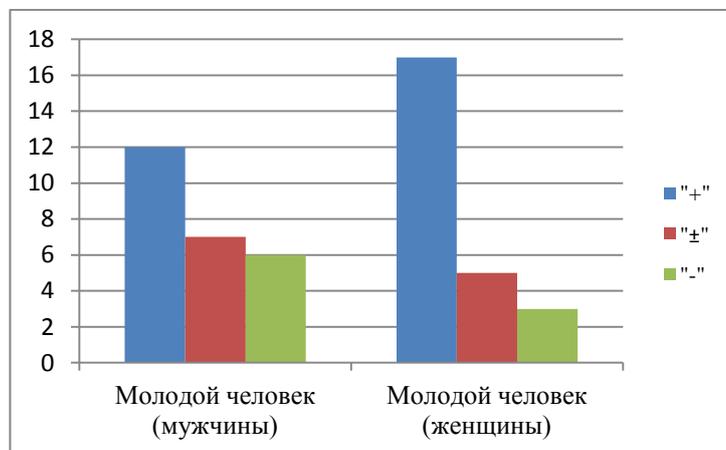

Рисунок 16 – Данные количественного анализа (прилагательное *молодой*)

Приведем иллюстративные примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 67-68).

67) *«Ты, Виталий, человек молодой, вольный, можешь считать меня кем угодно, но ты поймешь меня, когда у тебя будут собственные дети»* [Шкловский Е. «Страшный суд», 1996, Google books];

В примере № 67 тезисом является утверждение *«ты не можешь меня понять»*, аргумент – *«потому что ты человек молодой, вольный, бездетный»*.

68) *«Еще молодой человек. Впереди вся жизнь, в стране перемены, и скоро перед молодежью откроются такие перспективы, о которых старшее поколение и мечтать не могло»* [Снегирев А. «Как же ее звали?», Знамя, 2013, НКРЯ].

Тезисом дискурсивного фрагмента 68 является утверждение *«у тебя впереди вся жизнь»*, аргументом – *«потому что ты молодой человек»*.

Данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек молодой, по мнению мужчин (50 %).

Место и функции прилагательного *молодой* в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 69-70).

69) *«– На сто процентов. Но вы забыли, что речь идет о немолодом человеке, всю жизнь посвятившем сидячей работе. А это означает что? Правильно, Денис Владимирович, вы – человек молодой, и такие вещи вам просто в голову не приходят. Знаете такое заболевание – геморрой? Так вот Леонид Владимирович Курмышов страдал геморроем, причем в тяжелой форме»* [Маринина А. «Последний рассвет», 2013, НКРЯ];

Пример № 69 имеет следующую аргументативную структуру: *«у вас другой образ мыслей (тезис), поскольку вы еще молодой человек (аргумент)»*.

70) «Я этому не препятствовала, потому что Маныч был **человек молодой, здоровый и чрезвычайно решительный**» [Куприна-Иорданская М.К. «Годы молодости», 1966, НКРЯ].

Тезисом дискурсивного фрагмента 70 является утверждение: «Он должен был справиться», аргументом – «потому что он молодой человек».

Данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, говорящие о том, что прототипический человек молодой, по мнению женщин (65 %).

Таким образом, подводя итог, представим сравнительную таблицу (таблица 5) итогов экспериментальной работы с прототипическими прилагательными и аргументативного анализа дискурсивных фрагментов, содержащих данные прилагательные.

Таблица 5 – Прототипичность/непрототипичность прилагательных, номинирующих качества человека, по результатам экспериментальной работы с русскими респондентами и аргументативного анализа дискурсивных фрагментов

№	Прилагательное	Прототипичность/ непрототипичность по результатам эксперимента		Прототипичность/ непрототипичность по результатам аргументативного анализа	
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1	Добрый	+	-	+	-
2	Живой	+	+	+	+
3	Умный	+	+	+	+
4	Разумный	+	+	+	+
5	Хороший	+	+	+	+
6	Образованный	+	+	+	+
7	Общительный	+	+	+	+
8	Мудрый	+	+	+	+
9	Молодой	+	+	+	+
10	Плохой	-	-	-	-

Таким образом, проведенный аргументативный анализ фрагментов письменных дискурсов, в которых употребляются прилагательные,

отобранные нами сначала по результатам ассоциативного эксперимента, а затем предложенные информантам для ценностно-семантического эксперимента, в целом подтвердил одну из наших гипотез, а именно – прилагательные, номинирующие прототипические признаки человека, употребляются преимущественно в позиции аргумента в аргументативной структуре высказывания, а прилагательные, номинирующие непрототипические признаки, – в позиции тезиса. Мы говорим о преимущественном подтверждении гипотезы, поскольку в процессе проверки гипотезы встречались примеры, не подтверждающие ее, но при количественном сопоставлении таких примеров оказывалось меньше, чем подтверждающих (в среднем 20 % от всего проанализированного корпуса). Возможно, в данном контексте следует говорить о некоторых тенденциях, а не об абсолютной закономерности.

2.3.2. Коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале русского подкорпуса)

Вторым этапом работы со словосочетаниями (прилагательное из списка прототипических + *человек*) был коммуникативный анализ. Были отобраны 60 видеофрагментов из сети Интернет со словосочетаниями «прилагательное из списка прототипических по результатам экспериментальной работы + *человек*», при этом было просмотрено более 120 часов видеоматериала. Затем видеоматериал прошел предварительную обработку при помощи программного инструментария для работы с видеофайлами (обрезка, конвертирование, удаление шумов). На следующем этапе работы с помощью компьютерной программы Praat мы провели анализ и обработку звучащей речи с учетом высоты тона и силы голоса говорящего и определили тему и рему дискурсивных фрагментов на основе данных акустических характеристик и результатов семантического анализа.

Таким образом, мы выделяем два основных критерия разграничения темы и ремы: семантический и просодический. Семантический критерий состоит в том, что тема является основным пунктом коммуникации, внося в предложение что-то уже известное или воспринимаемое как известное, а рема оказывается ядром коммуникации, внося новую информацию. Под просодическим критерием понимается большая просодическая выделенность рематических участков по сравнению с тематическими [Пирогова, 2013].

В нашем исследовании был использован термин *акцентное выделение*. Под *акцентным выделением*, вслед за В.Ю. Апресян, мы понимаем такое произнесение языковой единицы, когда она в большей степени маркирована интонационно, чем все ее соседи в пределах синтаксической составляющей [Апресян, 2012]. Чаще всего речь идет о фразовом ударении, т. е. случаях, когда языковая единица просодически выделяется относительно всего высказывания и, соответственно, формирует самостоятельную рему или является интонационным центром ремы. «Случаи, где исследуемая языковая единица маркируется наравне с другой и, соответственно, не образует самостоятельной ремы или другой самостоятельной коммуникативной единицы (например, контрастной темы), а лишь является их равноправной частью, не считаются акцентно выделенными», – отмечает В.Ю. Апресян [Апресян, 2015, с. 8]. Контрастная же тема предполагает, что сообщаемое в остальной части предложения не будет справедливо для остальных членов множества, и вводится, «когда то множество, из которого берется каждая тема, представляет собой информацию старую и предсказуемую [Николаева, 2000, с. 62].

Чтобы сформулировать ответы на поставленные вопросы, мы обратились к анализу примеров.

Прилагательное *живой*

71) «– Дмитрий Анатольевич, как вы провели сегодня этот день в ожидании результатов? Волновались ли? – Спасибо ... Вы знаете, я *живой*

/кашляет/ **человек (контрастная тема)**, я, конечно, **волновался (рема)**, но не могу сказать, чтобы я просто ночь не спал, но естественно, эмоции какие-то присутствовали и сейчас присутствуют, я считаю, что это нормально» [«Медведев благодарен россиянам за поддержку», Сегодня, НТВ, выпуск от 03.03.2008 02:12, ntv.ru].

Автор высказывания (пр. № 71) – мужчина. Тезисом высказывания становится «я волновался», аргументом – «потому что я живой человек». Темой высказывания является информация о том, что «я живой человек», а рема реализуется посредством предикатов *волновался* и *не спал* во второй части дискурсивного фрагмента.

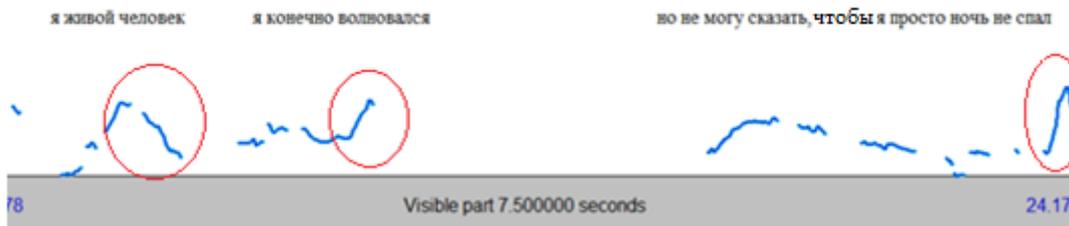

Рисунок 17 – Осциллограмма Praat (живой человек)

На осциллограмме, полученной при помощи компьютерной программы Praat (рисунок 17), можно видеть, что глагольные формы *волноваться* и *не спал* выделены повышением силы основного тона, что говорит о том, что они выступают в качестве ремы, а в сочетании *живой человек* акцентному выделению подвергается первый слог словоформы *человек*, что связано с реализацией данной словоформой контрастной ремы (я человек, а не робот). Прилагательное *живой* акцентному выделению не подвергается, следовательно, ремой не является. Подобная просодическая интерпретация коррелирует и с семантической – то, что говорящий является живым человеком, хорошо известно и говорящему, и слушающему.

72) «–Как вы боретесь с плохим настроением? –Я **живой человек (тема)**, мне помогает **спорт (рема)**, общение, позитив, мое окружение. Все» [«Стас Михайлов поделился секретами хорошего настроения», Новости, РЕН ТВ, от 22.11.2015 0:06, rentv.ru].

Тезисом высказывания № 72 становится «я борюсь со стрессом также как и все (спорт, общение...)», аргументация – «я ведь живой человек».

Прилагательное *живой (человек)* выступает в качестве темы: мы видим, что говорящий не выделяет его просодическими средствами. Рема высказывания реализуется при помощи словоформы *спорт* (рисунок 18).

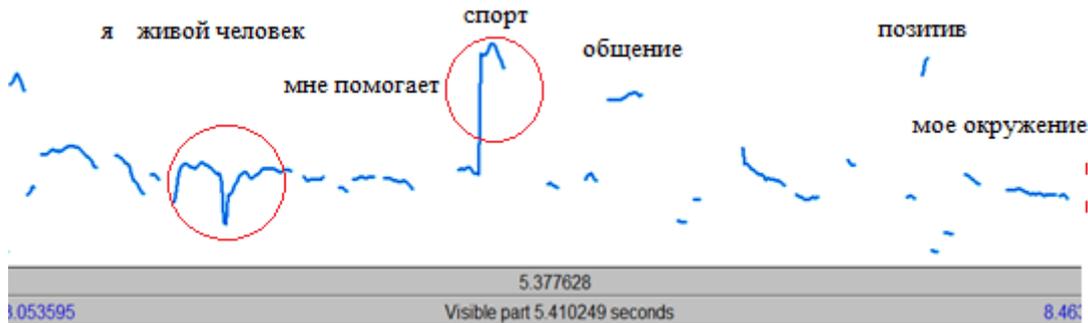

Рисунок 18 – Осциллограмма Praat (живой человек)

73) «А люди с такой психикой, социопаты, они всегда, скажем, они агрессивны, и им бы вот лечиться, а они не хотят. У них одна мысль – заработать деньги, и поверьте, ни один (рема) живой человек (тема), кроме их родственников, их не интересует» [«Лолита назвала представителей правительства Украины психопатами», В стране и в мире, выпуск от 23.04.2017 18:09, rentv.ru].

Тезисом высказывания № 73 становится суждение «эти люди нечестные, ничего не делают для людей». Аргумент к нему – «ни один живой человек их не интересует».

Прилагательное *живой* выступает в качестве составляющей темы: говорящий не фокусируется на нем при помощи акцентного выделения, которое, в свою очередь, затрагивает предыдущую синтагму *ни один*, что свидетельствует о ее статусе ремы (рисунок 19). С семантической точки зрения, можно отметить, что именно информация о том, что ни один человек не интересуется таких людей, является новой и фокусной с точки зрения говорящего.

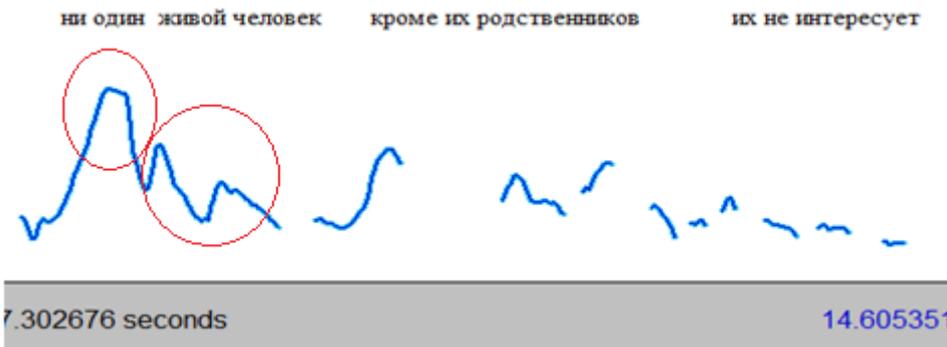

Рисунок 19 – Осциллограмма Praat (живой человек)

Прилагательное *образованный*

74) «Я очень рада, что такой молодой, активный, **опытный (рема)** и **образованный человек (тема)**, становится во главе города» [«Сегодня Мурманский горсовет выбрал нового главу города», Новости Мурманска, Россия 1, выпуск от 20.12.2016 18:40, murmantv.ru].

Тезисом высказывания № 74 становится «это хорошо, что он стал во главе города»; аргументом к нему – «он молодой, активный, опытный, образованный человек».

В данном высказывании *образованный* выступает в качестве темы (наряду с *молодой* и *активный*): говорящий не использует акцентное или интонационное выделение для этой синтагмы. Ремой же, находящейся на мелодическом пике, выступает прилагательное *опытный* (рисунок 20), вербализующее ситуативно наиболее важное качество нового мэра с позиции говорящего.

Рисунок 20 – Осциллограмма Praat (образованный человек)

Прилагательное *добрый*

75) «Мечтой учиться в России загорелся от рождения слепой американец и сумел ее **осуществить** (рема), благодаря множеству **добрых людей** (тема) и верной собаке–поводырю» [«Слепой американец сумел осуществить мечту учиться в России», Другие новости, 1 канал, выпуск от 6.09.2013 14:05, 1tv.ru].

Тезисом в аргументативной структуре высказывания (пр.№ 75) является суждение «любой человек может осуществить свою мечту», а аргументом – «есть еще много добрых людей, которые могут помочь это сделать»

Словоформа *добрых (людей)* выступает в качестве темы высказывания, поскольку не является объектом акцентного выделения, находясь на участке declinationa тона и апеллируя к широко известной всем, с точки зрения говорящего, информации. Словоформа *осуществить*, напротив, функционирует в качестве ремы, которую говорящий выделяет резким падением основного тона (рисунок 21).

Рисунок 21 – Осциллограмма Praat (добрый человек)

Прилагательное *общительный*

76) «В депо ее ценят не только как **опытного** (рема) водителя, она еще невероятно энергичный, отзывчивый и **общительный человек** (контрастная тема). У нее, кстати, очень большая семья – пятеро детей» [«Город – одна из самых опытных вагоновожатых трамвая», НСК ТВ, выпуск от 28.08.2014 13:22, nsktv.ru].

Тезисом высказывания (пр. № 76) становится суждение «она во всех отношениях хороший человек», аргументами выступают «она опытный водитель», «она энергичный, отзывчивый и общительный человек».

Общительный (человек) выступает в качестве контрастной темы – говорящий имеет в виду, что вопреки типичному представлению о том, что водителю достаточно быть опытным, героиня еще и общительный человек. Согласно данным компьютерной обработки речи, говорящий выделяет «стык» прилагательного и словоформы *человек* интонационно небольшим мелодическим пиком, находящимся рядом с другим, почти таким же (значит, акцентоносителем ремы эта словоформа не является, ведь речь о последнем идет только в случае выделения единичного элемента) (рисунок 22).

её ценят не только как опытного водителя, она ещё невероятно энергичный, отзывчивый и общительный человек

Рисунок 22 – Осциллограмма Praat (общительный человек)

Прилагательное *хороший*

77) «– Он, конечно, виноват, но он .... не виноват ... . Пожалейте его (рема), товарищи судьи, он **очень (рема) хороший человек (тема)!**» [муж. х/ф «Берегись автомобиля», реж. Э.А. Рязанов, 1966 г.].

Рисунок 23 – Осциллограмма Praat (хороший человек)

Тезисом высказывания (пр.77) является утверждение о том, что человек достоин снисхождения, а аргументом к данному тезису выступает «он *хороший человек*». На осциллограмме (рисунок 23) *хороший (человек)* не

маркировано каким-либо интонационным пиком, что говорит о том, что оно выступает в качестве темы, а ремой в первом сегменте (*пожалейте его, товарищи судьи*) выступает местоимение *его*, во второй части – наречие *очень*. Говорящему важно привлечь внимание в личности Деточкина (он), подчеркнув его выдающуюся доброту (*очень*). Остальная информация, вербализуемая в высказываниях, является фоновой.

78) «– *Слушай друг, у тебя хорошие глаза (рема), сразу видно, что ты хороший человек (тема), помоги, пожалуйста!*» [муж. х/ф «Мимино», реж. Г.Н. Данелия, 1978 г.].

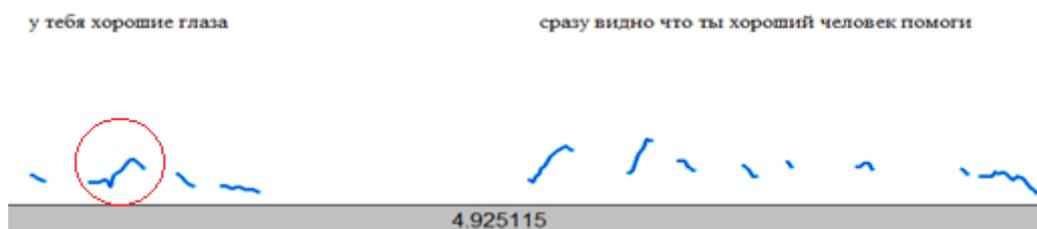

Рисунок 24 – Осциллограмма Praat (хороший человек)

Тезисом высказывания (пр. № 78) является утверждение «*ты должен мне помочь*», а аргументом к данному тезису выступает «потому что ты *хороший человек и глаза у тебя хорошие*». На осциллограмме (рисунок 24) *хороший (человек)* не отмечено ни понижением, ни повышением частоты основного тона, что говорит о том, что оно выступает в качестве темы. Тогда как то же прилагательное *хорошие (глаза)* в первой части высказывания является акцентоносителем рематической части, о чем свидетельствует резкий подъем и падение тона, приходящиеся на него. В данном случае мы видим, что одно и то же прилагательное может использоваться как в части ремы, так и темы высказывания.

Прилагательное *плохой*

79) «А: *Вы же эгоист!* Б: *Да что вы, Нестор Петрович, Александр Трофимыч – «золотые руки», лучший рабочий на нашем заводе и вообще, он хороший человек (рема)!* В: *Зачем!* Я *плохой человек (тема)*. Жмот я, вот *(рема) кто!*» [муж., х/ф «Большая перемена», реж. А. Коренев, 1973 г.].

Рисунок 25 – Осциллограмма Praat (плохой человек)

Тезисом первой части дискурсивного фрагмента (*Трофимыч – «золотые руки», лучший рабочий на нашем заводе и вообще он – хороший человек*) (пр. № 79) является утверждение «он хороший человек», а во второй части – «я плохой человек», а аргументом к данному тезису выступает суждение «я – жмот». Осциллограмма демонстрирует (рис. 25), что словосочетание *плохой человек* отмечено двумя пиками частоты основного тона, что просодически свидетельствует о том, что прилагательное не может выступать в качестве ремы. Семантика высказываний, составляющих данный дискурсивный фрагмент, дает основания утверждать, что это – контрастная тема (я плохой, а не хороший). Тогда как ремой, судя по резкой инклинации тона в первом высказывании, является прилагательное *хороший*, а во втором – словоформа *вот*.

Подводя итог, скажем, что в результате проведенного анализа устных дискурсивных фрагментов нами был подтвержден тот факт, что прилагательные *живой* и *образованный*, которые по результатам ценностно-семантического эксперимента были отнесены нами к первому и второму «кругу прототипичности», выполняют в высказывании функцию темы. Для прилагательных «третьего круга» (рисунок 5) эта функция не абсолютна – прилагательное *добрый*, например, являлось темой, а *хороший* могло в одном и том же высказывании быть использовано как в позиции темы, так и ремы. Относительно коммуникативной функции в высказывании прилагательного *плохой* следует отметить, что в проанализированном примере оно выполняло функции контрастной темы, а не ремы, как можно было бы ожидать.

Кроме того, в проанализированном материале был встречен один

пример (пр. № 79), где прилагательное, находившееся в позиции тезиса, при этом не было ремой «*Я плохой человек!*».

2.3.3. Гендерные отличия в прототипических представлениях о мужчинах и женщинах (на материале русского подкорпуса)

В предыдущих частях работы мы сосредоточились на анализе прилагательных, полученных как реакции на слово стимул *человек* и служащих номинации качеств человека. Однако в экспериментах мы предлагали информантам в качестве слов-стимулов и лексемы *женщина*, *мужчина*, а затем и сочетания с ними (в ценностно-семантическом эксперименте). Иными словами, нашей задачей было получить данные о качествах, являющихся прототипическими для мужчин и женщин по мнению разных гендерных групп.

Мы также ставили перед собой задачу определить, как данные гендерные отличия влияют на языковой и речевой аргументативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические «мужские» и «женские» качества. Так, Андрей Геннадьевич Фомин справедливо отмечает, что гендерная роль индивида в обществе во многом предопределяет его языковое поведение [Фомин, 2004].

Например, по результатам нашего эксперимента с русскими респондентами (Таблица 6) безусловным прототипическим качеством женщины, по мнению мужчин, является *общительность*, а абсолютное большинство женщин выбрало такое фемининное качество, как *доброта* (*добрая*). Кроме того, мужчины считают, что прототипическая женщина *живая*, *добрая*, *образованная*, *хорошая*. По мнению женщин, прототипическая женщина *живая*, *мудрая*, *общительная*, *хорошая*, *образованная*. Мужчины и женщины единодушны в том, что прилагательное *плохая* как номинация качества женщины обладает наименьшей прототипичностью.

Таблица 6 – Прототипические представления о женщине по результатам ценностно-семантического эксперимента с русскими респондентами

Вид прототипа /гендерная группа респондентов	Мужчины	Женщины
Прототипические представления о женщине	общительная – 85 % живая – 80 % добрая – 75 % образованная – 70 % хорошая – 55 % молодая – 45 % умная – 40% мудрая – 40% разумная – 35% плохая – 40 %	добрая – 75 % живая – 65 % мудрая – 65 % общительная – 65% хорошая – 60% образованная – 55 % разумная – 50% молодая – 50% умная – 35% плохая – 15%

Безусловным прототипическим качеством мужчины (Таблица 7), по мнению мужчин, является качество *быть живым и образованным*, тогда как, по мнению женщин, прототипический мужчина – *умный*. Также, по мнению мужчин, прототипический мужчина *умный, разумный, добрый, мудрый, хороший, общительный*; по мнению женщин, прототипический мужчина – *умный, живой, образованный, общительный*. Отметим то, что лишь малая часть как мужчин, так и женщин выбрала качество *плохой* как прототипическое маскулинное качество.

Таблица 7 – Прототипические представления о мужчине по результатам ценностно-семантического эксперимента с русскими респондентами

Вид прототипа /гендерная группа респондентов	Мужчины	Женщины
Прототипические представления о мужчине	живой – 75%; образованный – 75%; разумный – 70%; мудрый – 65%; умный – 60%; добрый – 60 %; общительный – 60 %; хороший – 55%; молодой – 45 %; плохой – 20 %.	умный – 65%; живой – 55%; образованный – 55%; общительный – 55 %; хороший -55% добрый – 50%; молодой – 45 %; разумный – 40%; мудрый – 40%; плохой – 25%

Из полученных результатов следует, что женщины считают ум прототипическим качеством мужчин, в то время как мужчины, наоборот, не считают прототипическую женщину умной.

Рассмотрим на примере прилагательных *умный* и *умная* влияние отличий в прототипических представлениях мужчин и женщин на аргументативно-коммуникативное функционирование данных прилагательных в высказывании.

Проанализируем наиболее иллюстративные примеры.

80) *«У каждого из нас есть друзья и у всех с ними бывают проблемы... Наша проблема в том, что подруга никак не хочет воспринимать моего мужа, а так как у нее к нему негативное отношение, то и мужа естественно тоже... Они постоянно ссорятся, по всяким пустякам и мелочам... Придираются друг (к) другу, доходит и до глобальных ссор с оскорблениями с ее стороны... Как мне быть в такой ситуации? Я между двух огней, я постоянно отстаиваю мужа, потому что он умный мужчина и не полезет в перепалку с девушкой, тем более не будет оскорблять... Я не знаю что мне делать, тем более, что из-за ссор с ней, у нас возникают ссоры с мужем <...>»* [жен., <https://otvet.mail.ru/question/78435842>].

Автором данного дискурсивного фрагмента (№ 80) является женщина. Она формулирует следующий тезис: *«я постоянно отстаиваю мужа»*, а аргументом к нему выступает *«потому что он умный мужчина и не полезет в перепалку с девушкой»*.

Здесь, таким образом, прилагательное *умный* выступает в роли аргумента, является доводом к тому, почему женщина защищает этого мужчину, что соответствует результатам экспериментальной работы.

81) Фраза из рекламного слогана красноярского телеканала: *«Для мужчин и умных женщин»* (Рисунок 26), где признак *«умный»* имплицитно входит в семантику существительного *мужчина*, а для определения женской

целевой аудитории требуется дополнительный «категоризатор» – *УМНЫХ женщин*.

Рисунок 26 – Слоган Красноярского телеканала

82) *«Если вы хотите жить без печали – не женитесь на красивых и умных женщинах»* [«Зачем женщине ум?», «Они и мы», Первый канал, выпуск от 5.06.2014 г., 1tv.ru].

В данном примере № 82 тезис следующий: *«Женщина не должна быть ни красивой, ни умной»*. Аргумент к нему: *«Такая женщина не сделает вас счастливым»*. Данный пример подтверждает полученные результаты в ходе экспериментальной работы (всего 45 % мужчин-респондентов считают прототипическую женщину умной).

Мы также проанализировали видеофрагменты популярных телепередач российского ТВ при помощи программы Praat. Данные примеры позволяют увидеть реализацию аргументативно-прагматического потенциала прилагательного *умная* в маскулинных дискурсах.

83) *«Я хочу снять фильм, который бы захотела посмотреть умная женщина, поставить боевик, который бы захотела посмотреть умная женщина – это совсем нетривиальная задача»* [«Правда 22», Москва 24, выпуск от 23.11.2014 г., <https://www.m24.ru/videos/byt-v-gorode/14112014/66932>].

Рис. 27 – Осциллограмма Praat умная женщина № 2

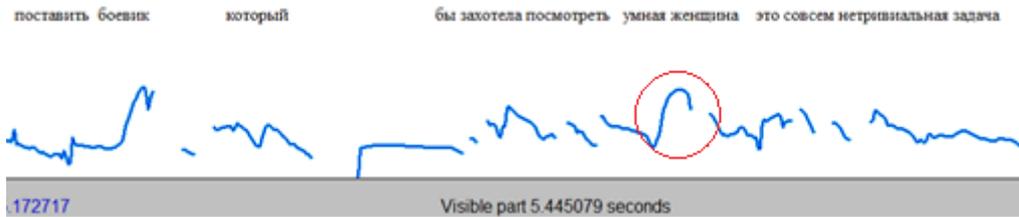

Рисунок 28 – Осциллограмма Praat умная женщина № 2.

Во второй части примера № 83 (рисунок 28) прилагательное *умная* выступает в роли ремы – говорящий выделяет его интонационно. Тезисом высказывания выступает: «снять фильм для умной женщины – нетривиальная задача». Аргументом к нему – «таких женщин мало, это редкая категория женщин».

84) «Еще немного про Америку, полагаю, что теперь в нашем эфире Америки будет меньше – выборы, а они интересовали весь мир, закончились. Но все-таки нельзя упустить Меланью Трамп, жену нового президента США. Красивая женщина. К тому же, говорят, *умная*...» [«Кто вы, миссис Трамп? Интерес к новой первой леди Америки растет пропорционально ее травле в СМИ», Новости первого канала, Первый канал, выпуск от 22.01.2017, 22:20, 1tv.ru.];

Рисунок 29 – Осциллограмма Praat умная женщина № 4

В примере № 84 прилагательное *умная*, наряду с *красивая*, является ремой (рисунок 29), говорящий выделяет его интонационно. Тезисом

дискурсивного фрагмента выступает: *«нельзя упустить жену нового президента США – Меланью Трамп»*. Аргументом к нему – *«она женщина красивая и, к тому же, умная»*.

Проведенный таким образом анализ примеров (50 контекстов) подтвердил экспериментальные результаты, свидетельствующие о том, что ум является прототипическим качеством мужчин, по мнению женщин (65 %), и непрототипическим качеством женщин, по мнению мужчин (только 40 % мужчин-респондентов оценили высказывание «женщина, и конечно умная» как естественное, привычное).

2.3.4. Аргументативно-коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале экспериментальной работы с русскими информантами)

В процессе исследования мы нашли немало примеров (письменных дискурсов), которые требовали дополнительного анализа, поскольку прототипическое прилагательное в них могло выступать как тезисом, так и аргументом. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу, мы провели коммуникативный эксперимент, попросив респондентов-носителей русского языка (в количестве 30 человек, 15 мужчин и 15 женщин) от 19 до 65 лет прочесть данные высказывания, при этом из текста были убраны все знаки препинания. Затем мы провели аргументативно-коммуникативный анализ сделанных записей при помощи программы акустической обработки речи Praat. Были выявлены тема и рема данных озвученных дискурсивных фрагментов и сопоставлены с тезисом и аргументом в аргументативной структуре этих же высказываний. Прилагательным, выполняющим роль тезиса и ремы дискурсивного фрагмента, был присвоен статус непрототипических, а тем, что являлись аргументом и темой дискурсивного фрагмента – статус прототипических.

Рассмотрим иллюстративные примеры.

Прилагательное *живой*

85) *«Не боясь сглазить, скажу – у Старостина на редкость счастливая научная судьба. Дается все, правда, каторжным трудом. При этом Старостин не похож ни на витающего в небесах профессора, ни на «сдвинутого» гения. Он – абсолютно нормальный **живой человек**, со взвешенными разумными суждениям о политике, искусстве, человеческой психологии. Всю жизнь любит джаз, рок, даже детективы читает, даже выпить не дурак (но очень в меру). Много времени проводит на Западе, но всегда рвется домой, жалуясь, что взаимоотношения в тамошнем академическом мире намного сложнее и тяжелее, чем у нас»* [Милитарев А. «Ответственный за языки мира», «Знание — сила», 2003, НКРЯ].

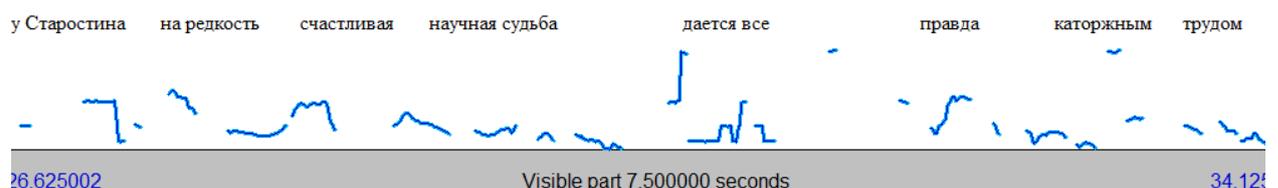
Данный пример можно трактовать двояко:

– *«Старостин живой человек»* (тезис), *«он нормальный, для него характерны взвешенные разумные суждения о политике, искусстве, человеческой психологии; он любит джаз, рок, даже детективы читает, даже выпить не дурак (но очень в меру)»* (аргументация);

– *«Старостин любит обычные вещи, он нормальный»* (тезис), *«потому что он живой человек»* (аргументация).

Для проверки нашей гипотезы мы провели анализ и обработку речи при помощи программы Praat и определили тему и рему высказываний на основе данных акустических характеристик.

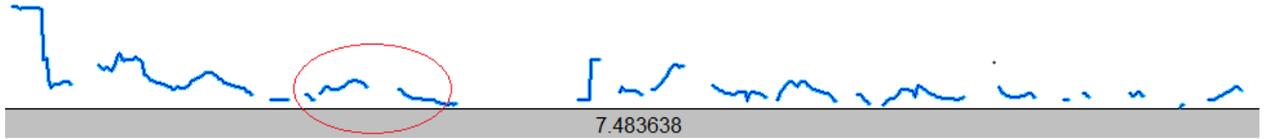
Ниже представлены примеры данных, полученных от мужчин – респондентов (рисунки 30, 31).

при этом Старостин не похож ни на витающего в облаках профессора ни на сдвинутого гения

он абсолютно нормальный живой человек со взвешенными разумными суждениями о политике, искусстве, человеческой психологии

всю жизнь любит джаз рок даже детективы читает даже выпить не дурак но очень в меру

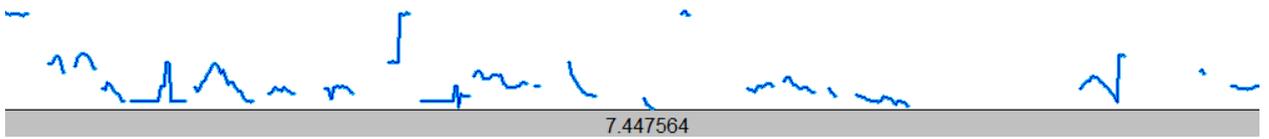
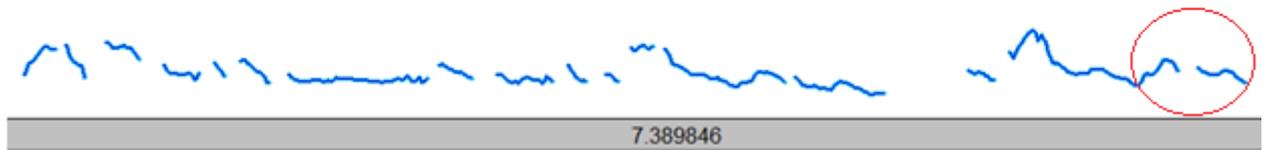

Рисунок 30 – Осциллограмма Praat (живой человек (мужчины-респонденты) № 1)

у Старостина на редкость счастливая научная судьба дается все правда каторжным трудом

при этом Старостин не похож ни на витающего в облаках профессора ни на сдвинутого гения он абсолютно нормальный живой человек

со взвешенными разумными суждениями о политике искусстве человеческой психологии

всю жизнь любит джаз рок даже детективы читает даже выпить не дурак но очень в меру

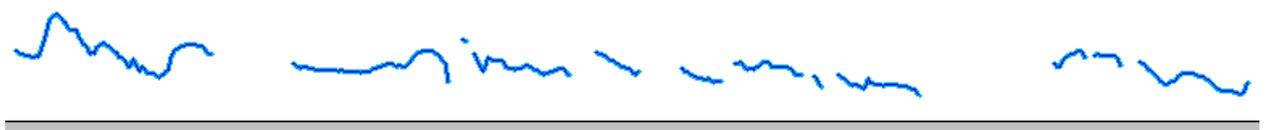

Рисунок 31 – Осциллограмма Praat (живой человек (мужчины-респонденты) № 2)

Полученные данные говорят о том, что в большинстве примеров

(рисунки 30–31) словосочетание *живой человек* не выделяется силой основного тона (хотя небольшое повышение мы наблюдаем на *живой*), значит – не является акцентоносителем ремы, следовательно, оно вербализует тему высказывания, что коррелирует с результатами ценностно-семантического эксперимента. Соответственно, в данном случае *живой человек* является одновременно аргументом и темой, то есть представляет собой прототипическое качество, подтверждая результаты нашей экспериментальной работы (80 % мужчин-респондентов посчитали это качество прототипическим).

Ниже представлены примеры данных, полученных от женщин – респондентов (рисунки 32–33).

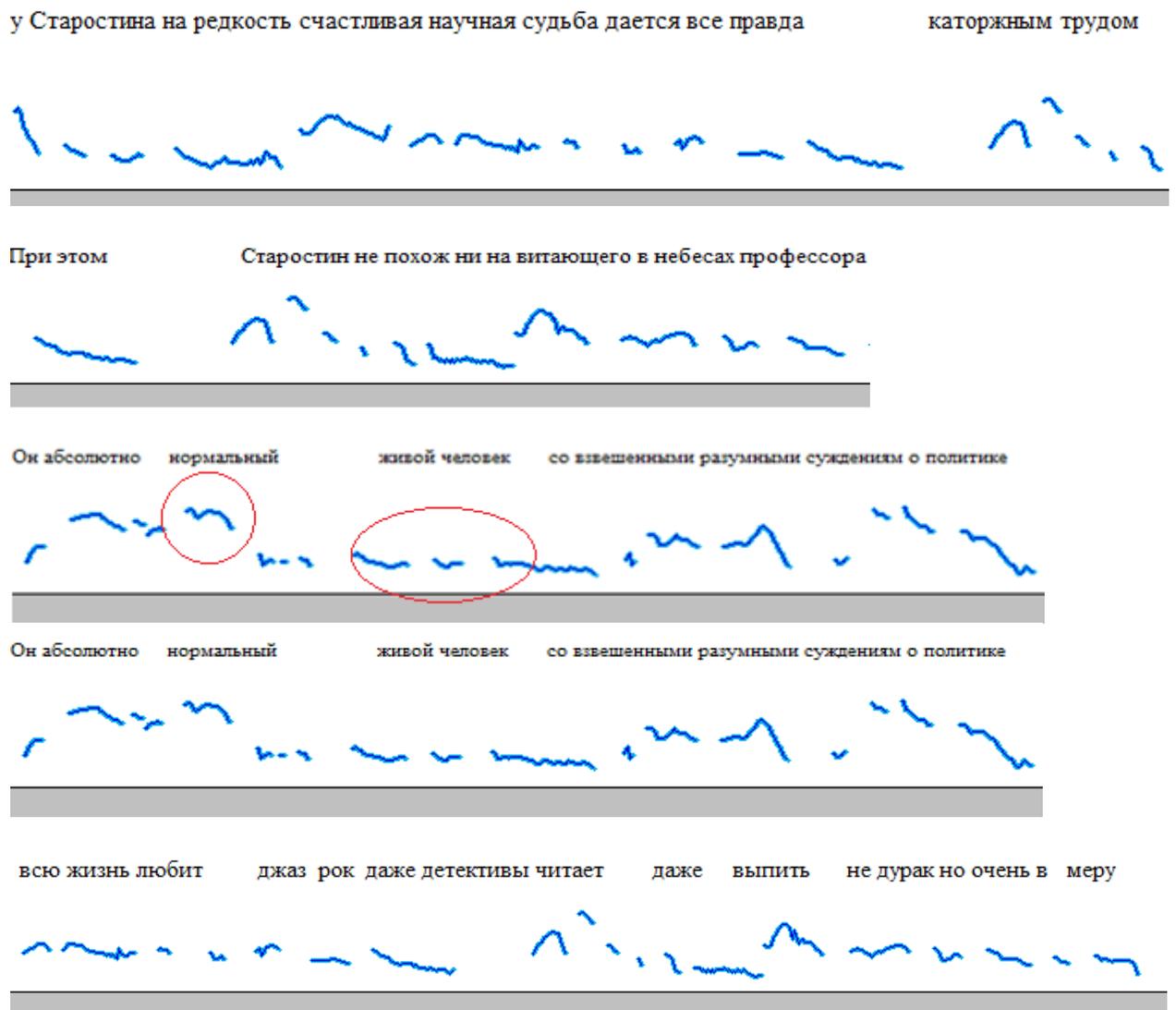

Рисунок 32 – Осциллограмма Praat (*живой человек* (женщины-респонденты) № 1)

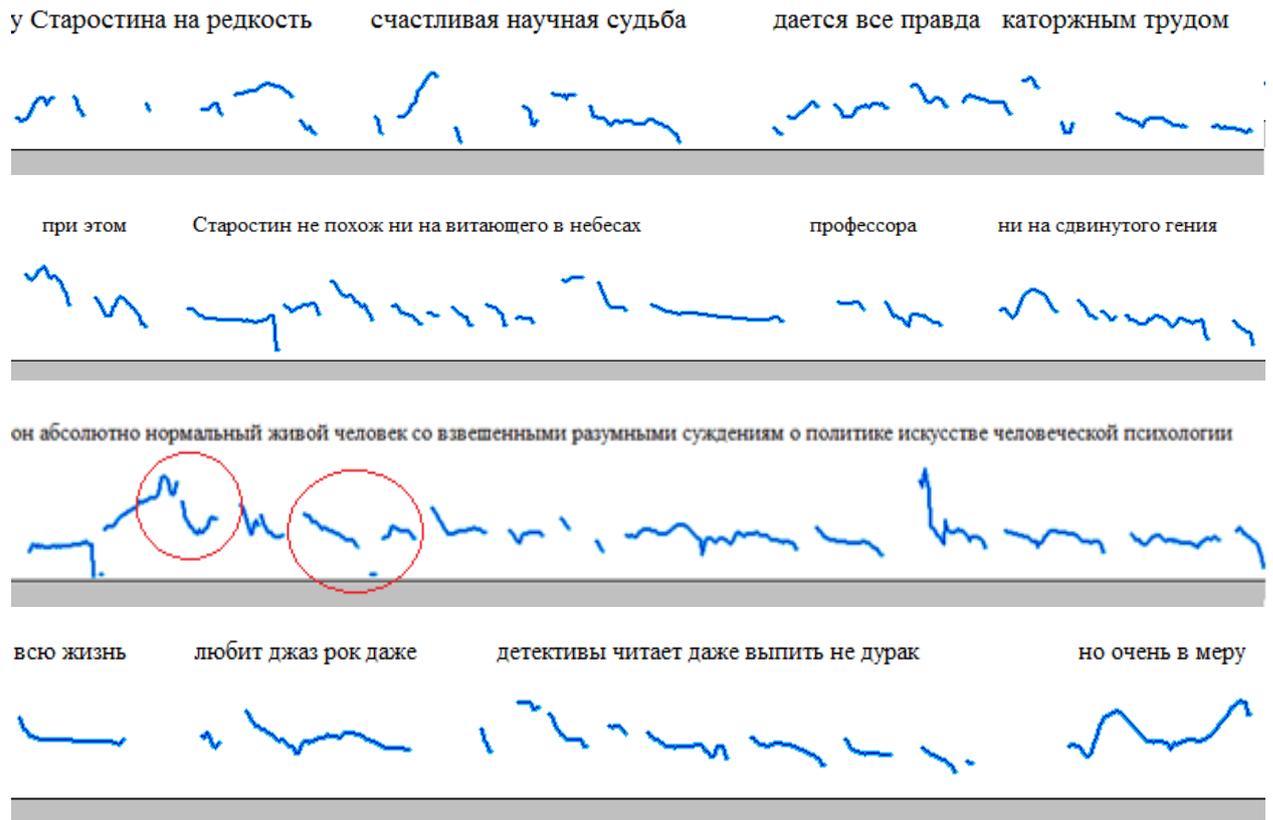

Рисунок 33 – Осциллограмма Praat (живой человек (женщины-респонденты) № 2)

На примерах (№№ 32–33) мы видим, что сама семантика высказывания предопределяет тот факт, что *нормальный* выступает контрастной темой дискурсивного фрагмента и выделяется интонационно. В свою очередь, *живой* выступает частью аргумента и темы высказывания.

Только один респондент мужского пола выделил силой тона прилагательное *живой*, тогда как, согласно данным, полученным от остальных 29 человек, данное прилагательное является темой дискурсивного фрагмента.

Таким образом, тезисом данного примера будем считать утверждение: «*Старостин любит обычные вещи, он нормальный*» (*нормальный* – является ремой, на основании просодической маркированности дискурсивного фрагмента); аргументом к нему выступает утверждение «*потому что он живой человек*» (*живой* – является темой на основании его просодической маркированности).

Прилагательное *умный*

86) «– Нет, – ответил я, – никак. Но понимаю, что кому-то и так можно думать. – Потому что дураку закон не писан, – улыбнулся он. – Нет, – ответил я искренне, – вы **умный человек** и говорите умно. Вот я даже не сразу соображу, что же вам ответить, хотя вы и не правы. Он вдруг засмеялся. – Ладно, идите работайте» [Домбровский Ю.О. «Хранитель древностей» (часть 2), 1964, НКРЯ].

Данный пример также можно трактовать двояко:

– «Вы умный человек» (тезис), «Вы говорите умно» и «я даже не знаю, как опровергнуть ваше мнение» (аргументация);

– «Вы говорите умно» (тезис), «потому что вы умный человек» (аргументация).

Ниже (рисунки 34-35) представлены примеры данных, полученных от мужчин – респондентов.

Рисунок 34 – Осциллограмма Praat (умный человек (мужчины-респонденты) № 1)

Рисунок 35 – Осциллограмма Praat (умный человек (мужчины-респонденты) № 2)

Словосочетание *умный человек* (рисунки 34–35) выделяется при помощи некоторого повышения тона. С точки зрения семантики, такое повышение тона обусловлено функцией сочетания быть контрастной темой (вы не дурак, а умный). Следовательно, у нас есть основания полагать, что

говорящий посчитал в качестве аргумента суждение о том, что X умный человек и говорит умно. В данном случае проанализированное высказывание относится к числу подтверждающих результаты проведенной нами экспериментальной работы о прототипическом характере качества «умный» для представлений о человеке в русском языковом сознании.

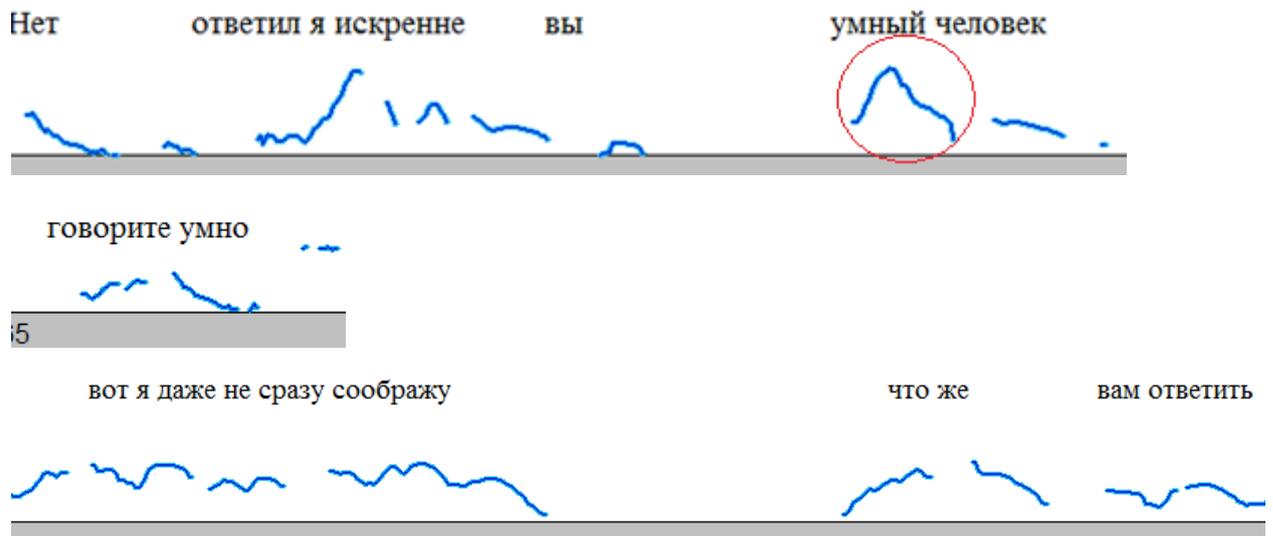

Рисунок 36 – Осциллограмма Praat (умный человек (женщины-респонденты) № 1)

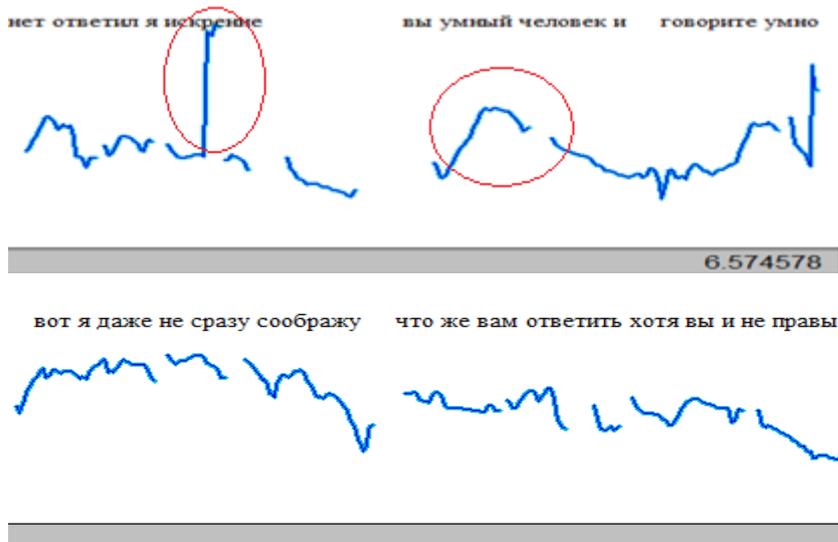

Рисунок 37 – Осциллограмма Praat (умный человек (женщины-респонденты) № 2)

Здесь мы также наблюдаем значительную инклинацию тона на *умный человек*, однако к реме высказывания можно отнести также и наречие *умно*, которое еще в большей степени характеризуется повышением основной силы тона. На рисунке 37 видно повышение тона на наречиях *искренне* и *умно*, тогда как прилагательное *умный* выделено в меньшей степени. Таким

образом, данные эксперимента не коррелируют с результатами, полученными на предыдущих этапах проверки гипотезы.

В данном случае большинство респондентов отметили силой тона наречия *умно* или *искренне* (11 мужчин, 13 женщин), в остальных озвученных фрагментах прослеживается небольшая инклинация тона на прилагательном *умный* (4 муж. и 2 жен. соответственно).

Итак, за тезис примем утверждение «*Вы говорите умно*», а за аргумент к нему – «*потому что вы умный человек*».

Прилагательное *разумный*

87) «*В конце концов, она нормальный разумный человек и не станет устраивать тебе сцены и выяснять отношения в такой момент. – Ты уверен? – Конечно. Если бы она считала, что ты должен с ней объясниться, она пришла бы к тебе, не дожидаясь, пока ее соперница...*» [Маринина А. «Светлый лик смерти», 1996].

Данный пример также можно трактовать двояко:

– «*она разумный человек*» (тезис), «*потому что она не станет устраивать тебе сцены и выяснять отношения в такой момент*» (аргументация);

– «*она не станет устраивать тебе сцены и выяснять отношения в такой момент*» (тезис), «*потому что она разумный человек*» (аргументация).

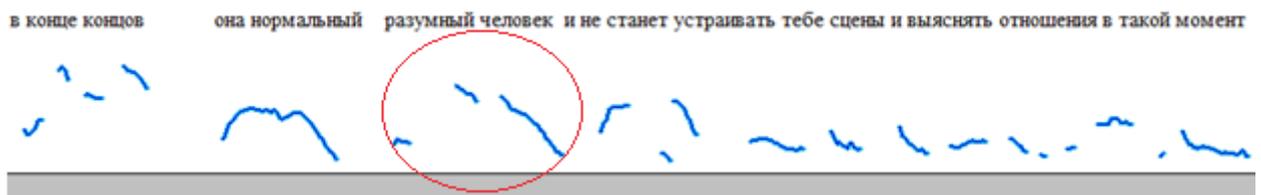

Рисунок 38 – Осциллограмма Praat (*разумный человек* (мужчины-респонденты)

№ 1)

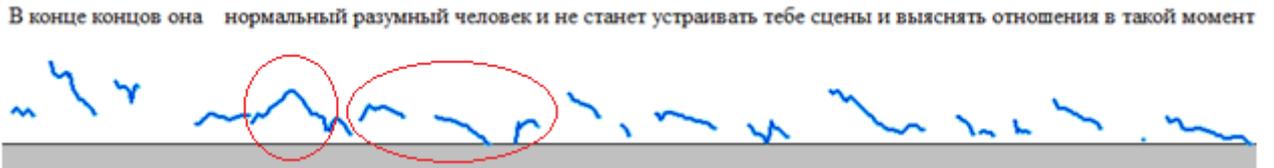

Рисунок 39 – Осциллограмма Praat (разумный человек (мужчины-респонденты) № 2)

На рисунке 38 мы видим достаточно значимый подъем тона на прилагательном *разумный*. На наш взгляд, в данном примере прилагательное *разумный* является ремой высказывания. На рисунке 39 инклинация тона прослеживается на слове *нормальный*, тогда как анализируемое словосочетание силой тона не выделено. Данный пример (рисунок 39) позволяет нам отнести анализируемое высказывание к числу подтверждающих результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о прототипическом характере качества *разумный* для представлений о человеке в русском языковом сознании среди мужчин-респондентов (70 %).

Рисунок 40 – Осциллограмма Praat (разумный человек (женщины-респонденты) № 1)

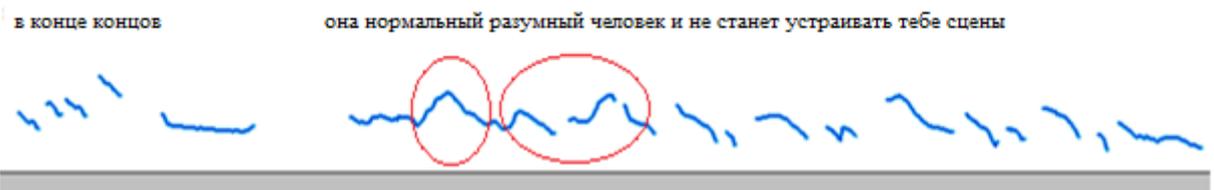

Рисунок 41 – Осциллограмма Praat (разумный человек (женщины-респонденты) № 2)

На осциллограммах (рисунки 40–41) можем наблюдать, что рему высказывания реализует прилагательное *нормальный*, которое отмечается

повышением силы основного тона, а словосочетание *разумный человек* не является ремой. Следовательно, оно вербализует тему высказывания, являясь одновременно аргументом и темой высказывания, что подтверждает результаты нашей экспериментальной работы (60 % женщин-респондентов посчитали это качество прототипическим).

Данные, полученные от респондентов, говорят о том, что большинство из них (28 (13 мужчин и 15 женщин)) выделили повышением тона прилагательное *нормальный*. Еще двое мужчин отметили повышением силы тона прилагательное *разумный*.

В таком случае, по нашему мнению, тезисом данного дискурсивного фрагмента является утверждение «*она не станет устраивать тебе сцены и выяснять отношения в такой момент*», а аргументом к нему – «*потому что она разумный человек*».

Прилагательное *образованный*

88) «Автором открытки явно был **образованный человек**, о чем говорит как индивидуальный стиль письма, отличный от стереотипных солдатских фраз, так и его интерес к быту и культуре восточных соседей вплоть до сожалений, что нет возможности поучить их язык» [Медяков А. «“Ру Ку”, или образ русских на немецких открытках Первой мировой», «Родина», 2011, НКРЯ].

Данный пример можно трактовать двояко:

– «автор – образованный человек» (тезис), «у него индивидуальный стиль письма, он проявляет интерес к быту и культуре восточных соседей вплоть до сожалений, что нет возможности поучить их язык» (аргументация);

– «автор отличается от остальных солдат» (тезис), «поскольку он образованный человек» (аргументация).

Рисунок 42 – Осциллограмма Praat (образованный человек (мужчины-респонденты)
№ 1)

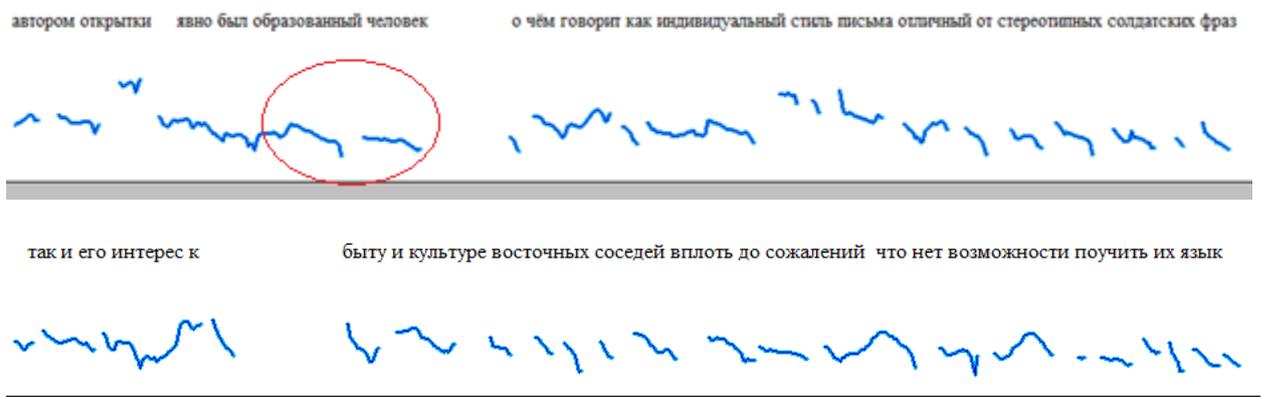

Рисунок 43 – Осциллограмма Praat (образованный человек (мужчины-респонденты)
№ 2)

На рисунках 42–43 мы видим, что *образованный (человек)* не является ремой, поскольку не отмечается повышением силы основного тона. Следовательно, оно вербализует тему высказывания, являясь одновременно аргументом и темой высказывания, подтверждая таким образом результаты нашей экспериментальной работы (70 % мужчин-респондентов посчитали это качество прототипическим).

Рисунок 44 – Осциллограмма Praat (образованный человек (женщины-респонденты) №1)

Рисунок 45 – Осциллограмма Praat (образованный человек (женщины-респонденты) № 2)

На рисунке 44 словосочетание *образованный человек* просодически не маркировано, что позволяет отнести его к теме высказывания. Согласно осциллограмме (рисунок 45), наречие *явно* выступает в качестве ремы высказывания, выделяется силой голоса, а словосочетание *образованный человек*, наоборот, является темой высказывания, что соотносится с результатами нашей экспериментальной работы (60 % женщин-респондентов посчитали это качество прототипическим).

В данном случае большинство респондентов не выделяли исследуемое словосочетание особым усилением тона (28 человек (15 мужчин, 13 женщин)). Соответственно, мы полагаем, что тезисом данного дискурсивного

фрагмента является утверждение «автор отличается от остальных солдат», а аргументом – «поскольку он образованный человек».

Прилагательное *добрый*

89) «Вы **добрый человек** и вам очень жаль русских женщин, вы всем нам хотите помочь. Но вы один, а нас миллионы, в этом вся проблема. Спрячьте меня, идет мой венчанный муж и лицо у него сурово. Появляется Леонид Борисович» [Разумовская Л. «Французские страсти на подмосковной даче», 1990–1999, НКРЯ].

Данный пример можно трактовать двояко:

– «вы **добрый человек**» (тезис), «потому что вам очень жаль русских женщин, вы всем нам хотите помочь» (аргументация);

– «вам очень жаль русских женщин, вы всем нам хотите помочь» (тезис), «потому что вы **добрый человек**» (аргументация).

Для проверки нашей гипотезы, при помощи программы Praat, мы провели анализ и обработку речи, определив тему и рему высказываний на основе данных акустических характеристик (рисунки 46–47).

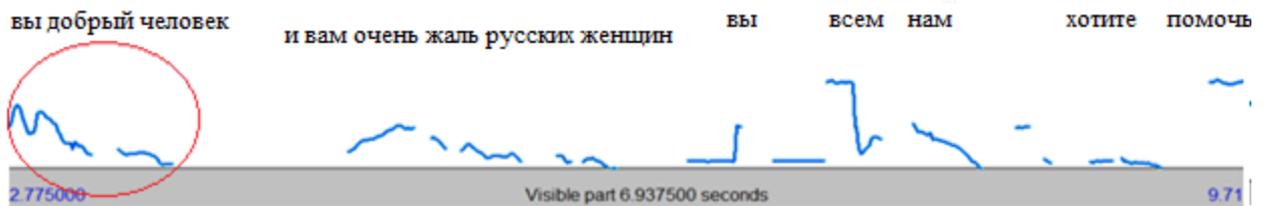

Рисунок 46 – Осциллограмма Praat (добрый человек (мужчины-респонденты) № 1)

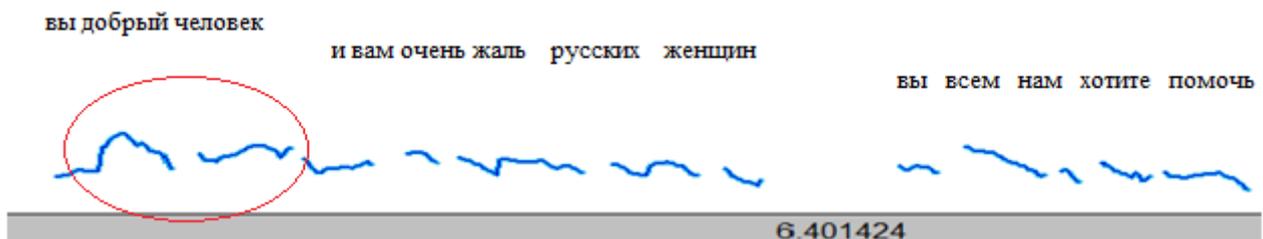

Рисунок 47 – Осциллограмма Praat (добрый человек (мужчины-респонденты) № 2)

Рему высказываний в записях, сделанных информантами-мужчинами, так и информантами-женщинами, реализует сочетание *добрый человек*, которое отмечено (рисунки 46–49) повышением силы основного тона.

Очевидно, информанты интерпретировали «вы добрый человек» как тезис высказывания. Поскольку нам уже встречался подобный пример, когда прототипическое прилагательное из так называемого «третьего круга» (как и *добрый*) прототипичности выступало в качестве тезиса и ремы высказывания, мы можем предварительно высказать гипотезу о том, что прилагательные, находящиеся на периферии группы прототипических прилагательных, могут в некоторых случаях формировать тезис и ремы высказывания.

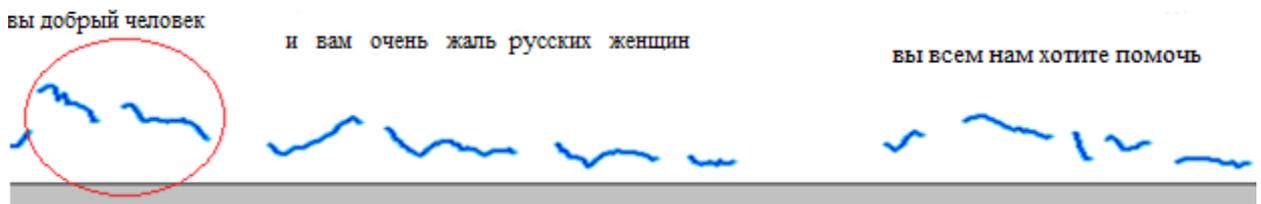

Рисунок 48 – Осциллограмма Praat (добрый человек (женщины-респонденты) № 1)

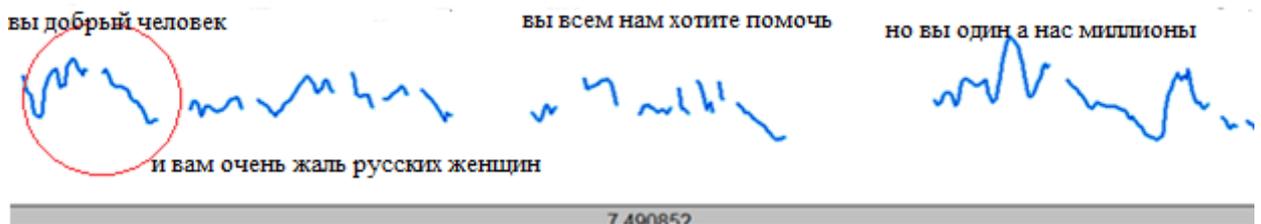

Рисунок 49 – Осциллограмма Praat (добрый человек (женщины-респонденты) № 2)

В данном дискурсивном фрагменте все респонденты отметили словосочетание *добрый человек* повышением силы основного тона (30 человек (15 мужчин и 15 женщин)), поэтому за тезис высказывания примем утверждение «*вы добрый человек*», за аргумент – «*потому что вам очень жаль русских женщин, вы всем нам хотите помочь*».

Прилагательное *общительный*

90) «Макс Нордау весьма интересовался городскими увеселениями; это был живой и *общительный человек*. Вот он мчался в веселую «Мавританию», везомый русскими учениями. Он икал после сытного обеда, мурлыча веселую шансонетку» [Белый А. «Симфония», 1901, НКРЯ].

Данный пример также можно трактовать двояко:

– «он был *общительный человек*» (тезис), «он интересовался городскими увеселениями» (аргументация);

– «он интересовался городскими увеселениями» (тезис), «потому что он был общительный человек» (аргументация).

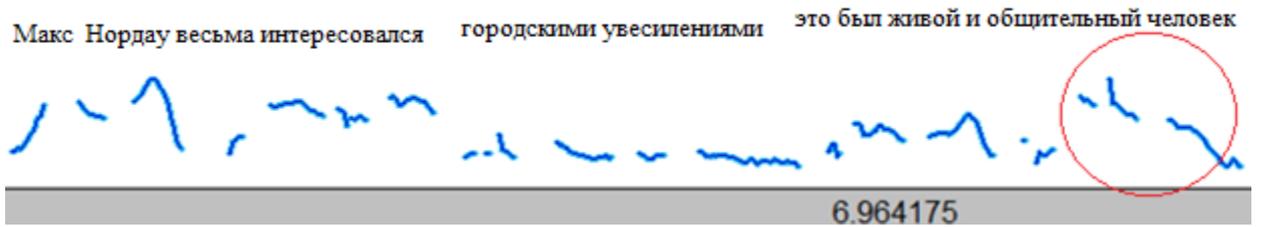

Рисунок 50 – Осциллограмма Praat (общительный человек (мужчины-респонденты) № 1)

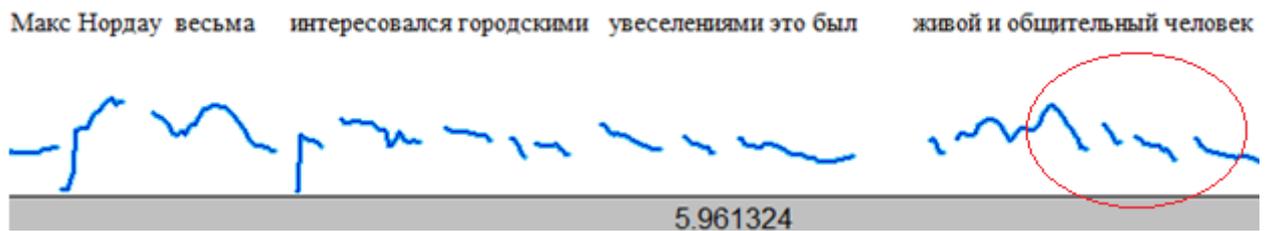

Рисунок 51 – осциллограмма Praat (общительный человек (мужчины-респонденты) № 2)

На рисунках 50–51 мы видим, что ремой высказывания является прилагательное *общительный*, которое характеризуется повышением силы основного тона. Соответственно, это указывает на то, что данное словосочетание является акцентоносителем ремы высказывания и, как показывает аргументативный анализ, представляет собой тезис высказывания.

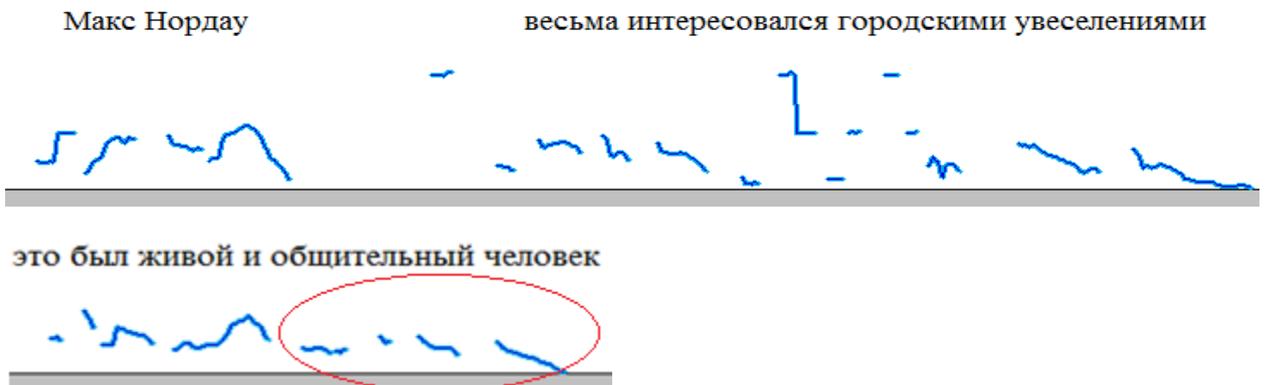

Рисунок 52 – Осциллограмма Praat (общительный человек (женщины-респонденты) № 1)

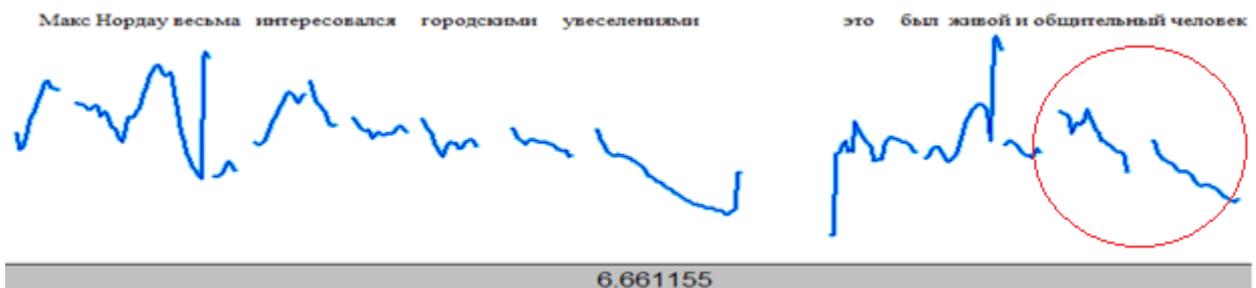

Рисунок 53 – Осциллограмма Praat (общительный человек (женщины-респонденты № 2)

Осциллограммы (рисунки 52–53) свидетельствует о том, что ремой в высказывании является прилагательное *живой*, тогда как словосочетание *общительный человек* выступает в роли темы и тезиса и характеризуется понижением тона. Результаты анализа данного примера соответствуют результатам нашей экспериментальной работы (55 % респонденток посчитали это качество прототипическим).

Согласно полученным данным, 7 мужчин и 12 женщин (19 из 30 человек) не выделили словосочетание *общительный человек* повышением силы основного тона, а ремой высказывания посчитали прилагательное *живой*. Соответственно, тезисом высказывания будет утверждение «он интересовался *городскими увеселениями*», аргументом – «*потому что он был общительный человек*».

Прилагательные *мудрый* и *образованный*

91) «*Отец был опытный политик, образованный, мудрый человек он оказывался, в конце концов, умнее Хрущева, потому что был свободен от импульсивности, которая очень мешала Никите Сергеевичу*» [Аджубей Р. «Хрущев глазами дочери», 1.11.2009, НКРЯ].

Данный пример также можно трактовать двояко:

- «*отец был опытный политик, мудрый и образованный человек*» (тезис), «*он оказывался, в конце концов, умнее, Хрущева*» (аргументация);
- «*отец оказывался, в конце концов, умнее, Хрущева*» (тезис), «*потому что он был опытный политик, образованный и мудрый человек*» (аргументация).

Для проверки нашей гипотезы при помощи программы Praat мы провели анализ и обработку речи и определили тему и рему высказываний на основе данных акустических характеристик.

Рисунок 54 – Осциллограмма Praat (мудрый человек (мужчины-респонденты) № 1)

Рисунок 55 – осциллограмма Praat (мудрый человек (мужчины-респонденты) № 2)

На рисунках 54–55 мы видим, что ремой высказывания является прилагательное *образованный*, которое отмечается повышением силы основного тона, а словосочетание *мудрый человек* не является ремой, следовательно, оно вербализует тему высказывания, являясь одновременно аргументом высказывания, и подтверждает результаты нашей экспериментальной работы (65 % мужчин-респондентов посчитали это качество прототипическим).

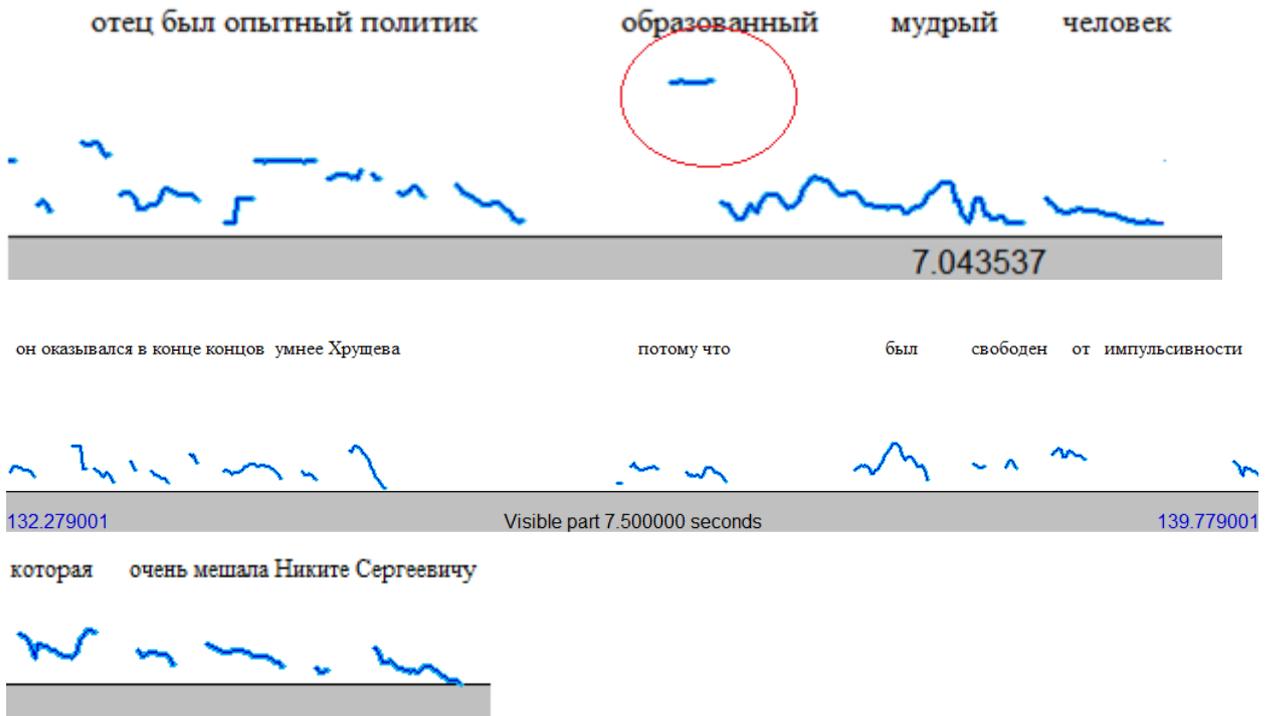

Рисунок 56 – Осциллограмма Praat (мудрый человек (женщины-респонденты) № 1)

Рисунок 57 – Осциллограмма Praat (мудрый человек (женщины-респонденты) № 2)

В данных дискурсивных фрагментах (рисунки 56–57), ремой высказывания также является прилагательное *образованный*, которое характеризуется большим повышением и понижением силы основного тона. Тему высказывания реализует словосочетание *мудрый человек*. Данный пример подтверждает результаты нашей экспериментальной работы (60 % женщин считают, что прототипический человек мудрый).

Исходя из полученных данных, 29 человек (15 мужчин, 14 женщин) отметили в качестве ремы высказывания прилагательное *образованный*, таким образом, тезисом высказывания будет «отец оказывался, в конце концов, умнее, Хрущева», аргументом – «потому что он был опытный политик, образованный и мудрый человек».

Прилагательное *хороший*

92) «– То самое, что слышите, – огрызнулся Потапов.— Вот еще нашел себе пьяница заступницу. Кто он такой тебе, что ты так за него свободно рот дерешь, а? Бессовестная! — Он был не только рассержен, но и ошарашен. — **Да он просто хороший человек**, — сказала Даша, — *хороший, честный, он всюду правду говорит. Другие хитрят, таятся, а он прямо, без никаких. Потапов быстро взглянул на Зыбина. Тот молчал и неотрывно смотрел на Дашу*» [Домбровский Ю.О. «Факультет ненужных вещей» (часть 1), 2017].

Данный пример можно трактовать двояко:

- «он *хороший человек*» (тезис), «он *всюду правду говорит, другие хитрят, таятся, а он прямо, без никаких*» (аргументация);
- «он *всюду правду говорит, другие хитрят, таятся, а он прямо, без никаких*» (тезис), аргументация «*потому что он хороший человек*» (аргументация).

Рисунок 58 – Осциллограмма Praat (хороший человек (мужчины-респонденты)

№ 1)

да он просто хороший человек сказала Даша хороший честный он всюду правду говорит

Рисунок 59 – Осциллограмма Praat (хороший человек (мужчины-респонденты)
№ 2)

На рисунках 58–59 мы видим, что ремой высказывания является наречие *просто*, которое отмечается повышением силы основного тона и реализует тезис высказывания (*просто* подчеркивает незаинтересованность говорящего), а словосочетание *хороший человек* не выделено акцентно, следовательно, оно вербализует тему высказывания, являясь одновременно аргументом, что подтверждает результаты нашей экспериментальной работы (70 % мужчин-респондентов посчитали это качество прототипическим).

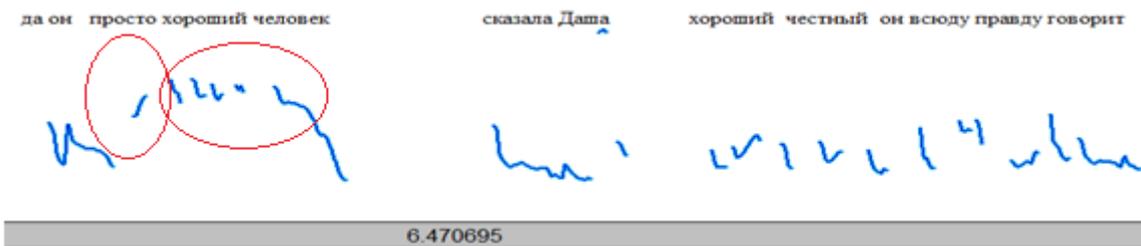

Рисунок 60 – Осциллограмма Praat (хороший человек (женщины-респонденты)
№ 1)

Рисунок 61 – Осциллограмма Praat (хороший человек (женщины-респонденты)
№ 2)

На рисунках 60–61 мы видим, что ремой высказывания также является наречие *просто*, которое отмечается повышением силы основного тона, а словосочетание *хороший человек* не является ремой, следовательно, оно вербализует тему высказывания, являясь одновременно аргументом, что подтверждает результаты нашей экспериментальной работы (65 % респонденток посчитали это качество прототипическим).

Таким образом, 28 человек (14 мужчин, 14 женщин) отметили в качестве ремы высказывания наречие *просто*, тезисом высказывания будет «он всюду правду говорит, другие хитрят, таятся, а он прямо, без никаких», аргументация – «потому что он хороший человек».

Прилагательное *плохой*

93) «Хорошо, – говорил он, как будто она могла слышать, – я плохой человек, наделал много стыдного, но ведь бывает, что любят очень скверных людей!» [Кнорре Ф. «Весенняя путевка», 1971, НКРЯ].

Данный пример амбивалентен:

– «я плохой человек» (тезис), «потому что наделал много стыдного» (аргументация);

– «я наделал много стыдного» (тезис), «потому что я плохой человек» (аргументация).

Данный дискурсивный фрагмент был включен в экспериментальную работу.

Рисунок 62 – Осциллограмма Praat (плохой человек (мужчины-респонденты) № 1)

Рисунок 63 – Осциллограмма Praat (плохой человек (мужчины-респонденты) № 2)

Рис. 64 – осциллограмма Praat (плохой человек (женщины-респонденты) №1)

Рис. 65 – осциллограмма Praat (плохой человек (женщины-респонденты) №2)

Согласно результатам нашей экспериментальной работы, только 45 % мужчин-респондентов и 35 % респонденток посчитали это качество прототипическим (то есть прототипический человек не является плохим). На осциллограммах (рисунки 62–65) мы видим, что все респонденты выделили словоформу *плохой* просодически, поэтому, несмотря на аналогичную выделенность словоформы *наделал* в произнесении первого информанта (рисунок 62) (возможно, он разделил высказывание на две части и в каждом выделил рему), мы считаем, что ремой высказывания является *плохой*, что подтверждает данные, полученные в ходе эксперимента (большинство респондентов расценили *плохой* как непрототипическое качество человека (29 человек (15 мужчин и 14 женщин)).

Соответственно, в данном случае, тезисом высказывания будет: «я *плохой человек*», аргументом – «*потому что наделал много стыдного*».

Прилагательное *молодой*

94) «Я уже стар для таких операций и не имею достаточного опыта. Другое дело вы. У вас связи в соответствующих сферах. Вы **человек молодой**, вам и карты в руки. Тонечке эти бумаги принадлежат по закону, перешли по наследству и она вправе рассчитывать на половину выручки от

их реализации. Вы согласны взяться за это дело? И какова сумма выручки?»

[Савельев А. «Аркан для букмекера», 2000, НКРЯ]

Данный пример можно трактовать двояко:

– «вы человек молодой» (тезис), «У вас есть связи, вы можете осуществить подобные операции» (аргументация).

– «у вас есть связи, вам карты в руки» (тезис), «потому что вы человек молодой» (аргументация).

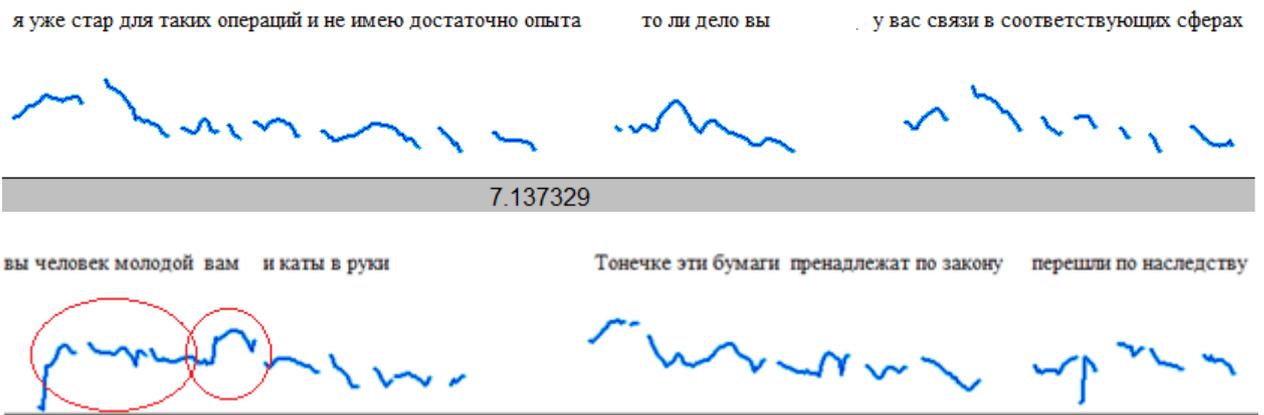

Рисунок 66 – Осциллограмма Praat (молодой человек (мужчины-респонденты) № 1)

Рисунок 67 – Осциллограмма Praat (молодой человек (мужчины-респонденты) № 2)

На рисунках 66–67 мы видим, что словосочетание *человек молодой* является темой высказывания, так как не претерпевает никакого повышения или понижения силы основного тона, тогда как местоимение *вам* представляет собой рему высказывания. Соответственно, данный пример

подтверждает результаты нашей экспериментальной работы (65 % мужчин-респондентов посчитали данное качество прототипическим).

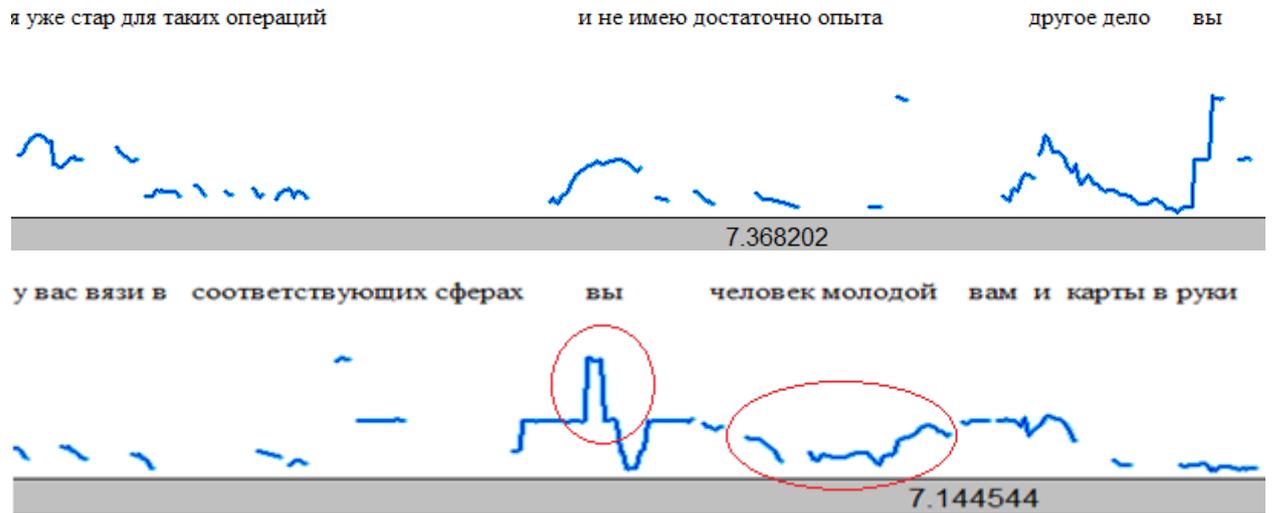

Рисунок 68 – Осциллограмма Praat (молодой человек (женщины-респонденты)

№ 1)

Рисунок 69 – Осциллограмма Praat (молодой человек (женщины-респонденты)

№ 2)

В данном высказывании (рисунки 68–69), которое озвучивали женщины, местоимения *вы* и *вам* характеризуются сильным повышением и понижением силы основного тона и реализуют рему высказывания. В то время как темой высказывания является словосочетание *человек молодой*. Данный пример вновь подтверждает результаты нашего исследования о том, что прототипический человек молодой, по мнению респонденток (65 %).

За тезис в данном случае примем утверждение «*у вас есть связи, вам карты в руки*», за аргумент – «*потому что вы человек молодой*», поскольку в данном случае 30 человек (15 мужчин, 15 женщин) отметили в качестве ремы высказывания местоимения *вы* или *вам*.

Проведенный анализ письменных и устных высказываний, а также результаты коммуникативного эксперимента подтвердили данные о прототипичности / непрототипичности прилагательных, полученные в ходе эксперимента, и доказали сформулированную гипотезу, внося, однако, несколько уточнений:

1) зависимость между прототипичностью прилагательного и его ролью тезиса в аргументативной структуре высказывания нельзя назвать абсолютной – скорее, это общая хорошо выраженная тенденция. При анализе встречались примеры, которые не соответствовали данной тенденции, однако при количественном анализе они составляли меньшинство (около 20 %);

2) корреляция между прототипичностью прилагательного и его ролью в качестве темы в коммуникативной организации высказывания зависит от степени прототипичности прилагательного – по данным эксперимента мы выделили три круга прототипичности; прилагательные первого и второго круга, наиболее близкие к центру категории, в 100 % проанализированных видеофрагментов и при анализе письменных дискурсивных фрагментов оказались в позиции темы, а вот прилагательные из третьего круга оказывались в некоторых дискурсивных фрагментах в позиции ремы;

3) в ряде случаев (три примера) прототипические прилагательные, занимая позицию аргумента в аргументативной структуре высказывания, выступают в коммуникативной структуре высказывания в качестве ремы; это говорит о том, что две из наших гипотез – «если прилагательное прототипическое, то оно выступает в составе аргумента» и «если прилагательное прототипическое, то оно выступает в качестве темы» – иногда вступают в противоречие, т.е. указанные корреляции также не имеют

абсолютного характера, однако предстают как хорошо выраженные тенденции.

2.4. Аргументативный и коммуникативный потенциал прилагательных французского языка, номинирующих прототипические и непрототипические качества представителей категории ÊTRE HUMAIN (на материале французского подкорпуса)

В данном разделе представлены данные проведенного аргументативно-коммуникативного анализа дискурсивных фрагментов на материале французского языка, а также представлена разработанная и апробированная нами методика анализа аргументативно-коммуникативного потенциала прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека.

2.4.1. Аргументативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале французского подкорпуса)

В настоящем параграфе представлены данные, полученные в результате анализа письменных высказываний на французском языке со словосочетаниями: *être humain*+прилагательное из списка прототипических, полученных в эксперименте с носителями языка. Русская лексема *человек* имеет несколько эквивалентов во французском языке. Использованное нами в экспериментальной работе сочетание *être humain* – родовой термин с наиболее обобщенным значением, которое охватывает другие слова категориальной семантики, такие как *homme* (как правило, с заглавной буквы, чтобы отличать от той же лексемы со значением ‘мужчина’), *personne*, *gens*, которые также могут переводиться на русский язык как *человек /люди*.

Например, в следующем дискурсивном фрагменте и *être humain*, и *Homme* служат для обозначения всей категории ЧЕЛОВЕК/ ÊTRE HUMAIN:

95) «*En créant l'être humain intelligent et libre, Dieu lui a donné les moyens de découvrir, comme à tâtons, ce qui allait dans le sens de son accomplissement, de sa dignité, de sa liberté (...). En créant l'Homme à son image et ressemblance, Dieu inscrit dans le cœur de celui-ci la loi de son propre développement, et le rend capable de découvrir cette loi plus ou moins clairement par lui-même, parce qu'il est une créature douée de raison*» [Sylvain Gasser, janvier 2013].

(«Сотворив человека умного и свободного, Бог наделил его способностью к изучению окружающего мира, что имело своей целью самоактуализацию, развитие человеческого достоинства и свободы (...). Сотворив человека по образу и подобию своему, Бог поместил в сердце каждого некую внутреннюю программу саморазвития, наделил его способностью осознать эту программу в силу разумности как основного человеческого качества»).

В параграфе также показана наша методика анализа аргументативного потенциала прилагательных.

Рассмотрим данные по каждому из прототипических прилагательных во французском подкорпусе.

Прилагательное *intelligent* ('умный')

Прилагательное *intelligent* ('умный') было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека по мнению мужчин (60 %) и женщин (60 %).

Всего нами была проанализирована выборка из 40 дискурсивных фрагментов. Аргументативная и коммуникативная организация 21 фрагмента подтверждает результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что для представителей французского национально-лингво-культурного сообщества прототипический человек умный, анализ 10 фрагментов не подтвердил результаты экспериментальной

работы, а 9 высказываний требуют дополнительного анализа по причине невыраженности в них аргументативной структуры. На представленной ниже диаграмме (рисунок 70) в двух колонках столбцов представлено количество дискурсивных фрагментов, авторами которых являются мужчины либо женщины.

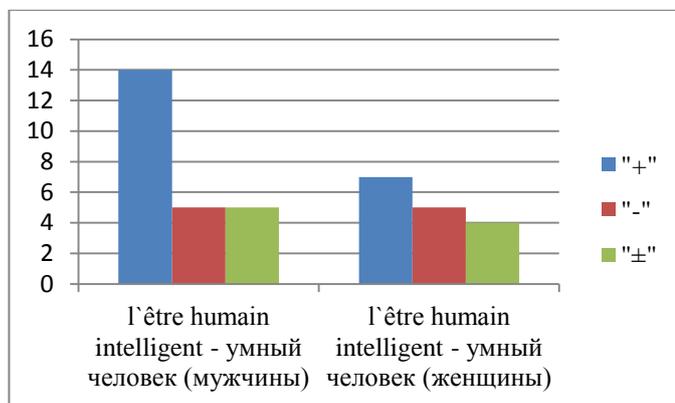

Рисунок 70 – Данные количественного анализа (прилагательное *intelligent*)

Приведем примеры письменных высказываний.

Мужские дискурсы.

96) «*Une personne capable de rigueur, d'attention, une **personne intelligente** qui aime ce qu'elle fait. Si vous étiez employeur, lors de l'examen d'embauche, vous vous efforcerez de choisir quelqu'un qui possède les qualités requises pour ce poste*» [Bruno Lallement, «Comment utiliser pleinement votre potentiel: les grands secrets de l'accomplissement de soi», 2009].

(«Человек, способный быть строгим, внимательным, **человек умный**, который любит то, что он делает. Если бы вы были работодателем, вы бы попытались выбрать на данную должность именно того, кто обладает указанными качествами»).

В примере № 96 тезисом является утверждение «если бы вы были работодателем, вы бы выбрали на должность именно такого человека», а аргументом является суждение «потому что он умный человек и обладает определенным набором качеств».

97) «*Je ne marche pas trois pas devant mon gardien, cette fois-ci, mais à côté de lui. Plutôt que de me traiter comme si j'étais un criminel prêt à lui sauter à*

la gorge, il me parle comme si j'étais un être humain, et un être humain intelligent, en plus» [François Gravel «Sauvage»].

(«В этот раз я шел не в трех шагах от моего охранника, а рядом с ним. Вместо того, чтобы относиться ко мне как к преступнику, готовому схватить его за горло, он говорил со мной так, будто бы я был человек, умный человек, вдобавок»).

Тезисом, отстаиваемым в дискурсивном фрагменте № 97, является утверждение о том, что охранник был достойным человеком. Аргументом к данному тезису можно считать суждение *«потому что он относился ко мне как к настоящему, полноценному человеку – умному человеку, а не преступнику»*. Анализируемое прилагательное *intelligent* является частью аргумента.

98) *«Il semble que nous entendons parler chaque jour de nouvelles avancées faites dans le domaine de l'intelligence artificielle (IA) grâce à l'apprentissage automatique, de l'amélioration des soins de santé à l'humain battu au poker par la machine. Il est aisé d'oublier que derrière chaque robot impressionnant se trouve un être humain intelligent ...» [https://www.forbes.fr/technologie/les-6-specialistes-de-lintelligence-artificielle-et-du-machine-learning-dans-le-monde/#comments].*

(«Кажется, что каждый день мы только и слышим о новых научных прорывах в области искусственного интеллекта благодаря машинному обучению, начиная от улучшения здравоохранения и заканчивая проигрышем человека машине в покер. Легко забыть, что за каждым удивительным роботом стоит умный человек»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 98 является утверждение о том, что в настоящее время очень сильно развивается сфера искусственного интеллекта и робототехники. Аргументом к данному тезису служит суждение *«потому что существуют умные люди, которые совершают открытия»*. Анализируемое прилагательное *intelligent* вновь является частью аргумента.

99) «*Tu crânes parce que t'es con, les **gens intelligents**, les vrais, ne crânent pas, parce qu'ils n'ont pas besoin de dire qu'ils sont brillants, ils l'incranent!*» [Patrick Lunant, 2015].

(«Ты хвастаешься, потому что ты дурак – по-настоящему **умные люди** не хвастаются, потому что у них нет необходимости заявлять о своей неповторимости, они ее воплощают»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 99 является следующее суждение: «ты дурак», аргументом к нему выступает «потому что умные люди не хвастаются».

100) «*Une petite fille lève la main: “Dis monsieur, pourquoi t'as plus de cheveux sur le haut de la tête?” Valéry Giscard D'Estaing répond: “C'est parce que je suis très intelligent; tous les **gens intelligents** perdent leurs cheveux, car ils réfléchissent beaucoup”*» [Torrent Mathieu, 2009].

(«Маленькая девочка поднимает руку: “Скажи, месье, почему у тебя нет волос на макушке?” Валери Жискар Д'Эстен отвечает: “Это потому что я очень умный; все **умные люди** теряют волосы, потому что они много думают”»).

Тезисом, отстаиваемым в дискурсивном фрагменте № 100, является утверждение «я умный человек», аргумент составляет сложная посылка в форме категорического силлогизма:

«Все умные люди теряют волосы, потому что много думают».

«Я теряю волосы»

«Значит, я умный человек».

Таким образом, в данном примере сочетание *gens intelligents* является частью структуры аргумента.

Рассмотрим еще одну серию примеров.

Место и функции прилагательного *intelligent* ('умный') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны.

101) «*“Le Réel”*, nous avait donné pour sujet de dissertation notre professeur de philosophie d'hypokhâgne, un **Homme** très **intelligent** qui me terrifiait» [Cusset Catherine «Une éducation catholique», 2014].

(«*“Реальность”*, именно такую тему для эссе дал нам преподаватель философии на подготовительных курсах, **человек** очень **умный**, который меня пугал»).

Тезисом примера 101 выступает утверждение «преподаватель вызывал страх». Прилагательное *intelligent* вновь входит в состав аргумента: «поскольку был очень умным человеком».

102) «*La jeune fille soutint son regard sans ajouter un mot. Elle n'avait aucune idée de la façon de rédiger un texte de serment, mais c'était bien la seule solution pour unifier son camp. Haresh, cependant, était un **homme intelligent**, assez pour savoir quand son interlocuteur était sérieux* [Caillet Marie «L'héritage des Darcer 2 Allégeance», 2011].

(«*Девушка смотрела, не произнося ни слова. Она не имела ни малейшего понятия о том, как написать клятву, но это был единственный выход, чтобы объединить своих сторонников. Ареш, однако, был **человеком** довольно **умным**, чтобы понять, когда у его собеседника были серьезные намерения*»).

В примере 102 тезисом является утверждение о том, что «Ареш понимал, что у его собеседницы были серьезные намерения», потому что «он был человеком умным».

103) «*Je passe la matinée à regarder la télé, je sais que ça ferait sortir m'man de ses gonds mais avec p'pa j'ai le droit; il dit que les **gens intelligents** ont besoin de connaître la stupidité du monde alors je peux regarder la télé mais c'est entre nous*» [Huston Nancy «Lignes de faille», 2006].

(«*Я провел все утро у телевизора, я знаю, что это вывело бы из себя маму, но с папой я мог себе такое позволить; он говорит, что **умные люди** обязаны знать о глупости других, поэтому я могу смотреть телевизор, но*

только это останется между нами»).

Тезисом дискурсивного фрагмента 103 является утверждение о том, что телевизор стоит смотреть (согласно точке зрения отца). Аргументом к этому выступает мнение о том, что умные люди обязаны знать о глупости остальных людей.

104) *«Le plus insupportable, c'était de voir mon bienfaiteur humilié par ma faute. Monsieur Tenshi était un **homme intelligent** et consciencieux: il avait pris un gros risque pour moi, en pleine connaissance de cause. Aucun intérêt personnel n'avait guidé sa démarche: il avait agi par simple altruisme. En récompense de sa bonté, on le traînait dans la boue»* [Nothomb Amélie «Stupeur et tremblements», 1999].

(«Самое невыносимое – это видеть моего благодетеля униженным по моей вине. Месье Танши был **человеком умным** и сознательным: он пошел на большой риск ради меня, совершенно осознанно. У него не было никакого личного интереса: он действовал из чувства гражданского долга. И в качестве награды за доброту его облили грязью»).

Тезисом дискурсивного фрагмента 104 является утверждение «Месье Танши пошел на большой риск, совершенно осознанно», прилагательное *intelligent* находится в составе аргумента «потому что он умный человек».

105) *«– J'ai beaucoup d'admiration pour vous, Wellan, déclara le sorcier en se radoucissant. Vous êtes un **homme intelligent** et puissant comme Hadrian d'Argent. Vous devriez avoir déjà compris que les humains sont les marionnettes préférées des Immortels»* [Robillard Anne «Les chevaliers d'émeraude 4 La princesse rebelle», 2004].

(«Я вами восхищаюсь, Валлан, заявил колдун, смягчив тон. Вы **человек умный** и сильный, как Адриан Аржан. Вы уже должны понимать, что люди – это марионетки, любимые бессмертными»).

Тезисом, отстаиваемым в дискурсивном фрагменте 105, является утверждение «люди – это марионетки», а аргументом к нему выступает

суждение «человек умный должен уже это понимать».

Таким образом, данные примеры подтверждают результаты проведенной нами экспериментальной работы, указывающие на то, что прототипический человек умный, по мнению мужчин и женщин – французских респондентов (60 %).

Прилагательное *curieux* ('любопытный, любознательный')

Данное прилагательное также было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы, как с мужчинами-информантами (60 %), так и с женщинами (60%).

Всего нами было проанализировано 26 дискурсивных фрагментов. Анализ аргументативной составляющей в 14 высказываниях подтвердил результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что качество «быть любопытным» является прототипическим для представлений о человеке во французском национально-лингво-культурном сообществе, в 4-х высказываниях результаты не подтвердились, 8 высказываний требуют дополнительного анализа по причине невыраженности в них аргументативной структуры. На представленной ниже диаграмме (рисунок 71), в двух колонках столбцов, представлено количество дискурсивных фрагментов, авторами которых являются мужчины либо женщины.

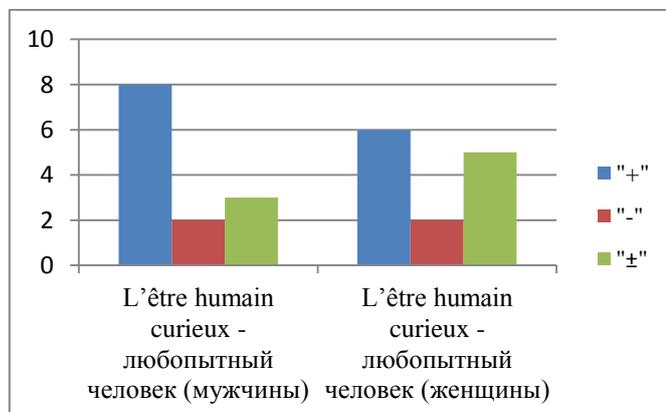

Рисунок 71 – Данные количественного анализа (прилагательное *curieux*)

Приведем несколько примеров.

Мужские дискурсы.

106) *«Depuis toujours l'être humain, curieux, a cherché à se comprendre... Ainsi dans chaque culture de l'humanité, des sages ont transmis aux descendants la somme des savoirs accumulés au fil des siècles: ce sont les Grandes Traditions orales ou écrites...»* [<http://www.federation-sophrologie.eu/wp-content/uploads/2012/07/Stage-Homme-Debout-%C3%A0-Li%C3%A8ge-2012-et-2013.pdf>].

(«Во все времена человек, будучи существом **любопытным**, искал самого себя... Так, в каждой человеческой культуре мудрецы передавали потомкам багаж знаний, накопленных с течением веков: это великие устные и письменные традиции»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 106 является утверждение о том, что человек всегда искал ответы на свои вопросы, искал истину, и что человечество накопило огромный багаж знаний. А аргументом к данному тезису выступает суждение, что это все происходило из-за человеческой любознательности, поскольку человек всегда был любопытным.

107) *«“Bernard Werber”, c'est l'histoire d'un être humain, curieux de nature, comme tous ses semblables, mais qui a érigé la chose en une forme d'art où s'entremêlent science, intrigues policières, mythologie, humour et science-fiction...»* [«Une rencontre du troisième type Fabien Boileau», TVA nouvelles, le 14 avril 2013 à 17:45].

(«“Бернар Вебер” – это история о человеке, **любопытном** по своей природе, равно, как и все ему подобные, но который представляет вещи в художественной форме, вмещающей в себя науку, детективные истории, мифологию, юмор и научную фантастику...»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 107 является указание на то, что Бернар Вебер смешивает в своем творчестве совершенно разные, непохожие, сферы, а аргументом к данному тезису выступает мысль о том, что это происходит потому, что он любопытный, как и все другие люди.

108) *«Une nuit, je m'ennuyais tellement, j'étais tellement **curieuse** que je suis descendue à la cave. Tu sais, je crois que les **gens** sont trop **curieux**. Un coup comme ça, c'est toujours un piège»* [Kloetzer Laurent «La voie du cygne», 1999].

*(«Однажды ночью мне было настолько скучно, настолько **любопытно**, что я спустилась в погреб. Знаешь, я думаю, что все люди слишком **любопытные**. Подобный ход – всегда ловушка»).*

Тезисом примера № 108 является утверждение *«меня можно оправдать за мой опрометчивый шаг»*, аргументом к нему выступает суждение *«поскольку все люди любопытные, и я отношусь к их числу»*.

109) *«Dean LeBaron, l'investisseur de Boston, devenu un ami à cette période, se souvient d'un **homme curieux** et pragmatique, qu'il sort au restaurant lorsqu'il vient aux Etats-Unis au début des années 1990: «Il voulait essentiellement rencontrer les vraies gens, savoir comment ils vivent»* [Harold Thibault «Les Chinois sont prêts à investir leurs réserves financières en Europe», Le Monde, 30.11.2011].

*(«Дин ЛеБарон, инвестор из Бостона, ставший его другом в тот период, вспоминает того **любопытного** и прагматичного человека, которым он был, когда он ходил в ресторан во время поездки в США в начале 1990-х: «Он хотел, главным образом, встретить настоящих людей, узнать, как они живут»).*

Тезисом дискурсивного фрагмента № 109 является утверждение, что человек хотел узнать, как живут американцы, поскольку он был любопытным человеком (аргумент).

110) *«Formé aux sciences politiques, Georges Herscher ne semblait pas destiné à s'imposer dans le monde du livre d'art. Pourtant, alors qu'il est directeur financier chez Hachette, cet **homme curieux** et passionné d'art fabrique déjà des livres chez lui, à ses heures perdues»* [Georges Herscher, Le Monde, 27.01.2008].

(«Получив образование в сфере политических наук, Жорж Эршер, казалось бы, не должен был интересоваться книгами по искусству. Тем не

менее, являясь финансовым директором в *Hachette*, этот **любопытный человек**, будучи страстно увлеченным искусством, изготавливает книги дома, в свое свободное время»).

В примере № 110 в качестве утверждения выступает «этот мужчина не должен увлекаться искусством, но, тем не менее, он это делает», а аргументом становится «потому что он любопытный человек».

Данные примеры (пр. №№ 106 – 110) коррелируют с результатами нашего эксперимента, согласно которым, по мнению 60 % информантов-французов, человек должен быть любопытным.

Рассмотрим следующую серию примеров.

Место и функции прилагательного *curieux* ('любопытный') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны.

111) «*Wellan était un homme bien trop curieux pour ne pas tenter l'expérience. Il fit ce que son roi lui demandait*» [Robillard Anne «Les chevaliers d'émeraude 9 L'héritage de Danalieth», 2006].

(«Веллан был **человеком** слишком **любопытным**, чтобы устоять и не попробовать. Он сделал то, что король ему повелел»).

В примере № 111 тезисом является утверждение «Веллан не мог устоять и не провести эксперимент», аргумент «потому что он был умным человеком».

112) «*En homme curieux, il s'attarda cependant à chacun des textes couvrant les feuillets jaunis, si bien que lorsqu'il trouva enfin le passage qu'il cherchait, le soleil avait déjà commencé à décliner dans le ciel*» [Robillard Anne «Les chevaliers d'émeraude 7 L'enlèvement», 2005].

(«Как **человек любознательный**, он прочитал все тексты, написанные на желтых листах, а когда, наконец, нашел отрывок, который искал, солнце уже заходило за горизонт»).

В дискурсивном фрагменте № 112 тезисом является утверждение «он

прочел все тексты и работал допоздна», аргумент – «потому что он был любознательным».

113) «*Cette requête était plutôt inhabituelle de la part d'un Écuyer, mais Wellan était un homme curieux. Il accéda donc à sa demande*» [Robillard Anne «Les chevaliers d'émeraude 10 Représailles», 2007].

(«Эта просьба была необычной со стороны оруженосца; но Веллан был любопытным человеком и удовлетворил ее»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 113 является утверждение «Веллан удовлетворил просьбу, хоть она и была странная», аргумент «потому что он был любопытным человеком».

114) «*Littérature, sciences, géographie, histoire, le Nord, le Sud, le monde tel qu'il est censé exister ailleurs. Pierre-Emmanuelle Manesch était un homme curieux*» [Vonarburg Elisabeth «Les voyageurs malgré eux», 1994].

(«Литература, естественные науки, география, история, Север, Юг, мир, такой, какой он есть где-то там, в других землях. Пьер-Эманюэль Манеш был любопытным человеком»).

Утверждение о том, что «Пьер-Эманюэль Манеш много чем интересовался» (пр. № 114), сопровождается аргументом «поскольку он был любопытным человеком».

Данные примеры (пр. №№ 111 – 114) согласуются с результатами нашего эксперимента, согласно которым, по мнению 50 % информанток-француженок, человек должен быть любопытным.

Прилагательное *ambitieux* ('амбициозный')

Данное прилагательное было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы с респондентами обоих полов (мужчины – 60 %, женщины – 70 %).

Всего нами было проанализировано 30 письменных высказываний со словосочетанием *ambitieux* ('амбициозный') + обозначение человека. Анализ

аргументативной составляющей в 18 высказываниях подтвердил результаты проведенной нами экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что качество «быть амбициозным» является прототипическим для представлений о человеке во французском национально-лингво-культурном сообществе, в 6 высказываниях результаты экспериментальной работы не подтвердились, 6 высказываний требуют дополнительного анализа по причине невыраженности в них аргументативной структуры. На представленной ниже диаграмме (рисунок 72), в двух колонках столбцов представлено количество дискурсивных фрагментов, авторами которых являются мужчины либо женщины.

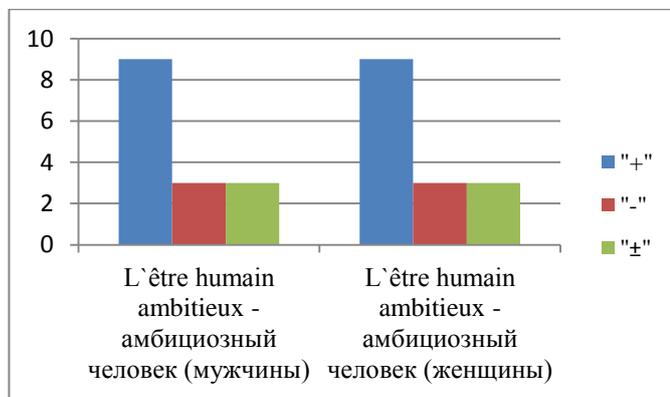

Рисунок 72 – Данные количественного анализа (прилагательное *ambitieux*)

Приведем некоторые примеры.

Мужские дискурсы.

115) «*Politicien avant tout, il parlait d'un ton mielleux, ferme mais pas agressif, et derrière son visage de quarantenaire bien portant, Brolin perçut l'avidité du pouvoir, cette lueur cynique qui brille dans l'oeil des **hommes ambitieux***» [http://www.academia.edu/13873478/Chattam_Maxime_La_trilogie_d_u_mal].

(«*Будучи прежде всего политиком, он говорил мягким, твердым, но не агрессивным тоном, и за маской его сорокалетнего здорового лица Бролен ощутил жажду власти, увидел этот циничный блеск, который мерцает в глазах у **амбициозных людей***»).

Рассмотрев фрагмент № 115, отметим, что утверждение «*Бролен жаждал власти*», являясь тезисом в аргументативной структуре высказывания, сопровождается аргументом «*поскольку он был амбициозным человеком*».

116) «*Candide était un **homme ambitieux**, intelligent. Avant de s'établir, il a voulu faire un voyage autour du monde. Il voulait parler aux savants les plus savants, aux philosophes les plus philosophes*» [Jacques Dioux, 2003].

(«*Кандид был **человеком амбициозным**, умным. Прежде чем обосноваться на одном месте, он захотел совершить кругосветное путешествие, он хотел поговорить с самыми знающими учеными и философами*»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 116 выступает утверждение «*он захотел совершить кругосветное путешествие, поговорить с самыми знающими учеными и философами*», а аргументом – «*поскольку был амбициозным человеком*».

117) «*Venel est une **personne ambitieuse** et organisée, il est fermement attaché à ses valeurs et se consacre pleinement à sa "passion", d'ailleurs lorsque qu'il n'est pas en train de voler dans son arwing, il passe une partie de sont temps à améliorer ce dernier*» [муж., Sketch Engine, 2012, Starfox-univers.goodbb.net].

(«*Венель – **человек амбициозный** и организованный, он верен своим ценностям и полностью предан своей «страсти», кроме того, когда он не летает на своем самолете, он проводит время за его улучшением*»).

В качестве тезиса дискурсивного фрагмента № 117 рассмотрим утверждение «*Венель – амбициозный человек*», аргументом к нему выступает «*поскольку он верен своим ценностям и полностью посвящен своей 'страсти'*».

118) «*La vivacité et la concurrence stimulent le Bélier car c'est une **personne ambitieuse** qui veut toujours gagner*» [муж., 2012, la-therapie-oncienne.com].

(«Бодрость и конкуренция стимулируют Овна, так как это **амбициозный человек**, который всегда хочет побеждать»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 118 является утверждение «Для Овна энергия и конкуренция – благо», аргументом выступает «потому что это **амбициозный человек**».

119) «*Je me permets de vous soumettre ma candidature. Je suis une **personne ambitieuse** et motivée voulant bâtir ma carrière professionnelle et de concrétiser mes compétences techniques au sien d'une structure de grande envergure comme la votre*» [муж., Sketch Engine, 2012, marocemploi.net].

(«Я хотел бы представить вам свою кандидатуру. Я **амбициозный** и мотивированный **человек**, который хочет построить свою профессиональную карьеру и применить на практике свои технические навыки в такой крупной организации, как ваша»).

Тезисом дискурсивного фрагмента 119 является утверждение «я необходим вашей фирме», аргументом – «потому что я **амбициозен**».

Место и функции прилагательного *ambitieux* ('амбициозный') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны.

120) «*Vous êtes une **personne ambitieuse** qui va au bout de ce qu'elle entreprend. Vous maîtrisez parfaitement la situation. Réalisme et ténacité sont pour vous, 2 qualités à exploiter*» [Martine Menard, 2016].

(«Вы **человек амбициозный**, который доводит начатое до конца. Вы прекрасно владеете ситуацией. Реализм и упорство – это ваши самые полезные качества»).

Тезисом в примере № 120 является утверждение «Вы хороший сотрудник», а тезисом к нему «потому что вы **амбициозны** и доводите все дела до конца».

121) «*Swan vit sur le visage de son époux le signe qu'il n'acceptait pas cette défaite. Onyx était un **homme extrêmement ambitieux**. Il allait toujours au bout de*

ses plans» [Robillard Anne «Les chevaliers d'émeraude 11 La justice céleste», 2007].

(«Сван увидела на лице своего супруга знак, показывающий, что он не принимает проигрыш. Оникс был **человеком** крайне **амбициозным**. Он всегда достигал поставленных целей»).

Тезисом фрагмента № 121 выступает утверждение «Оникс не мог смириться с поражением», аргумент – «потому что он **амбициозный человек**».

122) «*La plupart des sectes ont pour ministres des noirs élevés dans le pays, **gens ambitieux**, corrompus et capables de toute espèce de crimes»* [Viera Gérard, 2013].

(«Во главе большинства сект стоят темнокожие, воспитанные на родине, **амбициозные люди**, коррумпированные и способные на любые преступления»).

В примере № 122 тезисом является утверждение «*секты представляют особую опасность*», аргументом выступает – «*поскольку их возглавляют коррумпированные, **амбициозные** и способные на любые преступления люди*».

123) «*Donc si vous connaissez des **gens ambitieux**, motivés ou susceptibles d'être intéressés par le RJCCM, donnez nous leurs coordonnées et il nous fera plaisir de communiquer avec ces personnes»* [жен., 2012, ccmataane.com].

(«Итак, если вы знаете **амбициозных**, мотивированных или успешных людей, заинтересованных в RJCCM, дайте нам их контакты, и мы будем рады пообщаться с ними»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 123 является утверждение «*мы будем рады пообщаться*», аргументом выступает – «*поскольку нашей компании нужны **амбициозные люди***».

124) «*Monsieur Leproux voulait aussi se justifier auprès de ses actionnaires qui sont des **gens ambitieux** et qui veulent que leur équipe gagne plus. Ils ont fait des progrès fantastiques...*» [жен., 2012, francefootball.com].

(«Г-н Лепру также хотел оправдать себя перед своими акционерами, которые являются **амбициозными людьми** и хотят, чтобы их команда зарабатывала больше. Они добились фантастического прогресса»).

Тезисом примера № 124 является утверждение «Акционеры были недовольны», аргументом – «потому что они являются **амбициозными людьми** и хотят, чтобы их команда зарабатывала больше».

Таким образом, исходя из анализа примеров (№№ 120–24), можно сделать вывод о том, что **амбициозность** является прототипическим качеством человека. Подобное заключение согласуется с результатами экспериментальной работы.

Прилагательное *amoureux* ('влюбленный')

Прилагательное *amoureux* ('влюбленный') было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы с мужчинами (50 %) и женщинами-информантами (60 %).

В ходе исследования нами было проанализировано 30 письменных дискурсивных фрагментов со словосочетанием *être humain / gens / homme / personne amoureux (euse)* ('влюбленный человек / люди').

Анализ аргументативной составляющей 20 высказываний подтвердил результаты проведенной нами экспериментальной работы, указывающие на то, что качество «быть влюбленным» является прототипическим для человека во французском национально-лингво-культурном сообществе, в 7 высказываниях результаты экспериментальной работы не подтвердились, 3 высказывания требуют дополнительного анализа по причине амбивалентности их аргументативной структуры. На представленной ниже диаграмме (рисунок 73) в двух колонках столбцов представлено количество дискурсивных фрагментов, авторами которых являются мужчины либо женщины.

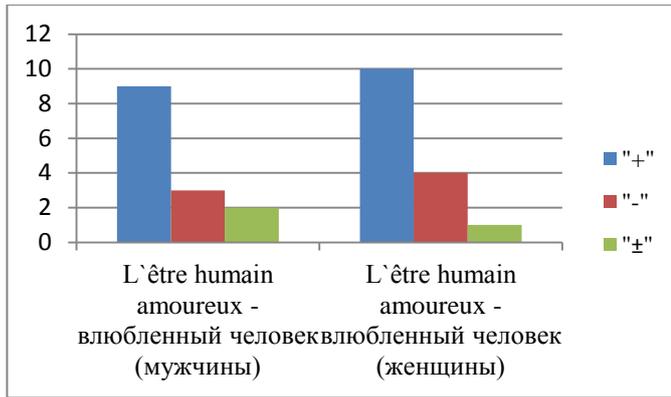

Рисунок 73 – Данные количественного анализа (прилагательное *amoureux*)

Приведем примеры.

Авторами дискурсивных фрагментов №№ 125–128 являются мужчины.

125) «*Les gens amoureux, c'est ceux que je préfère. J'aime bien les fréquenter. Ils sont plus beaux, plus tolérants et plus généreux que nous autres, pauvres mortels sans amour*» [Samuel Benchetrit, 2005].

(«**Влюбленные люди** – вот кто мне нравится. Мне нравится ходить к ним в гости. Они красивее, терпимее и щедрее, чем мы, бедные смертные без любви»).

В примере № 125 за тезис примем утверждение «мне нравятся влюбленные люди», а аргументом к нему выступит «потому что они более красивые, более терпимые и более щедрые, чем мы, бедные смертные без любви». Данный пример не подтвердил результаты проведенной экспериментальной работы.

126) «*Mais, en même temps, j'ai aussi une grosse équipe, une équipe qui a travaillé vraiment fort, des gens amoureux du projet qui l'ont poussé avec beaucoup de passion et ça, le public ne le voit pas. On pense que c'est facile, mais ce ne l'est pas tant que ça*» [Denis Dufresne «La Tribune», 2017].

(«Но в то же время у меня также есть большая команда, команда, которая работала действительно сильно; **люди, влюбленные** в проект, которые работают над ним с большой страстью, но общественность этого не видит. Все думают, что это легко, но это не так просто»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 126 является «*мой проект получился благодаря моей команде*», аргументом к нему выступает суждение «*потому что это люди, влюбленные в проект*».

127) «*En tant que francophone, et **personne amoureuse** de la langue française, je trouve que la plupart des Québécois massacrent la langue française. Des fautes de grammaire intolérables et inacceptables! Je trouve tout accent, quelque soit son origine, charmant et ayant tout à fait le droit de se faire entendre. Mais un mauvais et/ou refus d'usage de la syntaxe relative à une langue, au nom d'une norme sortie de "je ne sais où", c'est d'un absurde!*» [муж., immigrer-contact.com, Sketch Engine, 2012].

(«*Как франкофон и **человек, влюбленный** во французский язык, я считаю, что большинство квебекцев убивают его. Невыносимые и неприемлемые грамматические ошибки! Я считаю любой акцент, независимо от его происхождения, обаятельным и имеющим право на существование. Но плохой синтаксис или и вовсе отказ от него во имя не понятно откуда взявшейся нормы это – абсурд!*»)

Тезисом примера № 127 является «*я возмущен тем, что происходит с французским языком в Квебеке*», а аргументом к нему «*поскольку я человек, влюбленный во французский язык*».

128) «*Élève de l'école Estienne, j'ai rencontré au long de ma carrière de vrais passionnés, des **hommes amoureux** de leur métier, respectueux des règles instaurées par leurs anciens <...>. Tous ensemble, ils ont fait évoluer leur métier et permis aux idées de se répandre dans tous les milieux et toutes les cultures*» [Jean Wambre, Philippe Hourdain, 2006].

(«*Воспитанник школы Эстена, за свою профессиональную жизнь я встретил настоящих одержимых, **влюбленных** в свою работу людей, уважающих правила, установленные их старейшинами. Вместе они изменили свою профессию и помогли распространить идеи среди представителей различных социальных слоев и культур*»).

В примере № 128 тезисом является утверждение «они смогли многое сделать», а аргументом к нему «поскольку это люди, влюбленные в свою профессию».

Примеры №№ 125–128 подтверждают результаты, полученные в проведенной серии экспериментов.

Место и функции прилагательного *amoureux* ('влюбленный') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны (пр. №№ 129-132).

129) *«Peut-être... Mais si, en réalité, elle n'était pas revenue parce qu'elle ne l'aimait pas ou était incapable de l'aimer ? Il se souvint tout à coup pourquoi il ne croyait pas à l'amour, ou plutôt pourquoi il se méfiait tant de ce sentiment. Parce que l'amour rendait fou. Parce que les gens amoureux faisaient des choses bizarres. Parce que les gens amoureux avaient souvent tendance à maltraiter ceux qu'ils aimaient»* [Janice Maynard «Un printemps à Wolff Mountain», 2014].

(«Может быть ... Но если на самом деле она не вернулась, потому что не любила его или не была способна его любить? Он вдруг вспомнил, почему он не верил в любовь, или, вернее, почему он так подозрительно относился к этому чувству. Потому что любовь сводила с ума. Потому что влюбленные люди делали странные вещи. Потому что влюбленные люди часто склонны помыкать теми, кого они любят»).

В примере № 129 тезисом является утверждение «он не доверял чувству любви», аргумент «потому что влюбленные люди делают странные вещи».

130) *«Bonjour à vous tous. Je sais qu'il ne faut pas s'attacher à la norme mais tout de même je vois autour de moi des tas de gens amoureux. Moi je ne suis jamais tombée amoureuse, toutes les fois qu'un homme s'intéresse à moi, je n'ai pas vraiment envie d'essayer quoi que ce soit avec lui et quand lassée de la solitude j'essaye quand-même en me disant ça viendra peut-être avec le temps, l'amour ne vient pas. Pourtant j'ai très envie de vivre une vraie belle relation avec*

quelqu'un» [Blili «à 30 ans je suis jamais tombée amoureuse», 16.08.2008].

(«Привет всем. Я знаю, что мы не должны фокусироваться на норме, но даже я вижу вокруг себя много **влюбленных людей**. Я никогда не влюблялась; всякий раз, когда мною интересуется мужчина, я действительно не хочу ничего с ним пробовать, а когда, устав от одиночества, я все равно пытаюсь, говоря себе, что со временем это может прийти, любовь не приходит. Но я действительно хочу настоящих отношений»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 130 является утверждение «я какая-то не такая», аргументом выступает суждение «потому что вокруг много влюбленных людей, а я одна». Данный пример подтверждает результаты, полученные в проведенной серии экспериментов.

131) «*Tu me manques. J'ai l'impression de manquer, manquer d'oxygène. Alors J'écoute des chansons tristes et sentimentales. Ces chansons sont normalement pour les gens amoureux et bla bla bla...*» [жен., 2012, stereopoly.com].

(«Я скучаю по тебе. Я чувствую, что мне не хватает кислорода. Тогда я слушаю печальные и сентиментальные песни. Это песни, предназначенные для **влюбленных** и бла-бла-бла...»).

Тезисом примера 131 является утверждение «я сильно влюблена», а аргументом к нему выступает «тому доказательство – даже то, что я слушаю те песни, которые обычно слушают влюбленные». Данный пример подтверждает полученные экспериментальные данные.

132) «*Pourquoi... très bonne question. Mais William était incapable d'y répondre, bien qu'il savait qu'il n'aurait pas dû. Pour rendre une certaine personne jalouse? Noooooooooon, il n'y que les gens amoureux qui font ça et lui ne l'était pas! Et si jamais il...? Non non, arrête de délirer...*» [жен., 2012, mefaits-accomplis.forumactif.fr].

(«Почему... очень хороший вопрос. Но Уильям был неспособен ответить на него, хотя он знал, что, в принципе, и не должен. Заставить кого-то ревновать? Нееет, только **влюбленные люди** делают это, а он не был таким! А если он когда-нибудь ...? Нет, нет, прекрати бредить...»).

В дискурсивном фрагменте 132 тезис представлен утверждением «он не мог ревновать», которое сопровождается аргументом «поскольку он не был влюблен». Соответственно, данный пример служит подтверждением результатов проведенной нами экспериментальной работы.

Основываясь на анализе найденных в сети Интернет примеров с аргументативной структурой высказывания, делаем вывод о том, что в данном случае результаты проведенной нами экспериментальной работы подтвердились.

Прилагательное *complexe* ('сложный')

Прилагательное *complexe* ('сложный') также было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая прототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы, как с мужчинами-информантами (50 %), так и с женщинами (50 %).

В ходе экспериментальной работы нами было проанализировано 30 письменных дискурсивных фрагментов со словосочетанием *être humain /gens /homme /personne complexe* ('сложный человек / люди').

Анализ аргументативной составляющей в 20 высказываниях подтвердил результаты проведенной нами экспериментальной работы о том, что качество «быть сложным» является прототипическим для представлений о человеке во французском национально-лингво-культурном сообществе; в 5 высказываниях результаты не подтвердились; 5 высказываний требуют дополнительного анализа. На представленной ниже диаграмме (рисунок 74) в двух колонках столбцов представлено количество дискурсивных фрагментов, авторами которых являются мужчины либо женщины.

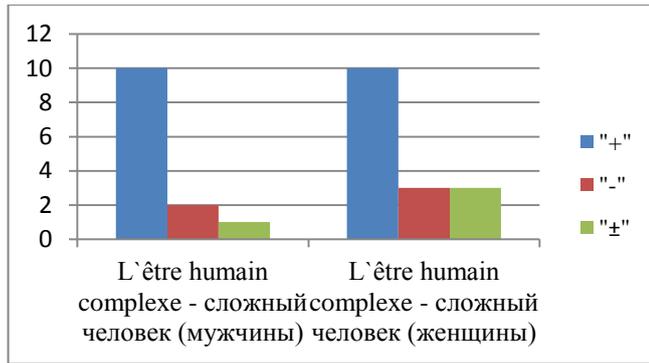

Рисунок 74 – Данные количественного анализа (прилагательное *complexe*)

Приведем примеры.

Авторами примеров №№ 133–138 являются мужчины.

133) «*Cette monumentale biographie retrace presque au jour le jour la vie de Guy de Maupassant, afin de la libérer des légendes qui courent sur son compte depuis sa mort et de rendre pleinement justice à cet homme complexe, d'une curiosité universelle, parfois assez désabusé, pour qui la littérature et les femmes furent une double et constante passion*» [Johnston M. «Guy de Maupassant», 2012, <https://www.fayard.fr/guy-de-maupassant-9782213628905>].

(«Эта монументальная биография рассказывает буквально о каждом дне жизни Ги де Мопассана, чтобы избавить ее от легенд, появившихся после его смерти, и в полной мере воздать должное этому **сложному человеку**, крайне любопытному, иногда довольно искушенному, для которого литература и женщины были двойной и постоянной страстью»).

В дискурсивном фрагменте № 133 наблюдаем следующую аргументативную структуру: тезис «литература и женщины были его постоянной страстью», аргумент «поскольку он казался сложным человеком».

134) «*La première partie de son récital toulousain est consacrée à un florilège des ces trop rares Préludes, ceux de l'op. 23, composés en 1903 et ceux de l'op. 32 datés de 1910. Rachmaninoff y déploie son art reconnaissable entre tous et que Vladimir Jankélévitch caractérise ainsi : "La seule condition requise pour recevoir le message de Rachmaninoff est la sincérité; la sincérité et l'absence de tout pédantisme; la sincérité et le consentement à l'ivresse qui nous emporte."*

La succession des pièces très intelligemment sélectionnées par l'interprète, brosse le portrait d'un homme complexe et déchiré par des humeurs opposées» [Chauzy S. «Grand Piano», 2017, <http://www.classictoulouse.com/a-festivals-piano-jacobins-2010-botkin2.html>].

(«Первая часть его сольного концерта в Тулузе была посвящена сборнику этих редких Прелюдий, из оп. 23, написанных в 1903 и оп. 32 1910-го года. Сквозь призму данных композиций Рахманинов демонстрирует те грани своего творчества, которые и получили всеобщее признание, и о которых Владимир Янкелевич говорил: «Единственное требование к тем, кто хочет понять послание Рахманинова – это искренность; искренность и отсутствие всякого педантизма; искренность и добровольное согласие на опьянение, увлекающее нас». Смена пьес, искусно отобранных исполнителем, рисует портрет сложного человека и вызывает самые разноплановые настроения»).

В примере № 134 прослеживается следующая аргументативная структура: «нужно быть искренним человеком, чтобы суметь понять послание Рахманинова» – тезис, «поскольку он – сложный, многогранный человек» – аргумент.

135) «Comme le dit son ancien professeur à Harvard, Charles Ogletree, “Barack Obama est **un homme complexe**, avec de nombreuses facettes”. Brillant orateur et politicien surdoué qui a réussi à mobiliser toute une nation en 2008, Obama a semblé perdre un peu de son énergie à la Maison Blanche depuis quatre ans. Les républicains l'accusent même d'un certain “detachment” et le qualifient souvent de président intellectuel et solitaire. Sa prestation lors du premier débat télévisé face à Mitt Romney n'a fait que confirmer ce sentiment auprès de ses détracteurs, qui ont souligné que le Président avait par moments semblé “totalement absent”» [Fabrice Rousselot «Libération», 06.11.2012].

(«Как сказал его бывший преподаватель из Гарварда, Чарльз Оглетри: “Барак Обама – **сложный**, многогранный **человек**”. Великолепный оратор и одаренный политик, которому удалось заручиться поддержкой всей нации в 2008 году, он, казалось, растерял свою энергию в Белом Доме за последние четыре года. Республиканцы даже обвиняют его в некоторой “отрешенности” и говорят о нем как о президенте–интеллектуале и одиночке. Его выступление на первых телевизионных дебатах против Митта Ромни только лишь подтвердили чувства критиков, подчеркнувших, что президент в тот момент “имел совершенно отсутствующий вид”»).

В примере № 135 представлен тезис «Обама не идеален, он такой же, как и все мы», аргумент «он **сложный**, противоречивый человек».

136) «*Pour un fan de Jack London, ce livre est parfait... C'est une biographie de Christopher McCandless, l'histoire vraie d'un jeune homme qui décide de plaquer toute son existence pour partir seul, quitter la civilisation et dépasser ses propres limites. Il va vers son destin, sans un adieu à ses proches, avec pour ligne d'horizon les montagnes et forêts de l'Alaska... pour vivre en totale communion avec la nature. Le livre retrace sa quête, jusqu'à sa mort tragique...L'écrivain s'est servi de tous les indices qu'il a pu trouver sur son parcours, et de témoignages de personnes qui l'ont rencontré. Chris est décrit comme une **personne complexe**, à multiples facettes, à la fois sauvage et sociable, déterminé, sans remord, avec un but en tête...*» [муж., Sketch Engine, 2012, arts.forumculture.net].

(«Для фаната Джека Лондона, эта книга прекрасна... Это биография Кристофера Маккэндлесса, подлинная история молодого человека, решившего сбежать от бытия, уехать в одиночестве, покинуть цивилизованный мир и выйти за рамки собственных возможностей. Он направляется навстречу своей судьбе, не попрощавшись с близкими, к линии горизонта с горами и лесами Аляски... чтобы жить в полном слиянии с природой. Книга рассказывает о его путешествии вплоть до момента

трагической смерти... Писатель опирается на реальные свидетельства и рассказы людей, встречавших его. Крис предстает **сложным многогранным человеком**, одновременно диким и общительным, решительным, безжалостным, с некой целью в голове...»).

В дискурсивном фрагменте № 136 тезисом является утверждение «Крис решил уехать в одиночестве, слиться с природой, познать неизведанное», а аргументом – «потому что он был сложный человек».

137) «*Olivier Duhamel est une **personne complexe** qui allie compétence et finesse d'analyse à parfois la plus parfaite mauvaise foi et un peu de grossièreté d'esprit*» [муж, «De la QPC, du corporatisme des juges, et de quelques approximations intellectuelles...», Journal d'un avocat, 2010, maitre-eolas.fr].

(«Оливье Дюамель – **сложный человек**, который сочетает в себе умение и аналитическую утонченность с совершеннейшей недобросовестностью и грубоватостью»).

В примере № 137 тезисом является утверждение «Оливье Дюамель – **сложный человек**», аргументом является утверждение «он сочетает в себе умение и аналитическую утонченность с совершеннейшей недобросовестностью и грубоватостью»

138) «*J'étais là, planté, les pieds dans le sable. Quand j'y pensais, j'étais un peu comme Naruto, en différent malgré tout. Moi je n'avais pas été rejeté, j'avais grandi seul, j'avais toujours été seul, je n'avais jamais vraiment eu d'ami, ni de contacts réguliers avec une quelconque personnes. J'étais une **personne complexe**, dure à approcher. On ne gagnait pas ma confiance si facilement, j'avais trop été trompé ou bien rusé qu'en ce jour, j'étais un tout autre garçon que celui que j'étais petit*» [муж., «Une première rencontre», 2012, naruto-sedai.forumactif.org].

(«Я был там, стоял как вкопанный. Когда я думал об этом, я немного ощущал себя Наруто, хотя и был другим, несмотря ни на что. Я не был отвергнут, я вырос в одиночестве, я всегда был одинок, у меня никогда по-настоящему не было друга и регулярного общения с людьми. Я был **сложным**

человеком, со мной было тяжело наладить контакт. Мое доверие было нелегко завоевать, я был обманут слишком много раз, поэтому в этот день я был совершенно другим мальчиком, непохожим на того, кем я был в детстве»).

В примере № 138, взятом с сайта любителей японских комиксов, отстаивается тезис о том, что пишущий похож на персонажа Наруто. В качестве аргумента автор указывает на свою склонность к одиночеству, нелюдимый характер – все это делает из него сложного человека.

Место и функции прилагательного *complexe* ('сложный') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны (пр. №№ 139-144).

139) *«Il faut bien sûr répondre aux attentes du moment de la clientèle, sans oublier que dans chaque client cohabitent un homme d'affaires, un touriste, un enfant et **une personne complexe** aux besoins multiples»* [Cécile Junod «Sortir de l'anonymat pour un autre art de vivre», 2000, https://www.lhotellerie-restauration.fr/lhotellerie/Articles/M_2668_01_Juin_2000/Mobilier-de-chambre.html]

*(«Конечно, мы должны оправдывать ожидания клиента, не забывая, что в каждом клиенте живут одновременно бок о бок бизнесмен, турист, ребенок и **сложный человек** со множеством потребностей»).*

В дискурсивном фрагменте № 139 тезисом является имплицитное суждение о том, что компания предоставляет высокий уровень сервиса, аргументом к тезису выступает *«поскольку мы стремимся угодить самым сложным людям»*.

140) *«Puis, plus sérieusement: “Je n'ai pas la prétention d'oser arguer vous avoir cerné”. Non, loin de là. Ce qui aurait été bien trop simple et quasiment dénué de tout intérêt. J'aime les **gens complexes**, mystérieux, et avec cette pointe de malice qui semble l'habiter. J'aime les gens qu'on ne connaît jamais vraiment, au fond. Les autres sont fades et, très rapidement, lassants. Calowell ne me semble*

pas faire partie de ces gens vides et insignifiants. Je ne perdrais pas mon temps ici en sa présence sinon, j'imagine» [жен., Sketch Engine, 2012, Favor-of-london.forumactif.ca].

(«Затем, более серьезным тоном он сказал: “Я не собираюсь вас преследовать”. Да нет, конечно, это было бы слишком просто и бессмысленно. Мне нравятся **сложные**, таинственные люди, нравится эта хитринка, которая, кажется, обитает в них. Мне нравятся люди, которых мы никогда не знаем по-настоящему. Другие – они бесцветные, от них быстро устаешь. А вот Каловел, как думается, к таким незначительным и пустым людям не относится. Мне казалось, что я не зря провожу время в его обществе»).

141) «*Communiquer est un mot qui ne fait pas partie de son vocabulaire, je t'assure. Les seuls mots qui sortent de sa bouche sont destinés à me rabaisser encore et encore»* souffla-t-elle, blasée. Non, elle ne s'imaginait pas entretenir une discussion posée et censée avec Silas, c'était impensable. Pas qu'elle ne veuille pas, mais il ne leur en laissait pas l'occasion. «Il doit sans doute penser que c'est plus facile de me détester. Enfin j'en sais rien... ce mec est un vrai casse-tête» songea-t-elle en croisant ses mains sous son menton, pensive. Oui, Silas était vraiment une **personne complexe** mais surtout imprévisible. Il fallait s'attendre à tout avec lui «*Mon petit doigt me dit qu'il t'intrigue»* répliqua la demoiselle sur un ton malicieux. Dawn eut pour première réaction d'hausser les épaules, signifiant qu'elle s'en fichait. Ou peut-être n'était-ce que ce qu'elle voulait faire croire» [жен., Sketch Engine, 2012, whathappensatcollege.forumgratuit.fr].

(«“Разговаривать” – это было слово, которое ему незнакомо, я тебя уверяю. Единственные слова, которые легко произносит его рот, предназначены лишь для того, чтобы меня унижать, – прошептала она. Невозможно было даже представить себе, что она вступает в дискуссию с Силасом. Не потому что она не хотела, а потому что он не давал такого шанса. Он, должно быть, думал, что проще ее ненавидеть. Да, Силас был

действительно **сложным человеком**, но прежде всего непредсказуемым. От него можно было ожидать всего, чего угодно»).

142) «*Qu'on lui reproche une certaine noirceur, un fétichisme perçu comme glauque lui importait peu. Il cultivait un mystère qui attisait les superlatifs dont on affublait son œuvre. Son suicide n'a fait qu'ajouter à cette aura et, pour nombre de ses fans, cela lui vaut une place au panthéon des génies autodestructeurs à la Kurt Cobain. "McQueen était un **homme complexe**, un esprit créatif habité. Peut-être même un visionnaire, explique plus sobrement Claire Wilcox dans le livre qui accompagne l'exposition. Mais en dépit des contradictions inhérentes à son personnage, ce qui est indiscutable, c'est son extraordinaire talent artistique pour transfigurer le tissu, ou tout autre matériau, de manière originale"» [Carine Bizet «Le testament triomphant d'Alexander McQueen», Le Monde, 21.03.2015].*

(«Для него неважно было, что его упрекают за определенную мрачность, фетишизм. Он культивировал тайну, которая и становилась первопричиной тех восхищенных похвал, которые вызывала его работа. Его самоубийство только обогатило эту ауру, и для многих его поклонников он занял место в пантеоне гениев, разрушивших самих себя, типа Курта Кобейна. «МакКуин был **сложным человеком**, живым творческим духом. Возможно, даже провидцем», – поясняет Клэр Уилкоккс в книге, которая сопровождает выставку. Но, несмотря на противоречия, присущие его характеру, неоспоримым является его необыкновенный художественный талант, с помощью которого он трансформирует ткань или какой-либо другой материал таким оригинальным способом»).

143) «*Caractéristiques Psychologiques: Kate est **une personne complexe**. Elle est généralement gentille et douce. Elle aime bien aider les gens qui la sollicitent, même si parfois le contrat comporte un meurtre. <...> Elle n'est pas très émotionnelle, sinon elle ne pourrait exercer ce métier qui exige parfois des effusions de sang. <...> C'est une personne mystérieuse <...>» [жен., Sketch Engine, 2012, rpg-chevalier.chocoforum.com].*

(«Психологические характеристики: Кейт – **сложный человек**. Она, как правило, добрая и нежная. Она любит помогать людям, которые просят об этом, даже если иногда контракт связан с убийством. <...> Она не очень эмоциональна, иначе она не смогла бы выполнять эту работу, которая иногда требует кровопролития. <...> Она таинственная личность <...>»).

144) «*A première vu, Zephyr a tout pour être détestable. C'est une **personne complexe** dont le caractère peut facilement varier selon son interlocuteur. Il est hypocrite et très doué pour le mensonge. Il sait jouer de son physique qu'il sait avantageux et trouver les bonnes paroles aux bons moments pour obtenir ce qu'il veut*» [жен., Sketch Engine, 2012, academie-seikoiko.forumactif.org].

(«С первого взгляда понятно, что Зефир – это человек, которого есть за что ненавидеть. Это **сложный человек**, чей характер может легко меняться в зависимости от собеседника. Он лицемерен и очень хорошо лжет. Он знает, как играть своей внешностью, которая, он и это знает, хороша, и знает, как найти правильные слова в нужное время, чтобы получить то, что он хочет»).

В примерах №№ 140–144 сочетания с прилагательным *complexe* являются в аргументативной структуре высказывания составной частью аргумента, призванного подтвердить мнение об исключительности человека, его привлекательности: Каловел (пр. № 140), Силас (пр. № 141), МакКуин (пр. № 142), персонажи компьютерных игр Кейт и Зефир (пр. №№ 143–144) объявляются привлекательными, интригующими, поскольку все они – «сложные люди».

Основываясь на анализе найденных в сети Интернет примеров, делаем вывод о том, что в данном случае результаты нашей экспериментальной работы подтвердились.

Прилагательное *humain* ('гуманный')

Прилагательное *humain* ('гуманный') было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая

непрототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы с мужчинами-информантами (20 %), однако номинирующая прототипическое качество, согласно результатам экспериментальной работы с женщинами-информантами (50 %).

В ходе экспериментальной работы нами было проанализировано 30 письменных дискурсивных фрагментов со словосочетанием *être humain /gens /homme /personne humain(e)* ('гуманный человек').

Анализ аргументативной составляющей высказываний, включающих вышеприведенные сочетания, опроверг данные, полученные в ходе экспериментальной работы с мужчинами респондентами, так как 7 дискурсивных фрагментов из 15 анализируемых подтвердили результаты проведенной нами экспериментальной работы о том, что качество «быть гуманным» является прототипическим для представлений о человеке, в 5 дискурсивных фрагментах наши предположения не подтвердились, а 3 требуют дополнительного анализа.

При анализе дискурсивных фрагментов, авторами которых были женщины, 6 дискурсивных фрагментов подтвердили результаты проведенной нами экспериментальной работы, 4 не подтвердили, а 5 высказываний требуют дополнительного анализа (рис. 75).

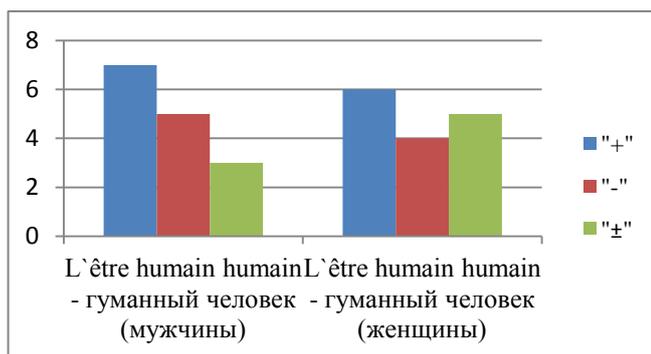

Рисунок 75 – Данные количественного анализа (прилагательное *humain*)

Приведем примеры.

Мужские дискурсы (№№ 145–149).

145) «*Bien sur que c'est honorable d'aider aux restos ... mais tout le monde peut aider à sa façon, je ne pense pas que Mr Riton se prenne pour un héros pour*

*autant et ce qui est un peu choquant pour moi c'est toute cette admiration pour cette action qui me semble normale pour des **gens humains**, j' aide à ma façon les personnes en détresse physiquement et financièrement et je ne me sens pas auréolée pour autant.....quand cela vient du coeur on n' a pas de mérite juste la satisfaction d'avoir fait» [муж., Sketch Engine, 2012, ritondecannes.fr].*

*(«Ну, помогать в кафе это – достойно... но каждый может помочь по-своему, я не думаю, что мистер Ритон, тем не менее, считает себя героем, и что меня шокирует, так это восхищение этим действием, которое кажется мне нормальным для **гуманных людей**, я помогаю людям, находящимся в беде, физически и финансово, и тем не менее я не чувствую у себя нимба над головой ... когда это идет от сердца, вы просто получаете удовлетворение от того, что вы сделали»).*

В примере № 145 тезисом является утверждение «я помогаю людям», а аргумент к нему «потому что это нормально для гуманных людей».

146) *«C'est un parcours difficile mais en tout cas chapeau à votre mari qui vous a épaulé. Je pense que le passage devant le jex va bien se faire du fait que votre maison est vendue. Expliquez tout cela au juge, ce sont des **gens humains** et compréhensifs, il ne faut pas en douter» [муж., «Passage devant le juge», Sketch Engine, 2012, surendettements.forumactif.com].*

*(«Это трудный путь, но, в любом случае, я снимаю шляпу перед вашим мужем, который вас поддержал. Я думаю, что с судьями все пройдет хорошо, ввиду того, что ваш дом продан. Объясните все это судье, они **люди гуманные** и понимающие, не нужно в этом сомневаться»).*

В дискурсивном фрагменте № 146 тезисом является утверждение «стоит все рассказать судье», аргументом к нему выступает «потому что судьи – гуманные люди».

147) *«J'ai eu le plaisir de: travailler avec des **gens humains** , drôles et gentils et franchement, ça redonne foi en l'espèce humaine, avoir un boulot*

passionnant (même si j'ai parfois pesté)» [муж., Sketch Engine, 2011, encoreunblogdepetasse.wordpress.com].

(«Я имел удовольствие работать с **гуманными**, смешными и добрыми людьми, и, честно говоря, увлекательная работа возвращает веру в человеческий род (даже если иногда меня что-то не устраивало)»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 147 является утверждение «у меня была увлекательная работа», а аргументом к нему «потому что я работал с гуманными, смешными и добрыми людьми».

148) «*Pour l'heure, je puis vous dire que je le soutiens, car il veut faire beaucoup de choses pour le pays. Je sais qu'il ne pourra pas tout faire mais n'empêche, il doit continuer à œuvrer pour le bien-être des populations. C'est mon souci, c'est mon combat et je resterai toujours aux côtés de ceux qui servent les populations. Le pacte sera donc respecté avec Me Wade. Me Wade a eu, dans le passé, d'excellentes relations avec la famille de Thierno Assane Dème dont ma mère est issue. C'est un **homme humain** et généreux et je souhaite qu'il tende la main à l'opposition si les responsables de l'opposition refusent, alors le peuple saura qui veut le servir et qui veut s'en servir*» [муж., Sketch Engine, 2012, lemessagersn.info].

(«Я сейчас здесь, чтобы сказать, что я его поддерживаю, потому что он хочет сделать многое для страны. Я знаю, что он не сможет сделать все, но он должен продолжать трудиться на благо народа. Таким образом, соглашение с Ме Вад будет выполнено. У Ме Вад в прошлом были прекрасные отношения с семьей Тьерно Ассан Дэм, откуда родом моя мать. Это **гуманный** и великодушный человек, и я надеюсь, что он протянет руку оппозиции. Если оппозиционные лидеры откажутся, тогда народ узнает, кто хочет ему служить, а кто хочет его использовать»).

В примере № 148 тезисом служит утверждение «он протянет руку оппозиции, он хочет служить народу, помогать ему», а аргументом «потому что он гуманный человек».

149) «*Sophie courage tu vas voir comme Nicolas est un homme humain très gentil, il te mettra à l'aise de suite et tu te sentiras bien avec lui gros bisous pour demain ma belle*» [муж., 2012, trans-forum.biz].

(«Держись, Софи, ты увидишь какой Николя гуманный и очень милый человек. Он сразу приведет тебя в порядок, и ты почувствуешь себя лучше с ним, целую, моя красавица»).

В дискурсивном фрагменте № 149 тезисом является утверждение «Николя стоит доверять», а аргументом «потому что он гуманный человек».

Согласно проанализированным примерам, качество «быть гуманным» является прототипическим качеством человека для мужчин-представителей французской лингвокультуры.

Место и функции прилагательного *humain* ('гуманный') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, идентичны (пр. №№ 150–154).

150) «*Je suis d'accord, l'image du méchant patron capitaliste est un peu datée. Souvent les patrons sont des gens humains qui pensent à la survie de leur entreprise et à leur salarié, rechignant à faire des licenciements*» [жен., «Le privilège du travail intellectuel sur le travail physique», Sketch Engine, 2009, prisedebec.forumactif.fr].

(«Я согласен, образ злого начальника-капиталиста немного устарел. Часто начальники – это гуманные люди, которые думают о выживании своей компании и своем работнике, неохотно увольняя»).

В дискурсивном фрагменте № 150, тезисом является утверждение «руководители-капиталисты остались в прошлом», аргументом выступает «потому что сегодняшние руководители – это гуманные люди, которые думают о выживании своей компании и о работниках».

151) «*Oui il était super sympa, il est resté avec moi 20 minutes et m'a donné des graines gratuitement sans m'inciter à acheter quoi que ce soit. Ca fait plaisir de rencontrer des gens humains et désintéressés, c'est tellement rare!*» [жен.,

«Bébé tourterelle ... besoin de conseils!», Le forum des tourterelles, Sketch Engine, 2011, elevagetourterelles.actifforum.com].

(«Да, он был очень симпатичный, он провел со мной 20 минут и дал мне бесплатные семена, не принуждая ничего покупать. Приятно познакомиться с **гуманными** и бескорыстными людьми, это так редко встречается!»).

В примере № 151 прослеживается развертывание тезиса «он – хороший», в поддержку которого используется аргумент «поскольку он гуманный человек, а такие нынче редкость».

152) «*“Dans ce bar, je me sentais chez moi”, poursuit-elle. “J’aimais sa lumière rouge, et ces **gens humains** et généreux qui prenaient le risque de vivre”*» [Bernadette Sauvaget «Libération», 2015].

(«*“В этом баре я чувствовала себя как дома”, – продолжает она. “Я любила его красный свет и тех щедрых, **гуманных людей**, которые жили, рискуя”*»).

Тезисом в дискурсивном фрагменте № 152 является «в этом баре я чувствовала себя как дома», аргументом «потому что я обожала обстановку и щедрых, гуманных людей».

153) «*Son ton avait pris un certain volume plus violent. Il devenait à cran. Il sentait qu’il se dévoilait trop facilement. Pourtant le sourire de Constance put le faire redevenir normal. Il se sentait tellement bien avec elle. Il pouvait se confier. Ce n’était pas facile, c’était un geste normal que faisait les **gens humains***» [жен., Sketch Engine, 2012, berkeley-u.com].

(«Он заговорил громче. Он начинал нервничать. Он чувствовал, что слишком легко выдает себя. И все же улыбка Констанции смогла вернуть его в нормальное состояние. Он чувствовал себя так хорошо с ней. Он мог довериться. Это было нелегко, но это было нормально для **гуманных людей**»).

В примере 153 тезисом является утверждение «улыбка Констанции

помогла ему вернуться в нормальное состояние», а аргументом – «потому что это нормальный жест для гуманного человека».

154) «*Eventuellement un petit “BONJOUR” serait apprécié ! Je ne suis pas une machine-robot mais **une personne humaine** qui vous aide*» [жен., Sketch Engine, 2012, oiseaux-perdus.skynetblogs.be].

(«*В конце концов, маленькое “здравствуйте” не помешало бы! Я не робот, а гуманный человек, который вам помогает*»).

В примере 154 реализуется тезис о том, что «*необходимо быть вежливым*», а аргумент – «*я не робот, а гуманный человек, который вам помогает*».

Таким образом, в большинстве проанализированных примеров сочетания с прилагательным *humain* являются составной частью аргумента в пользу отстаиваемого говорящим тезиса, что подтверждает нашу гипотезу о том, что прототипические прилагательные склонны в большей степени выступать в позиции аргумента. Кроме того, данный вывод согласуется с результатами нашей экспериментальной работы с женщинами–респондентами.

Прилагательное *faible* ('слабый')

Прилагательное *faible* ('слабый') было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая непрототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы, как с мужчинами-информантами (20 %), так и с женщинами (20 %).

В ходе экспериментальной работы нами было проанализировано 30 письменных дискурсивных фрагментов со словосочетанием *être humain / gens / homme / personne faible* ('слабый человек/ люди').

Анализ аргументативной составляющей дискурсивных фрагментов, авторами которых являются мужчины, показал, что в 5 случаях качество «быть слабым» является прототипическим для представлений о человеке во

французском национально-лингвокультурном сообществе, согласно 9 высказываниям, данное качество прототипическим не является, а 1 высказывание требует дополнительного анализа (рисунок 76).

Анализ высказываний, авторами которых являются женщины, показал, что в 4 дискурсивных фрагментах данное качество является прототипическим, в 8 – не прототипическим, 3 высказывания требуют дополнительного анализа (рисунок 76).

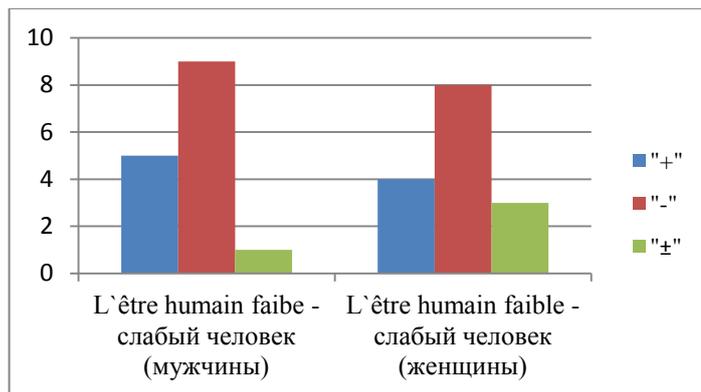

Рисунок 76 – Данные количественного анализа (прилагательное *faible*)

Приведем примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 155–157)

155) «*Cependant, cette arme de Satan n'est efficace que contre les gens faibles, ceux qui n'ont pas de foi. Les personnes sincères et dévouées ne sont jamais affectées par ceci, et elles aperçoivent clairement la supercherie de Satan*» [муж., «L'église de Satan», <http://www.bismillah-debats.net/L-eglise-de-Satan.html>, 2004].

(«*Однако это оружие Сатаны действует только против слабых людей, у которых нет веры. Истинные и преданные люди никогда не попадают под такое влияние, и ясно видят обман Сатаны*»).

В высказывании № 155 разворачивается следующая аргументативная структура: «*оружие Сатаны действует только на слабых людей*» – тезис, «*потому что у них нет веры*» – аргумент.

156) «*Leurs visages se posèrent contre celui d'Olivier, et, parce qu'ils étaient de très jeunes gens, tellement faibles, tellement apeurés par la vie, ils se mirent à pleurer tous les deux*» [Sabatier Robert «Lire aussi», 1969].

(«*Их лица склонились к Оливье, и, поскольку они были очень молодые люди, такие слабые, так испуганные жизнью, то оба начали плакать*»).

Пример № 156: «они начали плакать» – тезис дискурсивного фрагмента, «потому что они были слабыми людьми» – аргумент.

157) «*Je pensais que la foi n'était destinée qu'aux gens faibles, qui ne savaient pas se servir de leur intelligence*» [муж., «Histoires vraies N°56 – Tout à coup, je fus confronté avec la mort!», Sketch Engine, 2017, forumarchedemarie.forumperso.com].

(«*Я думал, что вера только для слабых людей, которые не знают, как использовать свой ум*»).

Пример № 157: «вера для слабых людей» – тезис, «поскольку они не знают, как использовать свой ум» – аргумент.

Анализ примеров (15 ед.), авторами которых являются мужчины, свидетельствует о том, что слабость не является качеством прототипического человека, по мнению французских–мужчин респондентов, что подтверждает результаты проведенной нами экспериментальной работы.

Место и функции прилагательного *faible* ('слабый') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 158–160).

158) «*Die était de ce genre là, mais ce qu'il y avait surtout c'était qu'il était jaloux. Diablement jaloux, jaloux de tout. Les gens jaloux sont des gens faibles à l'intérieur d'eux mêmes, et en manque très probable d'affection qu'ils n'ont pas reçu durant leur enfance*» [жен., Sketch Engine, 2012, wammys-house.forums-actifs.net].

(«Ди был из таких, но главное – он был ревнивый. Дьявольски ревнивый, ревнивый ко всему. Ревнивые люди – это **слабые** внутри люди и им, скорее всего, не хватает любви, которую они не получали в детстве»).

Пример № 158: «ревнивые люди – слабые люди» – тезис аргументирующего дискурса в данном фрагменте, «они не получали достаточно любви в детстве» – аргумент.

159) «*Les fumeurs sont à mes yeux des **gens faibles** : ils sont dominés par le tabac*» [жен., «Les témoignages», Stop-Tabac, Sketch Engine, 2012, stoptabac.ch].

(«На мой взгляд, курильщики – **слабые люди**: они подчиняются табаку»).

Пример № 159: «курильщики – слабые люди» – тезис, «они зависимы от табака» – аргумент.

160) «*Il me semble que, au contraire, ce sont les **gens faibles** (enfants, vieilles personnes, malades..) qui doivent avoir droit au maximum de respect, puisqu'ils sont privé de la possibilité de se défendre tout seuls*» [жен., Sketch Engine, 2012, lodevemaville.free.fr].

(Мне кажется, что напротив, **слабые люди** (дети, пожилые люди, больные) должны иметь право на максимум уважения, поскольку они лишены возможности защитить себя самостоятельно).

Пример № 160: «слабые люди должны иметь максимум уважения» – тезис аргументирующего дискурса, представленного в данном фрагменте, «они не могут защитить себя самостоятельно» – аргумент.

Данные примеры подтверждают результаты нашей экспериментальной работы, указывающие на то, что слабость не является качеством прототипического человека, по мнению французских женщин–респондентов.

Таким образом, прототипический человек является слабым, по мнению французских мужчин, и не является таковым, по мнению женщин–респондентов.

Прилагательное *égoïste* ('эгоистичный')

Прилагательное *égoïste* ('эгоистичный'), было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая непрототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы, как с мужчинами-информантами (0 %), так и с женщинами (10 %).

В ходе анализа, нами было изучено 30 письменных дискурсивных фрагментов со словосочетанием *être humain / gens / homme / personne égoïste* ('эгоистичный человек / люди').

Анализ аргументативной составляющей дискурсивных фрагментов, авторами которых являются мужчины, показал, что в одном примере качество «быть эгоистичным» является прототипическим, в 9 высказываниях прототипический человек не является эгоистичным, а 5 высказываний требуют дополнительного анализа (рис. 77).

При анализе аргументативной составляющей дискурсивных фрагментов, авторами которых являются женщины, в одном дискурсивном фрагменте качество «быть эгоистичным» является прототипическим для представлений о человеке во французском национально-лингво-культурном сообществе, в 8 высказываниях прототипический человек не является эгоистичным, а 6 высказываний требуют дополнительного анализа (рис. 77).

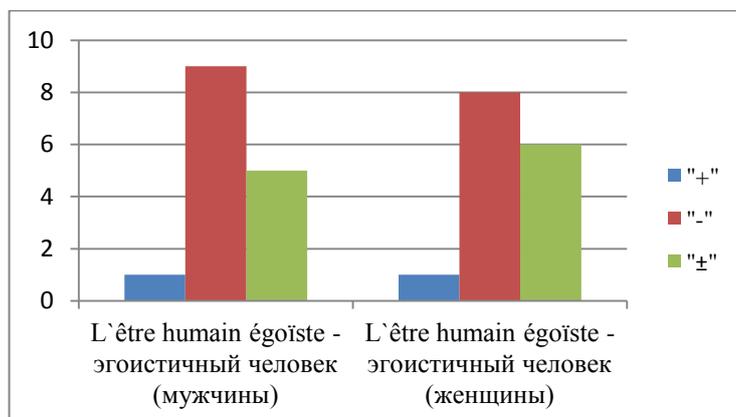

Рисунок 77 – Данные количественного анализа (прилагательное *égoïste*)

Приведем примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 161-164).

161) «*Les Larquais disaient que c'était un **homme égoïste** et sans racine, qui ne se souciait de personne*» [Daoud Kamel «Meursault contre-enquête», 2013].

(«Ларке говорили, что он **эгоистичный** человек, из тех, что не помнят родства, которым на всех плевать»).

162) «*Elle n'aime pas les **gens égoïstes**, égocentriques, qui se plaignent tout le temps, les gens qui voient la vie trop rose*» [муж., Sketch Engine, 2012, spidia.fr-bb.com].

(«Она не любит **эгоистичных**, **эгоцентричных** людей, которые постоянно жалуются и видят жизнь в слишком розовом цвете»).

163) «*J'en peux plus de ces **gens égoïstes** et injustes, qui dominent le Monde selon leurs envies et leur bon plaisir*» [муж., «L'humanité pète les plombs», Sketch Engine, 2012, <http://w41k.com/57855>].

(«С меня достаточно этих **эгоистичных** и несправедливых людей, которые правят Миром, исходя из своих желаний и ради своего удовольствия»).

164) «*Au contraire, elle déteste tous ces **gens égoïstes** qui ne savent que donner aux autres l'impression qu'ils sont nettement supérieurs à eux, ce qui n'est fort heureusement pratiquement jamais le cas*» [муж., Sketch Engine, 2012, miradelphia.forumpro.fr].

(«Напротив, она ненавидит всех этих **эгоистичных** людей, которые умеют только создавать впечатление о собственном превосходстве над другими людьми, что, к счастью, практически никогда не соответствует действительности»).

Все приведенные дискурсивные фрагменты имеют схожую структуру аргументации: (пр. № 161): «он – **эгоистичный** человек» – тезис, «ему на все плевать» – аргумент дискурсивного фрагмента; (пр. № 162) «она не любит **эгоистов**» – тезис данного фрагмента, «они слишком много жалуются и видят жизнь в розовом цвете» – аргумент; (пр. № 163): «**эгоистичные** люди непереносимы» – тезис, «они правят Миром исходя из своих интересов и

ради своего удовольствия» – аргумент; (пр. № 164): «она ненавидит этих эгоистичных людей» – тезис, они «знают только, как создавать впечатление в глазах других, о том, что они явно превосходят их» – аргумент.

Приведенные примеры (№№ 161–164) подтверждают результаты нашего эксперимента, свидетельствующие о том, что прототипический человек не эгоистичен, по мнению мужчин–респондентов.

Место и функции прилагательного *égoïste* ('эгоистичный') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 165–169).

165) «*Puis elle n'aime pas les **gens égoïstes** , indifférents, cruels. Oui elle ne comprend tout simplement pas comment on peut faire souffrir gratuitement des gens, des animaux, ou même des plantes*» [жен., ville-maudite.com, Sketch Engine, 2012].

(«К тому же, ей не нравятся **эгоистичные**, равнодушные, жестокие люди. Да, она просто не понимает, как можно просто так заставлять страдать людей, животных или даже растения»).

В примере № 165 тезисом является утверждение «ей не нравятся эгоистичные люди», а аргументом – «они заставляют страдать людей, животных или даже растения».

166) «*Ma mère était une **personne égoïste** , elle a toujours fait primer ses intérêts sur les miens*» [жен., avada-kedavra.forumgratuit.fr, Sketch Engine, 2011].

(«Моя мать была **эгоистичным** человеком, ее интересы всегда значили для нее больше, чем мои»).

В примере № 166 тезис представлен утверждением «моя мать была эгоистичным человеком», а аргумент – «потому что она ставила свои интересы выше моих».

167) «*Je ne suis une fille assez ouverte et très sociale. Cependant aider les autres , ce n'est pas du tout pour moi. Donc oui! Je suis une **personne égoïste** et je sais fort bien qu'un jour, cela va me jouer des tours mais qu'est-ce que tu veux, j'y*

peux rien» [жен., lessecretsdepalms.meilleurforum.com, Sketch Engine, 2013].

(«Я достаточно открытая и общительная девушка. Однако помогать другим – это совсем не про меня. Что ж, да, я эгоистичный человек, и я прекрасно понимаю, что однажды это сыграет со мной злую шутку, но что ты хочешь, я ничего с этим поделать не могу»).

В дискурсивном фрагменте № 167: «я эгоистичный человек» – является тезисом, «потому что я не помогаю людям» – аргументом.

168) *«Je deteste l'injustice, les pauvres personnes qui meurent dans le froid ca me révolte j'aime pas les **gens égoïstes** les personnes qui commande et qui se prennent pour quelqu'un <...> lol»* [жен., lablackoce.skyrock.com, Sketch Engine, 2012].

(«Я ненавижу несправедливость, бедные люди, которые умирают на холоде, это меня бесит, мне не нравятся эгоистичные люди, которые контролируют людей и выдают себя за кого-либо другого»).

В примере № 168 тезисом является утверждение «мне не нравятся эгоистичные люди», а аргумент – потому что они «контролируют людей и выдают себя за кого-либо другого».

169) *«Je sais que le terme "égoïsme" a une mauvaise réputation. Qui lui a donné une mauvaise réputation? Les altruistes et irrationnelle des **gens égoïstes** qui veulent vous d'agir dans leur meilleur intérêt»* [жен., Sketch Engine, 2012, fr.digitalpapier.com, Sketch Engine].

(«Я знаю, что термин “эгоизм” имеет плохую репутацию. Кто дал ему такую репутацию? Альтруисты и неразумное поведение эгоистичных людей, которые хотят, чтобы вы действовали в их интересах»).

В примере № 169 за тезис высказывания примем утверждение, что «термину «эгоизм» дало плохую репутацию неразумное поведение эгоистичных людей», «потому что они хотят, чтобы вы действовали в их интересах» – аргумент.

Данные примеры подтверждают результаты нашего эксперимента,

указывающие на то, что прототипический человек неэгоистичный, по мнению французских женщин–респондентов.

Прилагательное *idiot* ('глупый')

Прилагательное *idiot* ('глупый') также было предварительно классифицировано нами как признаковая единица, номинирующая непрототипическое качество человека, согласно результатам экспериментальной работы, как с мужчинами-информантами (0 %), так и с женщинами (0 %).

В ходе экспериментальной работы нами было проанализировано 30 письменных дискурсивных фрагментов со словосочетанием *être humain /gens /homme /personne idiot* ('глупый человек/ люди').

Анализ аргументативной составляющей в 2 высказываниях показывает, что качество «быть глупым» является прототипическим для представлений о человеке во французском национально-лингво-культурном сообществе, в 26 данное качество является непрототипическим, 2 высказывания требуют дополнительного анализа (рис. 78).

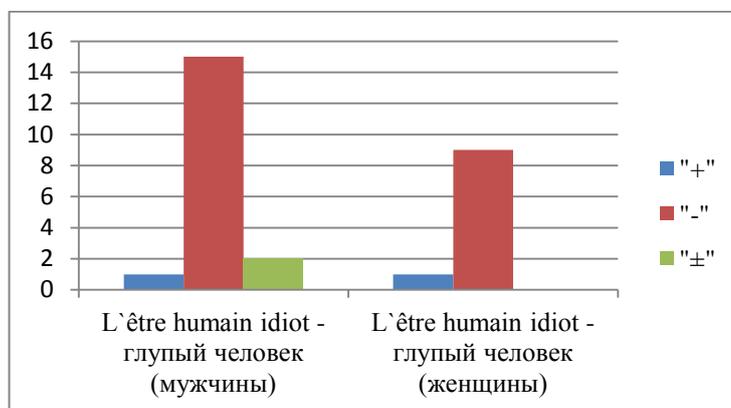

Рисунок 78 – Данные количественного анализа (прилагательное *idiot*)

Приведем примеры.

Мужские дискурсы (пр. №№ 170-172).

170) «*De toute façon, s'il était réellement intéressant, il n'aurait même pas besoin de parler pour qu'on vienne le voir, non? C'était aussi par peur. La peur de tomber sur une **personne idiote** qui passe son temps à faire et dire des idioties*» [муж., Sketch Engine, 2012, fantastic-highschool.superforum.fr].

(«Во всяком случае, если бы он был действительно интересным человеком, ему не нужно было просить, чтобы его навестили, нет? Это происходило также из-за страха. Страх наткнуться на **глупого человека**, который все свое время делает и говорит глупости»).

В примере № 170 за тезис примем утверждение «к нему никто не приходил из-за страха», «он боялся наткнуться на глупого человека» – аргумент.

171) «*Pourquoi on devrait pardonner à ces **gens idiots** qui nous ont pourris la vie, je ne suis pas d'accord. Le psy maintenant me dit que je ne suis pas obligé de pardonner*» [муж., Sketch Engine, 2012, hyperphagiecompulsive. blog4ever.com].

(«Почему мы должны прощать тех **глупых людей**, которые нам портят жизнь, я не согласен. Психолог теперь говорит мне, что я не обязан прощать»).

В дискурсивном фрагменте № 171 тезисом является утверждение «я не хочу прощать глупых людей», «потому что они портят жизнь» – аргумент.

172) «*J'tais une **personne idiote** parce que j'ai d prendre médicaments*» [муж., Sketch Engine, 2012, achetervermox.10-host.com].

(«Я был глупым человеком, потому что мне пришлось принимать лекарства»).

В примере № 172 тезисом является «я был глупый», а аргументом – «потому что мне пришлось принимать лекарства». Данные примеры подтверждают результаты нашей экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек неглуп, по мнению французских мужчин-респондентов.

Место и функции прилагательного *idiot* ('глупый') в аргументативной структуре высказываний, авторами которых являются женщины, совпадают (пр. №№ 173–174).

173) «*N'écoute pas les **gens idiots** et sois sûre que bcp de parents, comme*

moi, ont bcp d'admiration pour les personnes comme toi qui s'occupent au jour le jour de nos enfants!!» [жен., Sketch Engine, 2012, gusetcie.canalblog.com].

(«*Не слушай глупых людей, и будь уверена, что многие родители, как я, восхищаются такими людьми как ты, которые занимаются нашими детьми изо дня в день»*).

В примере № 173 за тезис примем высказывание «*я ненавижу глупых людей*», а за аргумент утверждение, что они «*убеждены, что они всегда правы и что они все знают*». Данный пример подтверждает результаты нашей экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек не глупый, по мнению французских женщин-респондентов.

174) «*Ce que je déteste : <...> les gens idiots qui sont persuadés qu'ils sont toujours raison et qu'ils savent tout*» [жен., Sketch Engine, 2012, when-love-takes-over.forumactif.com].

(«*Что я ненавижу: глупых людей, которые убеждены, что они всегда правы и что они все знают*»).

В примере № 174 тезисом будет утверждение «*он делал людей глупыми*», а аргументом – «*он заставлял их верить в глупые вещи*». Данный пример подтверждает результаты нашей экспериментальной работы, свидетельствующие о том, что прототипический человек неглуп, по мнению французских женщин-респондентов.

2.4.2. Коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале французского подкорпуса)

Вторым этапом работы со словосочетанием был коммуникативный анализ. Как и для работы с русскоязычным материалом, нами были отобраны видеоролики из сети Интернет со словосочетаниями *être humain/ homme / personne/ gens* + прилагательное из списка прототипических по результатам

экспериментальной работы. С помощью компьютерной программы Praat мы провели анализ и обработку речи с учетом высоты тона, характера форманты и интенсивности речи и определили тему и ремю дискурсивных фрагментов на основе их акустических характеристик.

Нами были найдены видеофрагменты с двумя такими прилагательными: *intelligent et curieux*.

Прилагательное *intelligent* ('умный')

175) «*Je viens d'apprendre la démission du pape, c'est vraiment une grande surprise. Mais c'est un Homme intelligent, il sait ce qu'il fait donc s'il a pris cette décision c'est qu'il a des raisons*» [«C'est un homme intelligent, il sait ce qu'il fait», RTL info, выпуск от 11.02.2018, <http://www.rtl.be/info/video/432684.aspx>].

(«Я только что узнал об отставке Папы – это на самом деле большой сюрприз. Но он умный человек, знает, что делает, поэтому, если он принял такое решение, это значит, что были на то причины»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 175 становится «решение папы обосновано», аргументом – «он умный человек и знает, что делает».

Данные представлены на осциллограмме (рисунок 79).

Рисунок 79 – Прилагательное *intelligent*

Словосочетание *homme intelligent* выступает в качестве темы (рисунок 79), мы видим, что говорящий не выделяет его повышением силы основного тона. Ремой дискурсивного фрагмента становится существительное *surprise*.

176) *Emmanuel Macron est un Homme intelligent, c'est un homme séduisant, un Homme qui a su tracer son chemin* [«Pour reconstruire la gauche, Chevènement “voterait plutôt Mélenchon”, mais...», Politique, Europe 1, выпуск от 23.3.2017 8:37, <http://www.europe1.fr>].

(Эмануэль Макрон умный человек, это привлекательный человек,

который смог проложить себе дорогу).

Тезисом дискурсивного фрагмента 176 становится: «Макрон смог добиться успехов на своем поприще». Аргументация: «он умный человек».

Данные представлены на осциллограмме (рисунок 80).

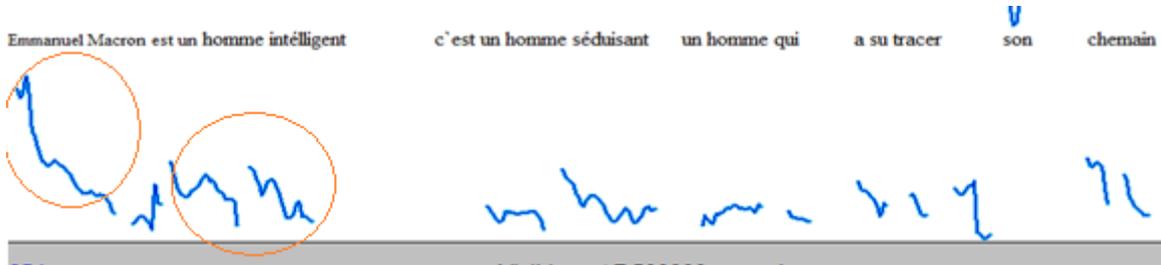

Рисунок 80 – Прилагательное intelligent

Словосочетание *homme intelligent* выступает в качестве темы (рис. 80) – мы видим, что говорящий не выделяет его интонационно. Ремой дискурсивного фрагмента становится имя собственное *Emmanuel Macron*.

Прилагательное *curieux* ('любопытный')

177) «*Je vais tout vous montrer parce que moi je sais que j'aime bien les gens curieux parce que moi aussi je suis une personne très curieuse et j'aime bien savoir ce que les autres ont reçu*» [Youtube, от 25.07.2016, <https://www.youtube.com/watch?v=uUVEeriRrmw>].

(«Сейчас я вам все покажу, потому что мне очень нравятся любопытные люди, так как я сама тоже очень любопытная и хочу знать, что же другие получили»).

Тезисом дискурсивного фрагмента № 177 становится «Я люблю любопытных людей». Аргументация: «потому что я сама очень любопытный человек».

Данные представлены на осциллограмме (рисунок 81).

Рисунок 81 – Прилагательное *curieux*

Une personne curieuse выступает в качестве темы, поскольку мы видим, что говорящий не выделяет его интонационно. Ремой данного дискурсивного фрагмента становятся словоформы *bien* и *reçu*.

Итак, в результате проведенного анализа устных дискурсивных фрагментов нами был подтвержден тот факт, что проанализированные прилагательные *intelligent* и *curieux* выполняют в высказывании функцию темы, что соответствует результатам экспериментальной работы и не противоречит выдвинутой гипотезе.

2.4.3. Аргументативно-коммуникативный потенциал прилагательных, номинирующих прототипические и непрототипические качества человека (на материале экспериментальной работы с французскими информантами)

В процессе исследования были найдены дискурсивные фрагменты, которые требовали дополнительного анализа, в силу амбивалентности их аргументативной структуры (прототипическое прилагательное в них могло выступать как тезисом, так и аргументом). Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу, мы провели аргументативно-коммуникативный анализ, попросив франкоговорящего респондента, женщину 23 лет, прочитать данные высказывания, при этом из текста были убраны все знаки препинания. Сделанные записи были проанализированы при помощи программы акустической обработки речи Praat, а затем нами были выявлены тема и рема данных озвученных дискурсивных фрагментов.

Рассмотрим иллюстративные примеры.

178) «*Nous devons essayer de convaincre les décideurs que notre lutte est juste et raisonnable, et l'expérience nous a montré combien c'est difficile. Comme nous sommes des gens intelligents, très engagés et très convaincus, nous ne serons pas toujours d'accord sur les objectifs, les stratégies et les procédures. Ne nous leurrons pas: nous partageons le même intérêt pour l'éducation des adultes, certes,*

mais nous sommes aussi des concurrents, et rivalisons entre nous pour obtenir les rares financements pour nos projets» [муж., <https://www.dvv-international.de/index.php?id=767&L=2>].

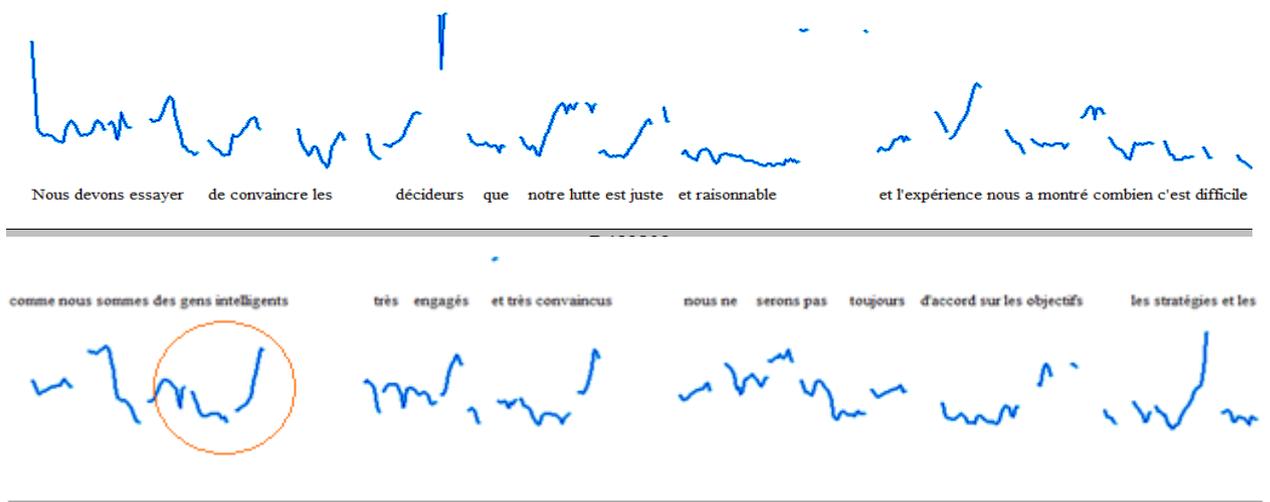
*(«Мы должны попытаться убедить руководителей в том, что наша борьба справедливая и обоснованная, а опыт показывает нам, насколько это сложно. Поскольку мы **умные люди**, вовлеченные и очень убежденные, наше мнение относительно целей, стратегий и способов решения задач не всегда будет совпадать. Не будем обманывать себя: разумеется, образование взрослых – это сфера наших интересов, но мы также являемся конкурентами и состязаемся между собой ради получения немногочисленных средств для финансирования наших проектов»).*

Данный пример можно трактовать двояко:

– тезис «мы умные люди», аргументация «потому что у нас есть свое мнение, и мы попытаемся убедить власть, хоть это и трудно»;

– тезис «у нас есть свое мнение, и мы будем пытаться убедить власть, хоть это и трудно», аргументация «потому что мы умные люди».

Для выявления верных тезиса и аргумента, при помощи программы Praat, мы провели анализ и обработку речи и определили тему и рему высказываний на основе данных акустических характеристик (рисунок 82).

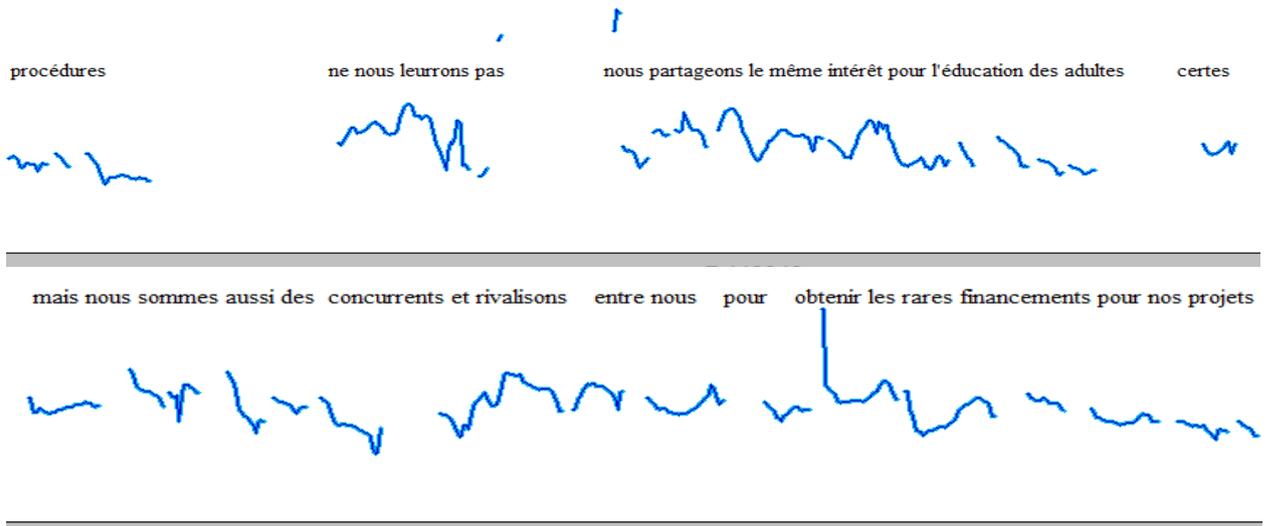

Рисунок 82 – Осциллограмма Praat intelliGent

На рисунке 82 мы видим повышение основного тона на прилагательном *intelligent*, что означает, что в данном примере исследуемое прилагательное является ремой высказывания. В таком случае данный дискурсивный фрагмент будет иметь следующую аргументативную структуру: тезис «мы умные люди», аргументация «потому что у нас есть свое мнение и мы попытаемся убедить власть, хоть это и трудно».

Делаем вывод, что в данном примере прилагательное *intelligent* не подтверждает нашу гипотезу, так как выступает в качестве тезиса и в качестве ремы (на основании акустических характеристик).

179) «Je suis une **personne ambitieuse rêveuse combattante** pour réaliser mes rêves malgré toutes les difficultés qui m'arrivent. Je vais vous raconter mon histoire comme elle est passée ni moins, ni plus je sais que j'ai commis des erreurs comme j'ai fait des bonnes choses, je ne suis pas un ange mais je ne suis pas un diable, je suis un être humain. Je serai très heureuse d'avoir vos avis que se soient positives ou négatives, merci encore une fois...» [жен., <https://www.facebook.com/Dz.De.Luxe/photos/a.895889910440286.1073741900.213385468690737/899506223411988/>].

(«Я амбициозный человек, мечтательница, сражающаяся за осуществление своих грез, несмотря на все сложности, которые появляются на пути. Я расскажу вам свою историю, так, как все было на самом деле, я

знаю, что наделала ошибок, совершила хорошие поступки, я не ангел, но и не дьявол, я человек. Я буду рада услышать ваши мнения, какими бы они ни были: положительными или отрицательными. Спасибо еще раз»).

Данный пример также имеет амбивалентную структуру:

- «я амбициозный человек», аргументация «потому что я стараюсь осуществить свои мечты, какие бы трудности не вставали на моем пути»;
- «я стараюсь осуществить свои мечты, какие бы трудности не вставали на моем пути», аргументация «потому что я амбициозный человек».

Для выявления тезиса и аргумента, при помощи программы Praat, мы провели анализ и обработку речи и определили тему и рему высказываний на основе данных акустических характеристик (рисунок 83).

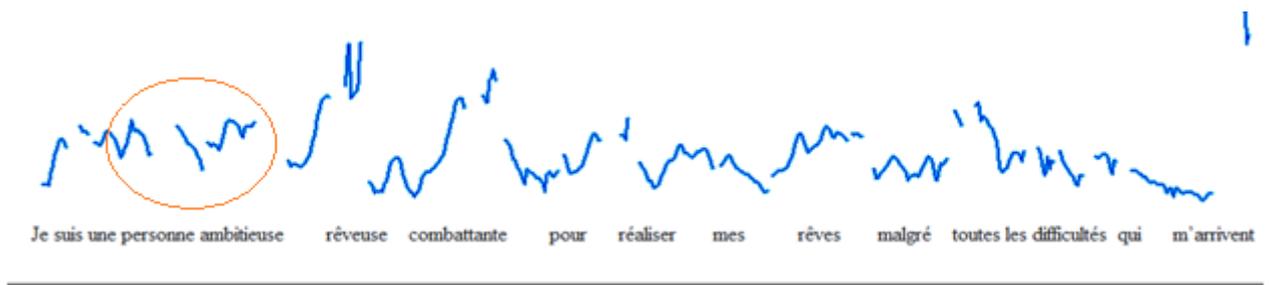

Рисунок 83 – Осциллограмма Praat ambitieux

В данном примере не наблюдается значительной инклинации тона на исследуемом прилагательном, и оно, скорее, является темой высказывания. В таком случае данный дискурсивный фрагмент будет иметь следующую аргументативную структуру: «я стараюсь осуществить свои мечты, какие бы трудности не вставали на моем пути» (тезис), «потому что я амбициозный человек, мечтатель» (аргумент).

Делаем вывод, что в данном примере, прилагательное *ambitieux* является прототипическим, так как выступает в качестве аргумента и в качестве темы (на основании акустических характеристик).

180) «Je suis **une personne amoureuse** de la nature, j'aime bouger a l'extérieur, marche, patin a roue aligné, vélo ect. je suis une personne simple, enjoué, respectueux, fidele qui aime la musique, la danse, la nature. Je cherche une

belle complicité avec toi qui aime rire et bouger <...> [жен., https://www.pof.com/viewprofile.aspx?profile_id=142772220].

(«*Я влюбленный в природу человек, я люблю активную деятельность на свежем воздухе, ходьбу, катание на роликах, на велосипеде и т.д. Я очень простой человек, веселый, уважительный, преданный, который любит музыку, танцы, природу. Я ищу взаимопонимания с тобой, любителем смеяться и двигаться...*»).

Данный дискурсивный фрагмент имеет амбивалентную аргументативную структуру:

– «*я влюбленный в природу человек*», аргументация: «*потому что мне нравится двигаться, заниматься спортом на свежем воздухе*»;

– «*мне нравится двигаться, заниматься спортом на свежем воздухе*», аргументация: «*потому что я влюбленный в природу человек*».

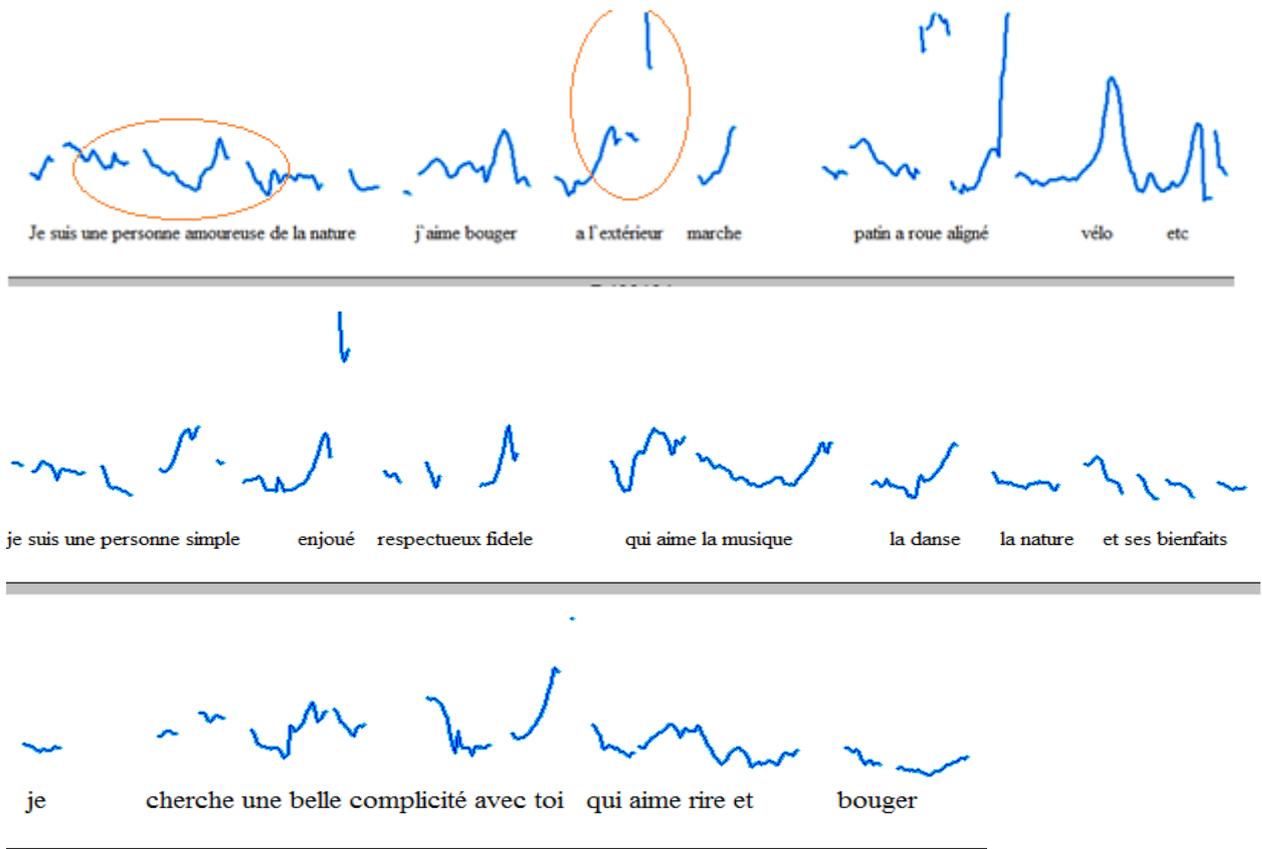

Рисунок 84 – Осциллограмма Praat amoureux

На рисунке 84 мы видим незначительное повышение тона над прилагательным *amoureux*, тем не менее, оно будет выступать в качестве

темы высказывания, так как большой интонационный акцент сделан на другом слове – *l`extérieur* (на улице, снаружи). В данном случае именно это наречие будет являться ремой дискурсивного фрагмента на основании акустических характеристик. Соответственно, данный пример будет иметь следующую аргументативную структуру: «мне нравится двигаться, заниматься спортом на свежем воздухе» (тезис), «потому что я влюбленный в природу человек» (аргумент).

181) «*Ça ne me blesse pas que tous les hommes de la planète ne soient pas intéressés par moi. J'attends toujours qu'il y a un certain lien qui se développe pour me dévoiler; que je sente qu'il y a un quelque chose qui se développe entre moi et l'autre, et c'est souvent moi qui a fait le pas en premier. Oui, dans ces moments, il y a des doutes, mais si je sens qu'il peut y avoir quelque chose, je me lance. Si je ne sens pas cela, je ne me dévoile pas. J'ai confiance en mon intuition. J'ai des insécurités et des craintes, mais je n'irais pas jusqu'à dire que je n'ai aucune confiance en moi. Donc pas tout à fait pareil je crois. Mais c'est de ma faute, je me suis mal exprimée et puis je suis **une personne complexe** lol, je ne sais pas si j'aurais du parler de mes craintes finalement parce que je réalise que j'ai beaucoup de mal à me faire comprendre dans ce que je veux exprimer précisément...*» [жен., <http://www.revivre.org/forum/viewtopic.php?t=2549&start=10>].

(«*Меня задевает то, что никто из мужчин на планете не интересуется мной. Я всегда жду, что появятся какие-нибудь отношения, которые будут развиваться, в которых я раскроюсь, и почувствую, что есть что-то между мной и другим человеком, правда, первый шаг часто делала я. Да, в такие моменты меня гложут сомнения, но если я чувствую, что что-то может получиться, то я действую. Я доверяю своей интуиции. У меня есть сомнения и страхи, но я не скажу, что я совершенно в себе не уверена. Не совсем так, я думаю. Но в этом виновата только я, у меня мало опыта и я **сложный человек** (ха-ха), я не знаю, наконец, стоит ли мне*

говорить о своих страхах, потому что я осознаю, что мне так сложно бывает объяснить, что же я имею в виду»).

Данный пример с амбивалентной аргументативной структурой может трактоваться:

– «я сложный человек», аргументация: «потому что у меня много сомнений и страхов, я осознаю, что мне сложно бывает объяснить, что я имею в виду, и я не знаю, стоит ли мне о них говорить»;

– «у меня много сомнений и страхов, я осознаю, что мне сложно бывает объяснить, что я имею в виду, и я не знаю, стоит ли мне о них говорить», аргументация: «потому что я сложный человек».

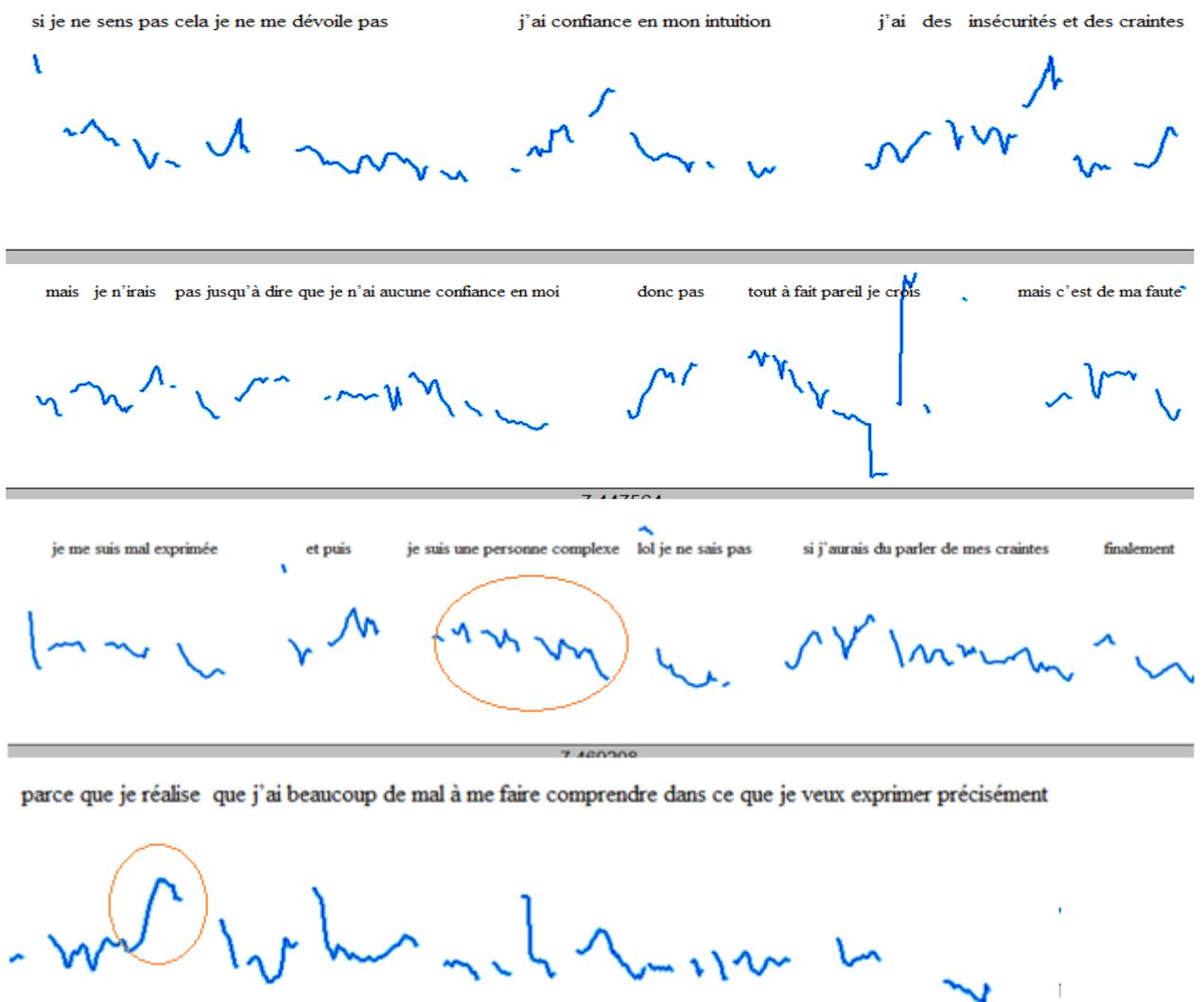

Рисунок 85 – Осциллограмма Praat complexe

На рисунке 85 мы видим небольшое повышение тона над прилагательным *complexe*, однако оно будет выступать в качестве темы

высказывания и являться прототипическим. В данном случае ремой дискурсивного фрагмента может быть глагол *réaliser* (‘осознавать, понимать, знать’) на основании акустических характеристик. Соответственно, данный пример будет иметь следующую аргументативную структуру: «у меня много сомнений и страхов, я осознаю, что мне сложно бывает объяснить, что я имею в виду, и я не знаю, стоит ли мне о них говорить» (тезис), «потому что я сложный человек» (аргумент).

182) «*Nous aimons découvrir toute sorte de musique parce que nous sommes des **gens curieux** et nous avons un attrait particulier pour le silence ou plutôt cette petite musique qui découle d'une oeuvre d'art!*» [<https://digital-grenoble.com/innovation-handicap/>].

(«Нам нравится открывать для себя всю новую музыку, потому что мы **любопытные люди**, а тишина и особенно эта легкая музыка, которая льется из какого-либо произведения искусства, обладают особой силой притяжения!»).

Данный пример имеет амбивалентную аргументативную структуру:

- «мы любопытные люди», аргументация: «потому что нам нравится открывать для себя всю новую музыку»;
- «нам нравится открывать для себя всю новую музыку», аргументация: «потому что мы любопытные люди».

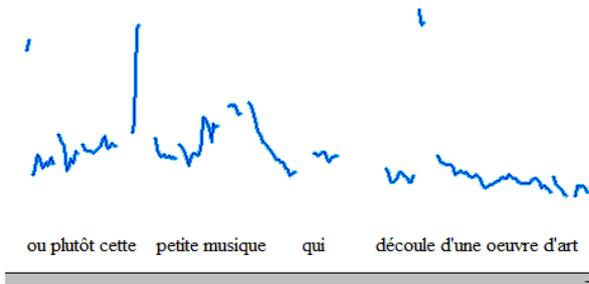

Рисунок 86 – Осциллограмма Praat *curieux*

На рисунке 86 присутствует небольшое повышение тона над прилагательным *curieux*, однако на основании акустических характеристик акцентоносителем ремы дискурсивного фрагмента является синтагма *découvrir toute*. Соответственно, данный пример будет иметь следующую аргументативную структуру: «*нам нравится открывать для себя всю новую музыку*» (тезис), «*потому что мы любопытные люди*» (аргумент).

183) «*L'heure est aux condoléances, nous sommes des **gens humains**, qui savent partager l'amour d'autrui, et être auprès d'eux dans les moments difficiles, nous leur devons au moins ça, à nos amis chrétiens, ils ne sont pas nos ennemis, je te rappelle qu'ils sont des gens du livre, et notre prophète nous a enseigné d'être aimable avec eux, et de partager le pain et la douleur aussi avec eux*» [муж., <http://www.dialogueislam-chretien.com/t10245-le-deuil-et-l-endurance>].

(«*Пришло время соболезновать, мы **гуманные люди**, умеющие любить ближнего своего и быть рядом с ним в тяжелые моменты, мы им как минимум это должны, нашим друзьям-христианам, они нам не враги, я напоминаю тебе, что они люди Писания, а наш пророк учил нас хорошо к ним относиться и разделять с ними и хлеб, и боль*»).

Данный пример имеет амбивалентную аргументативную структуру:

– «*мы **гуманные люди***», аргументация: «*потому что мы должны хорошо относиться к нашим друзьям-христианам, как нас этому учил пророк*»;

– «*мы должны хорошо относиться к нашим друзьям-христианам, как нас этому учил пророк*», аргументация: «*потому что мы **гуманные люди***».

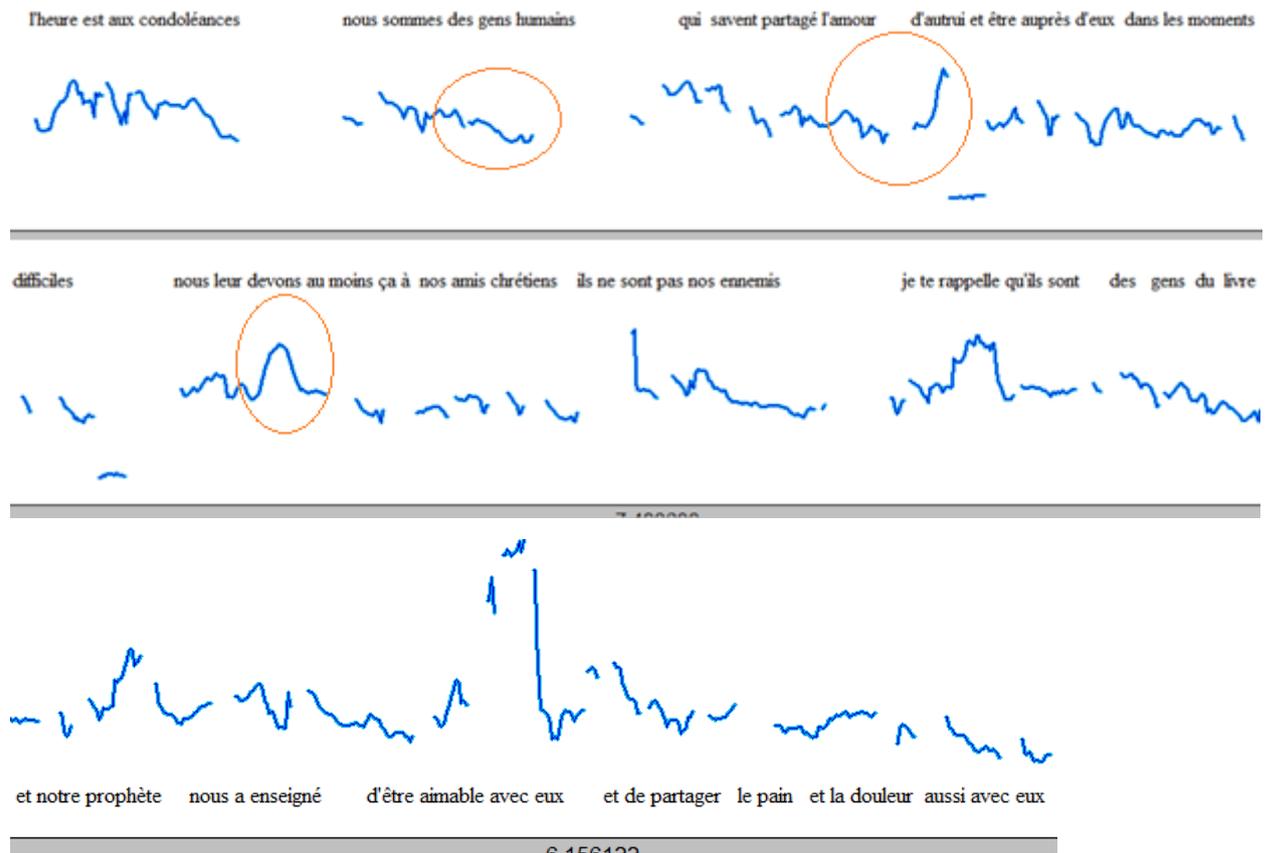

Рисунок 87 – Осциллограмма Praat humain

На рисунке 87 присутствует незначительное повышение тона над прилагательным *humain*, выступающим в качестве темы высказывания. В данном случае акцентоносителями рематической части дискурсивного фрагмента (ближайшей к анализируемому прилагательному) на основании акустических характеристик являются синтагма *l'amour d'autrui* и глагольная форма *devons*. Соответственно, данный пример будет иметь следующую аргументативную структуру: «мы должны хорошо относиться к нашим друзьям-христианам, как нас этому учил пророк» (тезис), «потому что мы гуманные люди» (аргумент).

184) «*Le rabbin Yahya Youssef Moussa avait lancé un appel au président Abd Rabbo Mansour Hadi et aux autorités pour protéger les membres de sa communauté. "Nous sommes des gens faibles qui n'agressons personne et je demande aux autorités d'appliquer la charia (loi islamique prévoyant la mort à l'auteur d'un meurtre) à cet agresseur sans passer par un jugement"*» [муж., <http://www.crif.org/fr/revuedepresse/un-juify%C3%A9m%C3%A9nite->

poignard%С3%A9-%С3%A0-sanaa/31495].

(«Раввин Яхаия Иосеф Мусса просил президента Абд Раббу Мансур Хади и власти защитить членов общины. “Мы **слабые люди**, которые ни к кому не проявляют агрессию, и я прошу власть применить шариат (исламский закон, предусматривающий смерть убийце) в отношении агрессора, без судебного разбирательства”»).

Данный дискурсивный фрагмент имеет амбивалентную аргументативную структуру:

– «мы слабые люди, не проявляем агрессии», аргументация: «и поэтому просим власть защитить нас»;

– «мы просим власть защитить нас», аргументация: «потому что мы слабые люди, не проявляем агрессии».

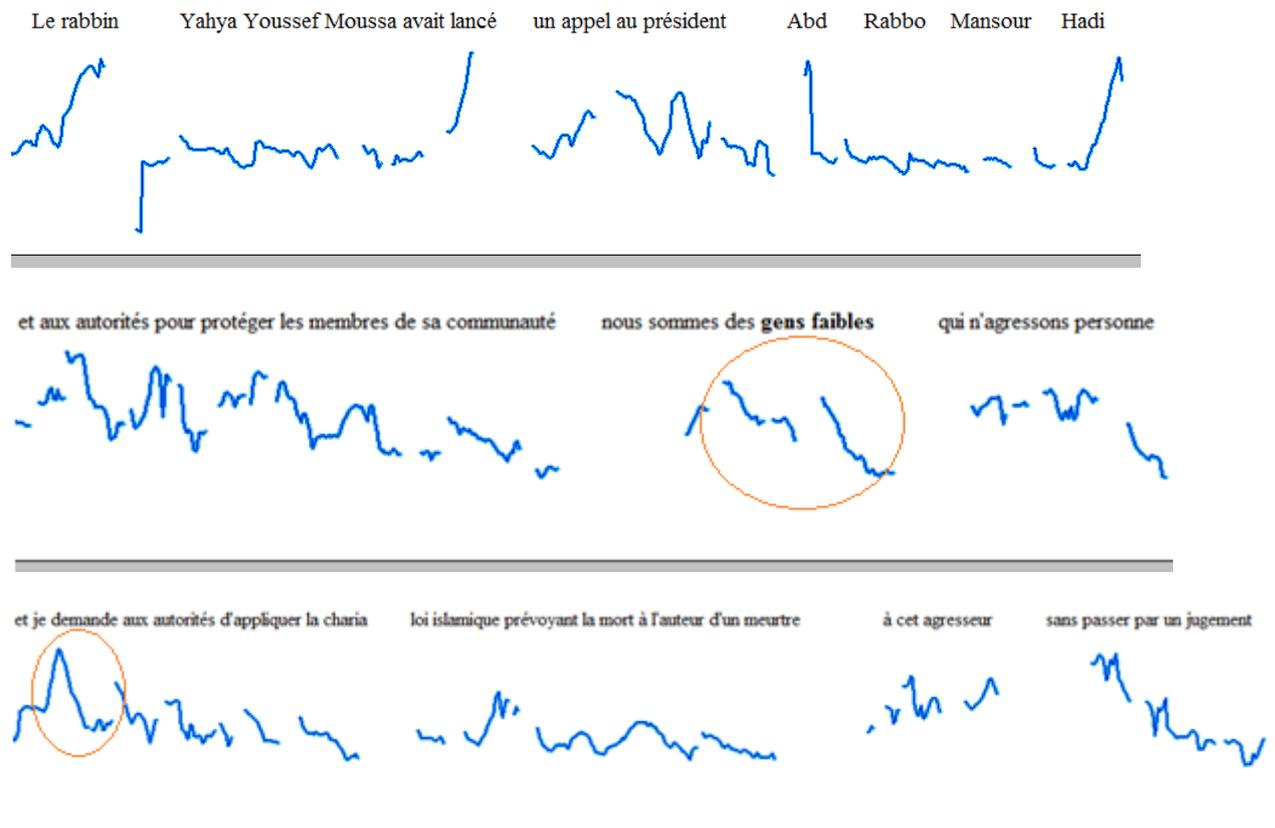

Рисунок 88 – Осциллограмма Praat faible

На рисунке 88 присутствует повышение тона над прилагательным *faible*, однако оно будет выступать в качестве темы высказывания. В данном дискурсивном фрагменте акцентоносителем ремы является глагольная форма

(je) *demande*. Соответственно, данный пример будет иметь следующую аргументативную структуру: «мы просим власть защитить нас» (тезис), «потому что мы слабые люди, не проявляем агрессии» (аргумент).

Данный пример противоречит нашей гипотезе о том, что *faible* является непрототипическим качеством человека, по мнению женщин.

185) «*Que faire!!! attendre!!! peut être qu'il me faut du temps pour apprendre à aimer!!! normalement on sait de suite ce genre de chose. Peut être que je suis une **personne égoïste, froide et frustrée** et si je laisse passer cet homme je vais me retrouver seule dans mon coin. Merci de me lire et de me donner votre avis*» [жен., [http:// forum. psychologies. com/psychologiescom/Paroles-de-femmes/normal-sujet_1329_1.htm](http://forum.psychologies.com/psychologiescom/Paroles-de-femmes/normal-sujet_1329_1.htm)].

(«Что делать!!! Ждать!!! Возможно, мне нужно время чтобы научиться любить!!! В норме этому не нужно учиться. Возможно я **эгоистичный человек**, холодный и разочарованный и, если я позволю уйти этому мужчине, я окажусь в одиночестве. Спасибо за то, что прочитали и за ваши мнения»).

Данный дискурсивный фрагмент имеет амбивалентную аргументативную структуру:

– тезис: «я эгоистичный человек», аргументация: «потому что я не умею любить, как все обычные люди, и мне нужно ждать, чтобы научиться этому»;

– тезис: «я не умею любить, как все обычные люди, и мне нужно ждать, чтобы научиться этому», аргументация: «потому что я эгоистичный человек».

Рисунок 89 – Осциллограмма Praat – *égoïste*

На рисунке 89 присутствует только небольшое повышение тона над прилагательным *égoïste*, и оно будет выступать в качестве темы высказывания. В данном дискурсивном фрагменте на основании акустических характеристик в качестве акцентоносителей ремы могут быть рассмотрены следующие словоформы: *attendre* (ждать), *normalement* (обычно) и *peut être* (возможно). Соответственно, данный пример будет иметь следующую аргументативную структуру: (тезис) «я не умею любить, как все обычные люди, и мне нужно ждать, чтобы научиться этому», (аргумент) «потому что я эгоистичный человек».

Данный пример противоречит нашей гипотезе о том, что *égoïste* является непрототипическим качеством человека, по мнению женщин.

186) *Je suis une personne idiote, qui fait chier son monde, qui fait que jouer au console, qui fume, qui boit et qui sort quand on l'invite surtout pour faire la fête.* [муж., <http://redravenxe.skyrock.com/profil/>].

(*Я глупый человек, который испортил свою жизнь, который только и делает, что играет в приставку, курит и пьет, и который выходит из дома только для того, чтобы сходить на вечеринку*).

Данный дискурсивный фрагмент имеет амбивалентную аргументативную структуру:

– «я глупый человек», аргументация: «потому что испортил свою жизнь»;

– «я испортил свою жизнь», аргументация: «потому что я глупый человек».

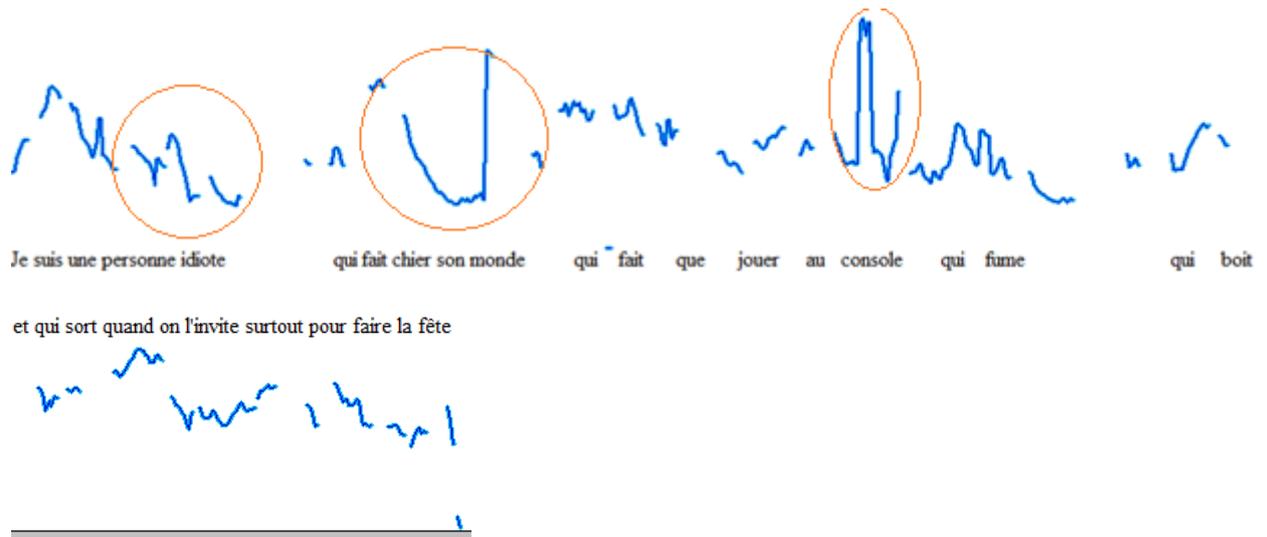

Рисунок 90 – Осциллограмма Praat – *idiot*

На рисунке 90 присутствует небольшое повышение тона над прилагательным *idiot*, но оно недостаточно для того, чтобы считать данное прилагательное акцентоносителем ремы, поэтому мы рассматриваем его в качестве составляющей темы высказывания. В данном дискурсивном фрагменте на основании акустических характеристик в качестве ремы мы рассматриваем синтагмы *chier son monde* (испортить свою жизнь) и *au console* (в приставку). Соответственно, данный пример будет иметь следующую аргументативную структуру: «я испортил свою жизнь» (тезис), «потому что я глупый человек» (аргумент). Данный пример противоречит нашей гипотезе о том, что *idiot* является непрототипическим качеством человека, по мнению женщин.

Таким образом, в результате проведенного анализа устных дискурсивных фрагментов прослеживается следующая тенденция: прилагательные *intelligent, ambitieux, curieux, complexe, amoureux, humain* выполняют в высказывании функцию темы, являясь аргументом, что подтверждает нашу гипотезу. Однако прилагательные *fable, égoïste, idiot*, которые являются непрототипическими по результатам экспериментальной работы, выступают в качестве темы, а не ремы, как можно было бы ожидать. Важно отметить, что данные три прилагательных находятся в третьем и четвертом «кругах прототипичности» (рис.5). Следовательно, они могут не в

полной степени проявлять коммуникативно-аргументативные свойства прототипических прилагательных.

Мы также можем сделать вывод, что подтвердившиеся серией экспериментов прототипические характеристики человека отличаются у представителей русской и французской лингвокультур. Условно их можно разделить на несколько групп, данные представлены в Таблицах 8 и 9.

Таблица 8 – Характеристика прототипических качеств человека (на материале русского языка)

Физиологические характеристики	Интеллектуальные характеристики	Личностные характеристики
молодой живой	умный разумный образованный мудрый	добрый хороший общительный

Таблица 9 – Характеристика прототипических качеств человека (на материале французского языка)

Физиологические характеристики	Интеллектуальные характеристики	Личностные характеристики
-	intelligent ('умный') curieux ('любопытный, любопытный')	humain ('гуманный') amoureux ('влюбленный') ambitieux ('амбициозный') complexe ('сложный')

Следует подчеркнуть, что в прототипической картине мира русских, в отличие от французов, значимое место занимают физиологические характеристики человека – *молодой, живой*. Характеристики, относящиеся к интеллектуальной сфере и личностной, распределены в прототипической картине мира русских практически равноценно: *умный, разумный, образованный, мудрый* и *добрый, хороший, общительный*, соответственно. В прототипической картине мира французов доминируют личностные

характеристики – *humain* (гуманный), *amoureux* (влюбленный), *ambitieux* (амбициозный), *complexe* (сложный). Однако при сопоставительном анализе обнаруживается одно сходство, а именно: для прототипической картины мира как русских, так и французов прототипическим качеством представителей категории ЧЕЛОВЕК является качество «быть умным» – прилагательное *умный* / *intelligent* посчитали прототипическим качеством человека большинство русских и французских респондентов, подтвердил это и аргументативный, а также коммуникативный анализ корпусных данных.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В прототипической картине мира русских и французов члены категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) обладают набором устойчивых характеристик при «нормальном», не-аномальном положении дел.

В ходе работы было доказано, что психолингвистический эксперимент в сочетании с коммуникативно-аргументативным анализом дискурсивных фрагментов позволяют обнаружить данные прототипические характеристики категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN).

Направленный ассоциативный эксперимент с русскими и французскими респондентами позволил выявить устойчивые ассоциации, связываемые со словом-стимулом *человек (être humain)*.

Первыми, самыми частотными реакциями из числа полученных в ответах русских респондентов, являются прилагательные: *умный, добрый, хороший, плохой, разумный, живой, мудрый, образованный, молодой, общительный*; согласно ответам французских респондентов: *ambitieux* ('амбициозный'), *intelligent* ('умный'), *idiot* ('глупый'), *amoureux* ('влюбленный'), *complexe* ('сложный'), *égoïste* ('эгоистичный'), *humain* ('гуманный'), *faible* ('слабый'), *curieux* ('любопытный').

Полученные прилагательные послужили материалом для проведения второго этапа экспериментальной работы – впервые разработанного и апробированного нами ценностно-семантического эксперимента по методике, теоретические основы которой заложены в трудах французских лингвистов О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра.

Задача данного эксперимента состоит в определении прототипических качеств представителей категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN), а также двух ее гендерных ипостасей – *мужчина* и *женщина (homme и femme)*.

Методика эксперимента заключается в создании анкет с союзом *но/mais+прилагательное* из ассоциативного эксперимента, а также с вводно-модальным словом *конечно/même+прилагательное*. Согласно О. Дюкро,

сочетания с вводно-модальным словом *конечно* (*même*) свидетельствуют о прототипичности качества, называемого прилагательным, для представителей категорий (в нашем случае – это ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN)), тогда как предложения с союзом *но* (*mais*) отдаляют объект от центра категории. Таким образом, ценностно-семантический эксперимент позволяет выявить прототипические качества представителей категорий ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) для носителей языка.

Аргументативный анализ письменных дискурсивных фрагментов с аргументативной организацией, включающих словосочетания *человек* / *l'être humain* (*l'homme* / *les gens* / *la personne*) + *прилагательное из списка прототипических*, помогает выявить статус (тезис или аргумент) прилагательного в аргументативной структуре дискурсивного фрагмента.

Так, было доказано наличие корреляций между характером признака номинируемого прилагательным (прототипический/непрототипический) и его статусом в аргументативной структуре высказывания: если прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории, то в аргументативной структуре высказывания оно используется в составе *аргумента* в поддержку некоторого тезиса. А если прилагательное номинирует непрототипическое качество, то оно используется, наоборот, для вербализации *тезиса*, а не аргумента.

Коммуникативный анализ устных дискурсивных фрагментов с аргументативной структурой, включающих в себя словосочетания *человек* / *l'être humain* (*l'homme* / *les gens* / *la personne*) + *прилагательное из списка прототипических*, позволяет выявить коммуникативный статус прилагательного в дискурсивном фрагменте на русском или французском языках.

Так, если некое прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории, то оно будет находиться в *теме* дискурсивного фрагмента, а непрототипическое – в *реме*.

При помощи аргументативного и коммуникативного анализа письменных и устных дискурсивных фрагментов определены гендерные отличия в прототипических и непрототипических представлениях русских респондентов о качествах мужчины и женщины. Так, анализ материала подтвердил то, что ум является прототипическим качеством мужчин, по мнению женщин, и непрототипическим качеством женщин, по мнению мужчин, что коррелирует с полученными нами ранее экспериментальными данными.

Помимо дискурсивных фрагментов с четко выраженной аргументативной структурой, существуют дискурсивные фрагменты с амбивалентной аргументативной структурой, как на русском, так и на французском языке, т. е. в данных фрагментах анализируемые прилагательные могут быть как в составе тезиса, так и в составе аргумента.

Коммуникативный эксперимент в данном случае помог определить верную аргументативную структуру подобных фрагментов. В эксперименте приняли участие русские и французские респонденты. Их задача состояла в прочтении дискурсивных фрагментов с исследуемыми прилагательными. Затем при помощи компьютерной программы Praat данные записи были проанализированы на предмет их просодических характеристик, что позволило в итоге сделать вывод об их тема-рематическом членении и аргументативной структуре.

Аргументативно-коммуникативный анализ подтвердил нашу гипотезу о том, что прилагательное, номинирующее прототипическое качество представителя категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN), преимущественно находится в составе темы и аргумента, а если прилагательное номинирует непрототипическое качество, то оно занимает место в составе ремы и тезиса дискурсивного фрагмента. Однако следует также констатировать, что выявленные тенденции не абсолютны, так как при анализе была выявлена и немногочисленная группа отрицательного материала, не подтверждавшего

выдвинутые гипотезы.

Важным наблюдением является тот факт, что установлена зависимость между степенью прототипичности прилагательного (по данным экспериментальной работы) и устойчивостью его аргументативного и коммуникативного статуса в высказывании. Так, прилагательные, расположенные нами в центре или в непосредственной близости от центра прототипической категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) на основании ответов респондентов в ходе ценностно-семантического эксперимента, обнаруживают устойчивость функции аргумента и темы в высказывании. Напротив, прилагательные, находящиеся на периферии прототипической категории (по результатам ценностно-семантического эксперимента), демонстрируют неустойчивость коммуникативного и аргументативного статуса и могут выступать как в качестве темы, так и ремы; как в качестве тезиса, так и аргумента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено выявлению и описанию корреляций между содержанием прототипической категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) и аргументативно-коммуникативным потенциалом объективирующих данное содержание прилагательных (на материале русского и французского языков).

Определив картину мира как целостный глобальный образ мира, являющийся результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны, а языковую картину мира как сложившуюся в обыденном сознании некоего языкового коллектива отраженную в языке совокупность представлений о мире, мы рассмотрели ценностный и нормативный ее аспекты, что позволило выделить еще одну разновидность картины мира – прототипическую картину мира.

Ценностная, нормативная и прототипическая картины мира являются аспектами языковой картины мира, находя в ней свое отражение.

Нормативная языковая картина мира – это когнитивно-семантическая категория, объединяющая закрепленные в семантике языка представления о нормальных проявлениях тех или иных объектов относительно заведенного порядка вещей, понятия должного, системы ценностей данного лингвокультурного сообщества. В нормативную картину мира включена прототипическая картина мира.

Прототипическая картина мира также отражена в языке, но прототипические представления входят в глубинную семантику лексем, называющих и характеризующих объекты языковой картины мира, и являются трудно вербализованными, формируя прагматическую составляющую семантики слова, проявляющуюся в высказывании и выявляемую при помощи эксперимента и аргументативно-коммуникативного анализа дискурса.

Прототипическая картина мира мыслится как часть нормативной

картины мира, в которой фиксируются разделяемые большинством представителей лингвокультуры имплицитно-оценочные представления о должных характеристиках объектов предметного, природного и социального миров при обычном (не-аномальном) положении дел.

Выявлению связей между прототипичностью/непрототипичностью признака, номинируемого прилагательным, и статусом последнего в аргументативно-коммуникативной структуре высказывания была посвящена практическая часть исследования.

На первом этапе работы при помощи направленного ассоциативного эксперимента с русскими и французскими респондентами и дальнейшей селекции результатов нами были выявлены прилагательные-реакции, которые могли бы составлять прототипические характеристики категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN). А именно: *умный, добрый, хороший, плохой, разумный, живой, мудрый, образованный, молодой, общительный; ambitieux* ('амбициозный'), *intelligent* ('умный'), *idiot* ('глупый'), *amoureux* ('влюбленный'), *complexe* ('сложный'), *égoïste* ('эгоистичный'), *humain* ('гуманный'), *faible* ('слабый'), *curieux* ('любопытный').

На втором этапе разработана и апробирована процедура ценностно-семантического эксперимента по методике О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра, для проведения которого были использованы полученные на первом этапе экспериментальной работы прилагательные-кандидаты в номинанты прототипических качеств членов категории.

Для проведения данного эксперимента были разработаны анкеты, в которых у респондентов спрашивали экспертное мнение относительно сочетаний «союз *но / mais* + прилагательное из ассоциативного эксперимента» и «вводно-модальное слово *конечно/même* + прилагательное из ассоциативного эксперимента». Анкетируемые должны были выбрать предложение, которое лучше «ложится на ухо», кажется более естественным, либо выбрать вариант *Затрудняюсь ответить / Difficile à répondre*.

Согласно О. Дюкро, предложения с вводно-модальным словом *конечно* (*même*) указывают на прототипичность качества, называемого прилагательным, и приближают его к центру категории, тогда как предложения с союзом *но* (*mais*) отдаляют объект от центра категории. Таким образом, ценностно-семантический эксперимент позволяет выявить прототипические качества представителей категорий ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) для носителей языка.

В результате эксперимента были выявлены прототипические характеристики представителей категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) в картине мира русских и французов. Согласно русским мужчинам-респондентам, прототипическими качествами человека являются: *умный, добрый, хороший, разумный, живой, мудрый, образованный, молодой, общительный*, непрототипическим – *плохой*. Согласно русским женщинам-респондентам прототипическими качествами человека являются: *умный, хороший, разумный, живой, мудрый, образованный, молодой, общительный*, непрототипическими – *добрый, плохой*.

Согласно французским мужчинам-респондентам, прототипическими качествами человека являются: *ambitieux* ('амбициозный'), *intelligent* ('умный'), *amoureux* ('влюбленный'), *curieux* ('любопытный'), *complexe* ('сложный'), а непрототипическими: *égoïste* ('эгоистичный'), *humain* ('гуманный'), *idiot* ('глупый'), *faible* ('слабый'). Согласно французским женщинам-респондентам, прототипическими качествами человека являются: *ambitieux* ('амбициозный'), *intelligent* ('умный'), *amoureux* ('влюбленный'), *curieux* ('любопытный'), *complexe* ('сложный'), *humain* ('гуманный'), а непрототипическими: *égoïste* ('эгоистичный'), *idiot* ('глупый'), *faible* ('слабый').

Аргументативный анализ дискурсивных фрагментов со словосочетанием *человек* (в русскоязычном корпусе) и *l'être humain* (*homme/gens / personne*) (во франкоязычном корпусе) + *прилагательное из списка*

прототипических показал тенденцию следующего характера: если прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории, то в аргументативной структуре высказывания оно выступает *аргументом* в поддержку некоторого тезиса. А если прилагательное номинирует непрототипическое качество, то оно, наоборот, будет выступать в качестве *тезиса*, а не аргумента.

Проведенный коммуникативный анализ устных дискурсивных фрагментов со словосочетаниями *человек* (в русскоязычном корпусе) и *l'êtrе humain (home / gens/ personne)* (во франкоязычном корпусе) + *прилагательное из списка прототипических*, показал следующую тенденцию: если прилагательное номинирует прототипическое качество представителя некоторой категории, то оно будет находиться в *теме* высказывания, а непрототипическое – в *реме* (сообщаемом новом и/или актуальном в данном контексте знании).

Для проведения данного коммуникативного анализа были отобраны устные дискурсивные фрагменты из сети Интернет и проанализированы при помощи компьютерной программы Praat. При значительном повышении силы основного тона на анализируемом прилагательном последнее расценивалось как акцентоноситель *ремы* высказывания, при незначительном – как составляющая *темы* высказывания.

Сделан вывод о том, что существуют гендерные отличия в прототипических и непрототипических представлениях русских мужчин и женщин о качествах мужчины и женщины. Анализ письменных и устных дискурсивных фрагментов со словосочетаниями *умная женщина, умный мужчина* продемонстрировал, что *ум* является прототипическим качеством мужчин, по мнению женщин, и непрототипическим качеством женщин, по мнению мужчин.

В ходе коммуникативного эксперимента проанализированы дискурсивные фрагменты с амбивалентной аргументативной структурой, т. е.

исследуемые прилагательные в данных фрагментах могли быть как в составе тезиса, так и в составе аргумента. Для определения верной аргументативной структуры дискурсивных фрагментов мы попросили респондентов прочитать примеры с исследуемыми прилагательными, а затем при помощи компьютерной программы Praat определили тему и рему дискурсивных фрагментов. Так, по результатам эксперимента с респондентами прилагательные *молодой, хороший, мудрый, общительный, умный, разумный, живой, образованный* и *intelligent, ambitieux, curieux, complexe, amoureux, humain* подтвердили свой статус в качестве номинантов прототипических качеств представителя категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN). В то же время, прилагательные русского языка *плохой, добрый* подтвердили свой статус номинантов непрототипических качеств, а французские прилагательные *fable, égoïste, idiot* обнаружили свой нестабильный статус в аргументативно-коммуникативной структуре высказывания, детерминированный их расположением в третьем и четвертом «кругах прототипичности».

Проведенная аналитическая и экспериментальная работа позволила выявить, что прототипические характеристики человека в картине мира носителей русского и французского языков представлены двумя основными группами качеств: интеллектуальные (*умный, разумный, образованный, мудрый; curieux* ('любопытный, любознательный'), *intelligent* ('умный')); личностные (*добрый, хороший, общительный; amoureux* ('влюбленный'), *humain* ('гуманный'), *complexe* ('сложный'), *ambitieux* ('амбициозный')). Группа физических качеств (*молодой, живой*) была обнаружена только в русскоязычном материале.

Таким образом, сопоставив данные, полученные в ходе экспериментальной работы, и данные, полученные по результатам аргументативно-коммуникативного анализа дискурсивных фрагментов, мы подтвердили гипотезу о существовании корреляции между содержанием

прототипической категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) и коммуникативно-аргументативным потенциалом объективирующих данное содержание прилагательных русского и французского языков, предварительно описав характеристики категории ЧЕЛОВЕК (ÊTRE HUMAIN) в прототипической картине мира русских и французов посредством экспериментальной работы с носителями языка и аналитической работы с корпусными языковыми данными.

Результаты исследования позволяют отметить доминирующие, но не абсолютные, тенденции в аргументативном и коммуникативном статусе прилагательных-номинантов прототипических и непрототипических качеств человека в русской и французской лингвокультурах, поскольку в анализе и в экспериментальной работе присутствовал незначительный пласт отрицательного материала. Перспективным также представляется более подробный анализ таких категорий прототипической картины мира русских и французов, как: МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА, HOMME, FEMME.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов, Р.И. Русское литературное произношение / Р.И. Аванесов. – М.: Просвещение, 1972. – 415 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Язык – сознание – культура: проблемы взаимодействия / Н.Ф. Алефиренко // Язык и культура: Материалы третьей междунар. конф.: в 3-х т. / Укр. ин-т междунар. отношений Киев. ун-та, Фонд гуманитар. развития «Collegium»; сост. С.Б. Бураго. – Киев, 1994. – Т. 1. – С. 3 – 10.
3. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 472 с.
4. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
5. Аристотель. Сочинения в 4-х томах / Аристотель. – М.: «Книга по требованию», 1978. – 689 с.
6. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск: Литература, 1998. – 1386 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н.Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики, 1982: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. / отв. ред. В.П. Григорьев. – М.: Наука, 1984. – С. 5–23.
8. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис / Н.Д. Арутюнова [и др.]; / отв. ред. Т.В. Булыгина. – М.: Наука, 1992. – 280 с.
10. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

11. Ахиджакова, М.П. Антропологическая концепция человека как способ отражения целостной картины мира в современной лингвистике / М.П. Ахиджакова, Т.Ю. Пантелеева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2014. – № 1(27). – С. 80 – 83.
12. Бабушкин, А.П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 2001. – 86 с.
13. Бартминский, Е. Этноцентризм стереотипа: результаты исследования немецких (Бохум) и польских (Люблин) студентов в 1993-1994 гг. / Е. Бартминский // В кн.: Речевые и ментальные стереотипы. – М., 1995. – С. 7 – 9.
14. Бельчиков, Ю.А. Литературное просторечие и норма / Ю.А. Бельчиков / Литературная норма в лексике и фразеологии. – М., 1983. – С. 37 – 46.
15. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
16. Бобнеева, М.И. Социальные нормы и регуляция поведения: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.05 / М.И. Бобнеева. – М., 1980. – 39 с.
17. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Изд. 2-е, стер. – Тамбов: Издательство Тамбовского ун-та, 2001. – 123 с.
18. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18 – 36.
19. Болдырев, Н.Н. Современные направления лингвистических исследований / Н.Н. Болдырев // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 1996. – Вып. 1. – С. 75 – 83.

20. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №2. – С. 5 – 22.
21. Борегар, М. Научные битвы за душу. Новейшие знания о мозге и вера в Бога / М. Борегар, Д. О`Лири. – М.: Эксмо, 2017. – 544 с.
22. Борискина, О.О. Теория языковой категоризации: Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О.О. Борискина, А.А. Кретов. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – 211 с.
23. Брутян, Г.А. Очерки по анализу философского знания / Г.А. Брутян. – Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1979. – 287 с.
24. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 45 – 69.
25. Бутакова, Л.О. Концептуально-смысловой анализ русских пословиц и поговорок о чести / бесчестии / Л.О. Бутакова // *Welt im der Sprache* / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. – С. 82 – 88.
26. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М.: УРСС, 1993. – 232 с.
27. Васильева, Н.А. Частицы разговорной речи. Научно-методическое бюро по русскому языку для иностранцев / Н.А. Васильева. – М.: МГУ: Издательство Московского университета, 1964. – 188 с.
28. Вежбицкая, А. Прототипы и инварианты. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – С. 201 – 231.
29. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
30. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
31. Вернадский, В.И. Размышления натуралиста: в 2-х кн. / В.И. Вернадский // АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники.

Архив. – М.: Наука, 1977. – 148 с.

32. Вернадский, В.И. Философские мысли натуралиста / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 520 с.

33. Вернадский, В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1965. – 374 с.

34. Винокур, Г.О. История русского литературного языка / Г.О. Винокур. – М.: Либроком, 2010. – 184 с.

35. Вольф, Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» / Е.М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – № 5. – С. 98 – 106.

36. Вольф, Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции / Е.М. Вольф // Логический анализ языка. Избранное. 1988 – 1995. – М.: Индрик, 2003. – С. 87 – 101.

37. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – Изд. 2-е, доп. – 280 с.

38. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64 – 72.

39. Гвоздева, А.А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Анна Анатольевна Гвоздева. – Краснодар, 2004. – 15 с.

40. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегль. Т.1. – М., 1970. – С.124.

41. Гегель, Г.В.Ф. Наука логики / Г.В.Ф. Гегль. Т.1. – М., 1979. – С.221.

42. Геляева, А.И. Человек как объект номинации в языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Аурика Ибрагимовна Геляева. – Нальчик, 2002. – 307 с.

43. Герц, Г. Принципы механики, изложенные в новой связи / Г. Герц // Жизнь науки. Антология вступлений к классическому естествознанию / сост. С.П. Капица. – М.: Наука, 1973. – С. 206–210.

44. Горбачевич, К.С. Вариантность слова и языковая норма на материале современного русского языка: монография / К.С. Горбачевич; отв. ред. Ф.П. Филин; Академия наук [АН] СССР. Институт русского языка им. А.С. Пушкина. – Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 238 с.

45. Горошко, Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента: [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. – М., 2001. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/razdel.aspx?id=38>.

46. Гумбольдт, фон В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М.: "Прогресс", 1984. – С. 37 – 298.

47. Гуц, Е.Н. Ассоциации, представленные некодифицированной лексикой: поиски адекватной методики описания / Е.Н. Гуц // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2005. – Вып. 2. Сер. Лингвистика. – С. 13 – 19.

48. Даниленко, В.П. Картина мира в пословицах русского народа / В.П. Даниленко. – СПб.: Алетейя, 2017. – 430 с.

49. Даштамиров, С.А. Социальные нормы: Гносеологический и социологический анализ / С.А. Даштамиров. – М., 1984. – 192 с.

50. Демьянков, В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В.З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 32 – 86.

51. Дронова, Л.П. История становления общеоценочной лексики русского языка: семантика положительной оценки / Л.П. Дронова [и др.] // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте. – Томск, 2005. – С. 13 – 25.

52. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности (Современные буржуазные теории) сб. статей. – М.: Прогресс, 1966. – С. 39 – 44.
53. Ефанова, Л. Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке / Л.Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Вып. 2 (76). Сер. Гуманитарные науки (Филология). – Томск, 2008. – С. 41 – 44.
54. Ефанова, Л.Г. Категория нормы в русской языковой картине мира: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Лариса Георгиевна Ефанова. – Томск, 2013. – 501 с.
55. Ефанова, Л.Г. Норма как философская и семантическая категория: [Электронный ресурс] / Л.Г. Ефанова // Вестник науки Сибири, 2015 // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/norma-kak-filosofskaya-i-semanticheskaya-kategoriya>.
56. Залевская, А.А. Психолингвистические исследования / А.А. Залевская // Слово. Текст. Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
57. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк [и др.]. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
58. Ивин, А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография / А.А. Ивин. – М.: Проспект, 2016. – 320 с.
59. Ивин, А.А. Основания логики и оценок / А.А. Ивин. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1970. – 230 с.
60. Ивин, А.А. Оценка в процесс коммуникации / А.А. Ивин // Философия науки и техники. – 2012. – Т. 17. – № 1. – С. 203 – 213.
61. Кант, И. Критика чистого разума: [Электронный ресурс] / И. Кант // Соч.: в 6-ти т. – М., 1964. Т. 3. – Режим доступа: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KANT_Immanuil/_Kant_I..html#003.

62. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – С. 166–205.
63. Караулов, Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ю.Н. Караулов. – М.: ИРЯРАН, 1999. – 180 с.
64. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
65. Катермина, В.В. Роль человека в языке и культуре: [Электронный ресурс] / В.В. Катермина // Перевод и сопоставительная лингвистика.– Уральских гуманитарный институт: Волгоград, 2014. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22260146&>.
66. Кибрик, А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры / А.Е. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 51 – 77.
67. Кликс, Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта / Ф. Кликс. – М. : Прогресс, 1983. – 302 с.
68. Кобякова, Т.И. Концепты духовности в русской языковой картине мира: лингвокультурологический словарь / Т.И. Кобякова; под ред. Л.Г. Саяховой. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 2004. – 158 с.
69. Колесникова, С.М. Категория градуальности в современном русском языке: дис...д-ра филол. наук: 10.02.01 / Светлана Михайловна Колесникова. – М., 1999. – 424 с.
70. Колмогорова А.В., Мжельских М.К. Репрезентация когнитивно-семантической категории нормы в языковой картине мира / А.В. Колмогорова, М.К. Мжельских // Казанская наука. – 2018. – № 5. – С. 67–69.
71. Колмогорова, А.В. «Мамин язык»: практики материнского общения в контексте распределенной модели языка и когниции / А.В. Колмогорова. – М.: Флинта – Наука, 2013. – 168 с.

72. Колмогорова, А.В. Нормативные эффекты прототипической картины мира / А.В. Колмогорова // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сб. науч. ст. – 2014. – Вып. 3. – С. 19 – 24.
73. Колмогорова, А.В. Прототипическая языковая картина мира и семантика слова «по умолчанию»: опыт экспериментального исследования / А.В. Колмогорова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – № 6 (38). – С. 29 – 42.
74. Колмогорова, А.В. Человек, но светлый: об одном из способов объективации языкового значения / А.В. Колмогорова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 10. – С. 120 – 128.
75. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А.М. Шахнарович. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
76. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: дис. ... д-ра культурологических наук: 24.00.01 / Олег Александрович Корнилов. – М., 2000. – 460 с.
77. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
78. Коссериу, Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Коссериу // Новое в лингвистике. Вып. 3. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. – С. 143 – 346.
79. Костюшкина, Г.М. Концептуализация и категоризация в языке / Г.М. Костюшкина [и др.]. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 584 с.
80. Костюшкина, Г.М. Современные направления во французской лингвистике. уч. пособие / Г.М. Костюшкина. 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – 332 с.
81. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

82. Кронгауз, М.А. Норма: семантический и прагматический аспекты / М.А. Кронгауз // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 137 – 141.
83. Крысин, Л.П. Языковая норма и речевая практика [Электронный ресурс] / Л.П. Крысин // Отечественные записки. – 2005. – № 2 (23). // *Phylology*. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-05.htm>.
84. Кубанова, Т.А. Картина мира как философское понятие и мировоззренческая система взглядов: история и перспективы изучения / Т.А. Кубанова // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. – 2011. – № 1. – С. 189 – 193.
85. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 331 с.
86. Лабов, У. Структура денотативных значений / У. Лабов // *Новое в зарубежной лингвистике*. – М.: Прогресс, 1983. – Вып. XIV. – С. 133 – 176.
87. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М., 2004. – 792 с.
88. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К.Л. Леви-Стросс; пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
89. Левицкий, В.В., Стернин И.Д. Экспериментальные методы в семасиологии / В.В. Левицкий, И.Д. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 192 с.
90. Леонтович, О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: монография / О.А. Леонтович. – Волгоград: Перемена, 2002. – 435 с.
91. Леонтьев, А.Н. Психологическая структура значения / А.Н. Леонтьев // *Семантическая структура слова*. – М., 1971. – С. 7 – 19.

92. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15 – 26.
93. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
94. Лич, Дж.Н. К теории и практике семантического эксперимента / Дж.Н. Лич // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1983. – Вып. 14. – С. 108 – 132.
95. Маркелова, Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке / Т.В. Маркелова // Филологические науки. – 1995. – № 3. – С. 67 – 79.
96. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
97. Момов, В. Норма и мотив поведения / В. Момов // Вопросы философии. – 1972. – № 8. – С. 107–117.
98. Нешева, Т.В. Коммуникативно-прагматический потенциал слов аргументаторов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Татьяна Вадимировна Нешева. – Иркутск: Иркутский гос. лингв. ун-т, 2008. – 190 с.
99. Николаева, Т.М. От звука к тексту / Т.М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с.
100. Николаева, Т.М. Просодический строй русской речи / Т.М. Николаева. – М.: Институт русского языка РАН, 1996. – 256 с.
101. Павиленис, Р.И. Проблема смысла: Современный логико-функциональный анализ языка / Р.И. Павеленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
102. Пекар, В.И. Семантика предлогов вертикальной соположенности в когнитивном аспекте (на материале английских предлогов *above* и *over* и русского предлога *над*): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Виктор Иванович Пекар. – Уфа, Башкирский государственный педагогический университет, 2000. – 157 с.

103. Пеньков, Е.М. Социальные нормы – регуляторы поведения личности: Некоторые вопросы методологии и теории / Е.М. Пеньков. – М.: Мысль, 1972. – 198 с.
104. Пешковский, А.М. Избранные труды / подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко и И. Р. Палей. – М.: Учпедгиз, 1959. – 250 с.
105. Планк, М. Смысл и границы точной науки / М. Планк // Вопросы философии. – 1958. – № 5. – С. 102 – 116.
106. Полев, Д.М. Эталон, прототип и стереотип как механизмы восприятия человека человеком / Д.М. Полев // Вестник Южно-Уральского ГУ. Серия Психология. – Челябинск, 2009. – № 18. – С. 19–25.
107. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Изд. 3-е, перераб. и доп.– Воронеж: Истоки, 2007. – 86 с.
108. Постовалова, В.И. Существует ли языковая картина мира? / В.И. Постовалова // Язык как коммуникативная деятельность человека. Вып. 284. – М.: Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза, 1987. – С. 65 – 72.
109. Ретунская, М.С. Английская аксиологическая лексика / М.С. Ретунская. – Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 1996. – 272 с.
110. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников [и др.]; отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 215 с.
111. Рылов, Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки / Ю.А. Рылов. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.
112. Рылов, Ю.А. О семантических доминантах в языковой картине мира (на материале итальянского и русского языков) / Ю.А. Рылов // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. – 2003. – № 1. – С. 81 – 93.
113. Селиверстова, О.Н. Компонентный анализ многозначных слов / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1975. – 240 с.

114. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.; Универс, 1993. – С. 242 – 243.
115. Скворцов, Л.И. Теоретические основы культуры речи /Л.И. Скворцов. – М.: Наука, 1980. – 352 с.
116. Сулейманова, О.А. К обоснованию экспериментальной методики в семантике / О.А. Сулейманова // Грамматические и семантические исследования языков разных систем. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1986. – С. 142 – 150.
117. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
118. Телия, В.Н. Русская фразеология / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
119. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. 2-е изд., дораб. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
120. Толстая, С.М. Стереотип в этнолингвистике / С.М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы. – М., 1995. – С. 124 – 127.
121. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – С. 169 – 182.
122. Урысон, Е.В. Метаязык семантики: элемент норма / Е.В. Урысон // Труды Международного семинара Диалог'99 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. В 2 тт. – М., 1999. – Т.1. – С. 319 – 325.
123. Урысон, Е.В. Норма, образец, стандарт, эталон, шаблон: заметки о полисемии / Е.В. Урысон // Слово и язык: сб. ст. к 80-летию акад. Ю.Д. Апресяна / отв. ред. И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. – М., 2011. – С. 347 – 358.
124. Урысон, Е.В. Понятие нормы в метаязыке современной семантики (Параметры человеческого тела с точки зрения русского языка) / Е.В. Урысон // Слово в тексте и в словаре. сб. ст. к 70-летию академика Ю.Д. Апресяна. – М. 2000. – С. 243 – 252.

125. Урысон, Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е.В. Урысон. – М: «Языки славянских культур», 2003. – 224 с.
126. Урысон, Е.В. Союз *но*, или что такое «обманутое ожидание»? / Е.В. Урысон // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – М.: Наука, 2005. – С. 469 – 481.
127. Федяева, Н.Д. Норма vs Не-норма = Ожидаемое vs Неожиданное / Н.Д. Федяева // Сибирский филологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 136 – 143.
128. Федяева, Н.Д. Нормы в пространстве языка [Электронный ресурс]: монография/ Н. Д. Федяева. – М.: Флинта, 2011. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/natalya-fedyaeva/normy-v-prostranstve-yazyka/> chitatonlayn/.
129. Федяева, Н.Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Наталья Дмитриевна Федяева. Барнаул, 2010. – 33 с.
130. Филимонова, Н.В. К вопросу об оценочности в современном языкознании / Н. В. Филимонова // Информационный потенциал слова и фразеологизма: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. Р.Н. Попова (к 80-летию со дня рождения), Орел, 19–21 окт. 2005 г.: сб. науч. ст./ Орлов. гос. ун-т; редкол.: Т. В. Бахвалова [и др.]. – Орел, 2005. – С. 119 – 122.
131. Фомин, А.Г. Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности: автореф. дис... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Андрей Геннадьевич Фомин. Барнаул, 2004. – 48 с.
132. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 28 – 44.

133. Хайдеггер, М. Время картины мира / М. Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления / М.Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
134. Хайруллина, Р.Х. Картина мира во фразеологии: от мировидения к миропониманию: монография / Р.Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 285 с.
135. Чеиф, У. Память и вербализация прошлого опыта / У. Чеиф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Радуга, 1983. – Вып. 12. – С.35 – 73.
136. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / А.П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.
137. Шаманова, М.В. Русская коммуникативная лексика: состав, семантика, употребление: монография / М.В. Шаманова; Яросл. гос. ун-т. им. П.Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – 292 с.
138. Шарандин, А.Л. Лексическая категоризация времени и ментальность / А.Л. Шарандин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2 «Языкознание». – 2011. – № 2 (14). – С. 11 – 16.
139. Шехтер, М.С. О возможной роли прототипов в опознавательном процессе / М.С. Шехтер, А.Я. Потапова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20, № 2. – С. 66 – 72.
140. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных / А. Н. Шрамм. – Л.: Издательство ЛГУ, 1979. – 134 с.
141. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)/ Е.С. Яковлева. – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
142. Berlin, B. Basic Color Terms. Their universality and evolution / B. Berlin, P. Kay. – Los Angeles: University of California Press, Berkeley and Los Angeles, 1969. – 316 p.
143. Burns, B. Percepts, Concepts and Categories: The Representation and Processing of Information/ B. Burns. – Amsterdam: Elsevier, 1992. – 692 p.

144. Charaudeau, P. "L'argumentation n'est peut-être pas ce que l'on croit" / P. Charaudeau // *Le français aujourd'hui*. – Paris, Association Française des Enseignants de français, 1998. – № 123. – Режим доступа: <http://www.patrick-charaudeau.com/L-argumentation-n-est-peut-etre,74.html>.

145. Collins, A. *Readings in Cognitive Science: A Perspective from Psychology and Artificial Intelligence* / A. Collins, E.E. Smith. – San Mateo, CA: Morgan Kaufmann, 1998. – 672 p.

146. Croft, W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D. Alan. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

147. Cuyckens, H. *Towards an empirical lexical semantics* / H. Cuyckens, D. Sandra, S. Rice // S. Birgit (ed.). *Human contact through language and linguistics*. – Wiesbaden, Peter Lang, 1997. – Pp. 35 – 54.

148. DePaul, Michael R. *Rethinking intuition: the psychology of intuition and its role in philosophical inquiry* / R. DePaul Michael, W. Ramsey. – Rowman and Littlefield, 1998. – 337 p.

149. Diday, E. *New Approaches in Classification and Data Analysis* / E. Diday, Y. Lechevalier, M. Schader, P. Bertrand, B. Burtschy. – Berlin, Springer-Verlang, 1994. – 693 p.

150. Divjak, D. *Extracting prototypes from exemplars. What can corpus data tell us about concept representation?* *Cognitive Linguistics* / D. Divjak, A. Arppe1. – 2013. – Vol. 24. – Issue 2. – Pp. 221 – 274.

151. Ducrot, O. *Les modificateurs déréalisants* / O. Ducrot // *Journal of Pragmatics*. – 1995. – № 24. – Pp. 145 – 165.

152. Ekman, P. *Emotion in the human face* / P. Ekman, W.V. Friesen, P.C. Ellsworth. – New York, Pergamon Press, 1972. – 204 p.

153. Ekman, P. *Universal and cultural differences in facial expression of emotion* / P. Ekman. – In: R. Cole (Ed.). *Nebraska Symposium on Motivation*, 1971. – Vol. 19. – Pp. 207 – 282.

154. Evans, V. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. – Edinburgh: Edinburgh University Press / V. Evans, M. Green. – 2006. – 851 p.
155. Geeraerts, D. Prototypes, stereotypes, and semantic norms. – In: G. Kristiansen, R. Dirven (eds.), *Cognitive sociolinguistics/ D. Geeraerts*. – Berlin: De Gruyter, 2008. – Pp. 21– 44.
156. Kalyan, S. Similarity in linguistic categorization: The importance of necessary properties / S. Kalyan // *Cognitive Linguistics*. – 2012. – Vol. 23(3). – Pp. 539 – 554.
157. Lepper, G. *Categories in Text and Talk: A Practical Introduction to Categorization Analysis/ G. Lepper*. – London: Sage, 2000. – 244 p.
158. Lounsbury, F.G. A formal Account of the Crow- and Omaha-Type Kinship. Terminologies. – In: Ward H. Good enough (ed.), *Explorations in Cultural Anthropology: Essays in Honor of George Peter Murdock/ F.G. Lounsbury*. – New York: McGraw-Hill, 1964. – Pp. 351 – 393.
159. Mashal, N. Language effects on the conceptualization of hybrids / N. Mashal, Y. Shen, K. Jospe, D. Gil // *Language and Cognition*. – 2014. – Vol. 6. – Issue 2. – Pp. 217 – 241.
160. Putnam, H. *Is Semantics Possible? / H. Putnam // Mind, Language and Reality. Philosophical Papers*. – Cambridge, 1975. – Vol. 2. – Pp. 139 – 152.
161. Putnam, H. *Realism and Reason. Philosophical papers / H. Putnam*. – Cambridge: Reference and Truth, 1983. – Vol. 3. – Pp. 69 – 86.
162. Rakison, D.H. *Early Category and Concept Development: Making Sense of the Blooming, Buzzing Confusion / D.H. Rakison, L.M. Oakes*. – New York, Oxford University Press, 2003. – 464 p.
163. Regier, T. A model of the human capacity for categorizing spatial relations / T.A. Regier // *Cognitive Linguistics*. – 1995. – Vol. 6. – Issue 1. – Pp. 63 – 88.

164. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories / E. Rosch // *Journal of Experimental Psychology: General*, 1975a. – Vol. 104. – Pp. 92 – 233.
165. Rosch E. Principles of Categorization / E. Rosch // Rosch E., Lloyd B.B. (eds.) *Cognition and Categorization*. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – Pp. 27 – 48.
166. Rosch E. Prototype Classification and Logical Classification: The Two Systems / E. Rosch // E. Scholnick, ed., *New Trends in Cognitive Representation: Challenges to Piaget's Theory*. – 1981. – Pp. 73 – 86.
167. Rosch, E. Cognitive Reference Points / E. Rosch // *Cognitive Psychology*, 1975b. – V. 7. – Pp. 532 – 547.
168. Rosch, E. Natural categories / E. Rosch // *Cognitive Psychology*. – 1973. – Vol.7. – Pp. 328 – 350.
169. Siblot, P. Georges Kleiber : La sémantique du prototype. Catégories et sens lexical / P. Siblot // *Cahiers de praxématique*. – 1990. – V. 15. – Pp. 170 – 173. – Режим доступа: <http://praxematique.revues.org/3179>.
170. Slocum, B.G. *Ordinary Meaning: A Theory of the Most Fundamental Principle of Legal Interpretation*/ B.G. Slocum. – Chicago: University of Chicago Press, 2015. – 355 p.
171. Taylor, J. R. Schemas, prototypes and models: In search of the unity of the sign. In S L. Tsohatzidis (Ed). *Meaning and prototypes* / J.R. Taylor // *Studies in linguistics categorization*. – London: Routledge, 1990. – Pp. 521 – 533.
172. Taylor, J.R. *Landmarks in linguistic thought: the western tradition from Socrates to Saussure* / J.R. Taylor. – 2nd ed. – London, New York: Routledge, 1997. – 256 p.
173. Taylor, J.R. Prototypes in Cognitive Linguistics / J.R. Taylor // *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition*. Ed. by P. Robinson and N.C. Ellis. – London, New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2008. – Pp. 39 – 65.

174. Wittgenstein, L. Philosophical investigations / L. Wittgenstein. – Oxford, 1953. – 232 p.

175. Zadeh, L. Fuzzy Sets / L. Zadeh // Information and control. – 1965. – Vol. 8. – № 1. – Pp. 338 – 353.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

176. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М. 2003. – 672 с.

177. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1563 с.

178. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1993. – 1632 с.

179. Демьянков, В.З. Прототипический подход [Электронный ресурс] / В.З. Демьянков [и др.] // Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 140 – 145. – Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Cs17.html>.

180. Кордуэлл, М. Психология А-Я: словарь-справочник / М. Кордуэлл; пер. К.С. Ткаченко. – М.: Фаир-Пресс, 1999. – 448 с.

181. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов – н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.

182. Новейший философский словарь / Науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – Минск: Книжный дом, 1999. – 877 с.

183. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1978. – 846 с.

184. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

185. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 1997. – 384 с.

186. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Sketch Engine: система корпусов на иностранных языках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://the.sketchengine.co.uk/open/>.

EmoBase: Корпус французского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phraseotext.u-grenoble3.fr/emoBase/>.

Google Книги (Google Books): сервис полнотекстового поиска по книгам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/>.